МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 4 (18) 2017

**ТОМСК
2017**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университет
(зам. главного редактора);*

*Н. А. Тучкова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ (редактор раздела антропологии,
(зам. главного редактора)*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор ТГПУ;

*А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск);*

*Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики,
университет Гамбурга (Германия);*

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония).

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 52-17-58.

Адрес редакции:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Тел. (3822) 52-17-94, факс (3822) 44-68-26.

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-12-93

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013 г.

Подписано в печать: 09.12.2017 г. Сдано в печать: 10.12.2017 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 15,62. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1011/н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: В. К. Савицкий.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: В. К. Савин.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2017. Все права защищены.

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 4 (18) 2017

**TOMSK
2017**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

- O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*
*N. A. Tuchkova, Kandidat Nauk, History, associate professor, Tomsk State Pedagogical University
(Deputy Editor in Chief, editor of Anthropology section);*
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Tomsk State Pedagogical University;
*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);*
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
*V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences (Moscow);*
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University.

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-17-58

Address for Correspondence:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Tel. +7 (3822) 52-17-94, fax +7 (3822) 44-68-26.

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-12-93

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)

PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 09.12.2017. Submitted for printing: 10.12.2017. Formate: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1011/Н

Production editor: L. V. Dombrasuskayte. Text designers: V. K. Savitsky.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: V. K. Savin.

© Tomsk State Pedagogical University, 2017. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

ЛИНГВИСТИКА

Галицына Е. Г. Фитонимы финского языка, мотивированные местом обитания растений, и их соответствия в английском языке: сравнительный анализ DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4-9-15	9
Кашкин Е. В. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4-16-28	16
Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Проблемы семантической интерпретации конструкций с посессивными формантами в диалектах селькупского языка DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 29-41	29
Крюкова Е. А., Нефёдов А. В. Выражение посессивных отношений в кетском языке: прототипичные конструкции и периферия DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4-42-55	42
Полякова Н. В. Прототипические и непрототипические функции посессивных маркеров в селькупском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 56-63	56

АНТРОПОЛОГИЯ

Бурнаков В. А. Бык, как символ плодородия в традиционной культуре хакасов (конец XIX – середина XX века) DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4-64-75	64
Коломиец О. П., Нувано В. Н. Чукотское оленеводство в конце XIX – первой половине XX в. DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 76-88	76
Попова С. А. Древнее население Северного Урала по мифам северных манси DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 89-97	89
Рудковский И. В. Симметрический «Copyright» орнаментального комплекса могильника Фирсова-XIV, или 1 + 1 = 1 DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 98-102	98
Тадышева Н. О. Современный похоронно-поминальный обряд тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и тувинцев): архаические культы и новации DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 13-111	103
Таскаракова Н. Н., Чугунекова А. Н. Отражение времени в хакасских фольклорных текстах DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 112-119	112

НАШИ АВТОРЫ	120
-------------------	-----

AUTHORS	122
---------------	-----

CONTENTS

From the Editors	7
-------------------------------	---

LINGUISTICS

Galitsyna E. G. Finnish plant names motivated by the habitat of plants and their English equivalents: comparative analysis DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4-9-15	9
Kashkin E. V. Verbs of closing and opening in Western Khanty DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4-16-28	16
Kim-Malony A. A., Kovylin S. V. Semantic interpretation problems of constructions with possessive formants in the dialects of selkup DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 29-41	29
Kryukova E. A., Nefedov A. V. Possessive relations in ket: prototypical and peripheral cases DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 42-55	42
Polyakova N. V. Prototypical and non-prototypical functions of the possessive markers in the selkup language DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 56-63	56

ANTHROPOLOGY

Burnakov B. A. Bull as a symbol of fertility in the traditional Khakas culture (the end XIX – mid XX centuries) DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 64-75	64
Kolomiets O. P., Nuvano V. N. The Chukchi reindeer breeding in the late XIX – the first half of the XX centuries DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 76-88	76
Popova S. A. The ancient population of the Northern Urals according to the myths of the Northern Mansi DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 89-97	89
Rudkovsky I. V. Symmetric «copyright» of the ornamental complex of the burial ground Firsovo-XIV, or 1 + 1 = 1 DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 98-102	98
Tadyheva N. O. Modern funeral and memorial rites of the turks of the Sayan-Altai mountains: archaic cults and innovations DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 103-111	103
Taskarakova N. N., Chugunekova A. N. Reflection time in the khakass folklore texts DOI: 10.23951/2307-6119-2017-4- 112-119	112

AUTHORS (In Russian)	120
-----------------------------------	-----

AUTHORS (In English)	122
-----------------------------------	-----

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят три-четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- теория языка и проблемы современной лингвистики;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учётом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несёт ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

Издание включено в подписной каталог «Газеты и журналы» агентства «Роспечать».
Индекс 82719

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

'Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology' was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Three-four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and world-wide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- linguistic theory and methodology of linguistic research;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Галицына Е. Г.

ФИТОНИМЫ ФИНСКОГО ЯЗЫКА, МОТИВИРОВАННЫЕ МЕСТОМ ОБИТАНИЯ РАСТЕНИЙ, И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье проводится сопоставление фитонимов финского и английского языков. Данные языки относятся к разным языковым семьям – уральской и индоевропейской, что обуславливает существенные различия в системах народной номинации растений. Однако между финскими и английскими фитонимами присутствуют и некоторые сходства, которые представляют особый интерес для исследования. В качестве основания для анализа выступают фитонимы финского языка, в которых проявляется признак места обитания растений. В статье анализируются финские фитонимы с компонентами *vesi* «вода» и *pelto* «поле»; эти слова сравниваются с названиями аналогичных растений в английском языке, которые рассматриваются в динамическом аспекте. На материале народных названий растений автор прослеживает сходство и различие номинации одних и тех же природных реалий в типологически различных языках.

Ключевые слова: фитонимы, народные названия растений, финский язык, английский язык, мотивация по месту обитания растений, сравнительный анализ.

В настоящей статье предпринимается попытка сопоставления фитонимов финского и английского языков. Данные языки относятся к различным группам: к прибалтийско-финской ветви финно-угорских языков уральской языковой семьи и германской ветви индоевропейской семьи. Несмотря на это, между ними существуют некоторые сходства, в частности, в системе народных названий растений. В качестве основания для анализа выступают фитонимы финского языка, в которых проявляется признак места обитания растений: в финно-пермских языках данный тип номинации является одним из наиболее распространенных (Бродский, 2014: 300). Фитонимы финского языка сравниваются с названиями аналогичных растений в английском языке, которые рассматриваются в динамическом аспекте.

В финских фитонимах, рассмотренных в ходе исследования, описываются различные типы местности, в которых могут обитать растения.

1. Один из типов местности – водоемы, территория неподалеку от них и другие влажные места. Наибольшее количество подобных фитонимов имеют в своем составе компонент *vesi* «вода».

1.1. Первый из них – фин. *vesi|ahma*, *vesi|ahmalo* 1) «вахта трехлистная» (лат. “*Menyanthes trifoliata* L.”); 2) «очиток едкий» (лат. “*Sedum acre* L.”). Буквально это название можно перевести как «водяной клевер» (Бродский, 2014: 312).

В древнеанглийском языке существуют фитонимы, обозначающие оба растения: *ram-gealla* и *stān-crop* соответственно.

Первое название можно дословно передать как «баранья желчь», и его второй компонент метафорически отсылает к горькому вкусу вахты трехлистной (Krischke, 2013: 371). Компонент *ram* можно объяснить тем, что растение служит пищей для животных, но значение этой части слова все же остается неясным.

В современном английском языке данное растение чаще всего обозначается двумя фитонимами: *buckbean* (букв. «олений боб») и *bogbean* (букв. «болотный боб»). Единственное сходство с древнеанглийским эквивалентом, которое можно заметить в этих современных фитонимах, – первый компонент названия *buckbean*. Слово *buck* обозначает не только оленя, но и

самца любого животного, в том числе и барана, который упоминается в древнеанглийском названии. Согласно «Словарю английских фитонимов», слово *buckbean* произошло от нидерландского названия *bocks-boonen*, которое связано со словом *scharbock* (от лат. *scorbutus*) «цинга», так как вахта трехлистная считалась средством от этой болезни. Компонент *bean* «боб» может объясняться внешним сходством растений (Dictionary of English Plant-names, 1886: 69). Согласно этому же словарю, фитоним *bogbean* является более поздним искаженным вариантом названия *buckbean* (Dictionary of English Plant-names, 1886: 56).

Помимо двух упомянутых фитонимов, в современном английском языке существует большое количество других слов, обозначающих вахту трехлистную. В некоторых из них, как и в названии *bogbean*, присутствует компонент, указывающий на то, что она произрастает во влажных местах. К таким фитонимам относятся *boghop* (букв. «болотный хмель»), *bognut* (букв. «болотный орех»), *brookbean* (букв. «ручейный боб»). В фитониме *bean trefoil* (букв. «боб-трилистник») вахта трехлистная сравнивается с двумя растениями, очевидно, на основании внешнего сходства. Наконец, несколько английских названий содержат как компонент «клевер», так и упоминание водной местности: *marsh clover* (букв. «болотный клевер»), *bog trefoil*, *marsh trefoil* («болотный трилистник»), *water trefoil* («водяной клевер») (Dictionary of English Plant-names, 1886: 593). Буквальный перевод последнего фитонима совпадает с переводом финского названия вахты трехлистной; это позволяет утверждать, что носители обоих языков отметили, а значит, посчитали важными, одинаковые признаки растения – место обитания и внешний вид.

Второе значение финского фитонима *vesi|ahma*, *vesi|ahmalo* – «очиток едкий». Древнеанглийское название этого растения – *stān-crop* – буквально переводится как «каменный (каменистый) зонтик». Второй компонент связан с тем, что у данного растения довольно большие соцветия-зонтики. Первый же компонент, как и в финском названии, отсылает к месту обитания; однако, согласно древнеанглийскому фитониму, очиток едкий предпочитает не влажную, а каменистую местность (Krischke, 2013: 384). Как указывается в «Иллюстрированном определителе растений Средней России», очиток едкий произрастает в сухих и каменистых местах: на песках, насыпях, каменистых и известковых склонах (Иллюстрированный определитель растений Средней России, 2003: 347). Но в другом определителе, созданном финскими исследователями, утверждается также, что эта каменистая местность может быть расположена на берегу моря (NatureGate), что характерно как для Финляндии, так и для Великобритании. Таким образом, между финским и древнеанглийским фитонимами нет противоречия: в первом отмечается, что очиток едкий обитает недалеко от воды, а во втором указывается вид почвы, на которой он произрастает.

В древнеанглийский период различные виды очитка обозначались разными фитонимами, но впоследствии слово *stān-crop* стало называть очиток вообще, то есть весь род этих растений. Современное английское название очитка едкого – *biting stonecrop* (букв. «кусающийся очиток»). Подобное определение обусловлено тем, что у растения едкий и ядовитый сок, который может вызвать ожоги (Иллюстрированный определитель растений Средней России, 2003: 347); это свойство отразилось также в русском и латинском фитонимах.

1.2. Компонент *vesi* «вода» входит в два финских названия звездчатки средней (лат. “*Stellaria media* L.”). Первое из них – *vesi|arho*, *ves’|arho*, *ves’arhoi* – буквально означает «водяная звездчатка», а второе – *vesi|heinä*, *ves’heinä*, *ves|heenä*, *väsi|heinä* – «водяная трава» (Бродский, 2014: 312).

В древнеанглийском языке для звездчатки средней существовало два фитонима: *cicena mete* и *æbelferping-wyrt*. Мотивация обоих этих названий не совпадает с той, на которой основан фитоним в финском языке. Первое из этих названий имеет буквальное значение «еда цыпленка» и обусловлено тем, что звездчатка средняя часто используется в качестве корма для птиц. Возможно, фитоним *cicena mete* является калькой латинского названия *morsus gallinae*, но он мог возникнуть в древнеанглийском языке и независимо (Krischke, 2013: 262–263). Данный фитоним сохранился в английском языке, преобразовавшись в слово *chickweed* (букв. «трава цыпленка»).

Второй фитоним, относящийся к звездчатке средней, – *æpelferþing-wyrt*. Существует несколько версий происхождения первого компонента данного названия; наиболее убедительной из них является предположение о том, что эта часть слова восходит к имени собственному *Æpelferþ* «Этельферт». Фитоним можно перевести как «трава Этельферта», хотя неизвестно, почему растение ассоциировалось с этим именем собственным (Krischke, 2013: 244–245). Фитоним *æpelferþing-wyrt* не сохранился: уже в среднеанглийском языке не было названия, восходящего к нему. По мнению П. Китсона, это могло быть вызвано тем, что устарело имя собственное, а за ним и слово, в которое оно входило (Kitson, 1988: 110–111).

1.3. Финский фитоним *vesi||mint(t)u* может обозначать, наряду с другими растениями, мяту водяную (лат. “*Mentha aquatica* L.”), его буквальный перевод также «водяная мята» (Бродский, 2014: 313).

В древнеанглийском языке существовало несколько слов для обозначения данного растения, из которых можно выделить два – *brōc-mīnte* (букв. «ручейная мята») и *fen-mīnte* (букв. «болотная мята»). Мотивация обоих этих фитонимов связана с тем, что данное растение предпочитает влажную почву и может обитать, в том числе, у ручьев и на болотах (Krischke, 2013: 257; 300).

В современном английском языке используется фитоним *water mint*, который буквально означает «водяная мята» и, таким образом, совпадает со своими эквивалентами в латинском, русском и финском языках.

1.4. Фитоним *vesi||ruoho* (букв. «водяная трава») может обозначать три растения: болотник (лат. “*Callitriche* L.”), звездчатку среднюю (лат. “*Stellaria media* L.”) и манжетку (лат. “*Alchemilla vulgars* L.”) (Бродский, 2014: 313).

Древнеанглийское название болотника – *wæter-wyrt* (букв. «водяная трава»), а современное – *water-starwort* («водяная звездчатка») (The Dictionary of Old English Plant Names). В них, как и в финском, и в русском фитонимах, выражается место обитания растения: болотник предпочитает влажную почву (Krischke, 2013: 404). В современном названии второй элемент, очевидно, можно объяснить внешним сходством болотника и звездчатки.

Любопытно, что в финском языке болотник может обозначаться еще одним фитонимом с компонентом *vesi* – *vesi||sammal*, *ves’||sammal*, *ves||sammalta* (букв. «водяной мох») (Бродский, 2014: 313).

В английских фитонимах, обозначающих звездчатку среднюю и манжетку, не проявляется признак места обитания. Мотивация первых, как было описано выше, основана на использовании растения в хозяйстве и на имени собственном, каким-то образом с ним связанным.

Древнеанглийский фитоним, обозначающий манжетку, – *lēon-fōt* (букв. «ступня льва»). Он является калькой одного из двух латинских названий – *pēs leōnis* или *leontopodium* – и мотивирован внешними особенностями растения. Листья манжетки действительно напоминают львиные лапы, а желтые цветки могли поддерживать ассоциации с этим животным (Krischke, 2013: 349–350). В настоящее время для данного растения используется другой фитоним – *lady’s mantle* (букв. «накидка дамы»); ранее он имел форму *Our Ladies Mantell* (букв. «накидка Богоматери») и был мотивирован «красотой листа» манжетки (Dictionary of English Plant-names, 1886: 295). Интересно, что второе растение, обозначавшееся словом *lēon-fōt* – леонтица львинолепестковая (лат. “*Leontice leontopetalum* L.”) сохранило свое древнеанглийское название и теперь обозначается фитонимом *lion’s foot* (The Dictionary of Old English Plant Names).

1.5. Еще один фитоним финского языка, содержащий компонент *vesi*, – *ves’||yrtti* «вех ядовитый» (лат. “*Cicuta virosa* L.”). Буквально его можно перевести как «водяная трава» (Бродский, 2014: 313).

Одно из древнеанглийских названий веха ядовитого, – *brōc-þung* (букв. «ручейное ядовитое растение»). Такое наименование можно объяснить двумя факторами – ядовитостью растения (что отражено в русском фитониме) и тем, что оно обитает преимущественно во влажных местах, в том числе, по берегам ручьев (Krischke, 2013: 257–258).

Современное английское название вежа ядовитого – *cowbane* (букв. «коровий яд»). В «Словаре английских фитонимов» поясняется, что это растение часто едят коровы и оказываются им смертельно отравлены (Dictionary of English Plant-names, 1886: 121). Таким образом, финский фитоним мотивирован местом обитания вежа ядовитого, современный английский фитоним – его опасными свойствами, а в древнеанглийском названии присутствуют оба эти принципа номинации.

2. Важным признаком для фитонимов финского языка является признак произрастания на открытой местности (на лугу, в поле), которая противопоставляется лесу (Бродский, 2014: 307). Особенно большое количество фитонимов содержит компонент *pelto* «поле», включая его варианты.

2.1. Пять финских названий с данным компонентом имеют значение «тысячелистник» (лат. “*Achillea millefolium* L.”). Для трех из них – *pelto||ruoho*, *pelto||ruoho* (букв. «полевая трава») и *pellon||pyökär* (букв. «полевой тысячелистник») – это единственное значение (Бродский, 2014: 309).

В древнеанглийском языке тысячелистник чаще всего обозначался фитонимом *gearwe*, от которого произошло его современное название – *yarrow* (Krischke, 2013: 312). В двух зафиксированных случаях для наименования этого растения использовался сложный фитоним *rēade gearwe* (букв. «красный тысячелистник»); возможно, он обозначал подвид тысячелистника обыкновенного с красными цветками (Krischke, 2013: 373).

2.2. Фитоним *pellon||hatikas* (букв. «полевой подмаренник») используется в финском языке для обозначения подмаренника цепкого (лат. “*Galium aparine* L.”) (Бродский, 2014: 309).

Основой многочисленных древнеанглийских наименований данного растения является не место его обитания, а особенность плодов, которые могут прикрепляться к одежде или шерсти животных (Krischke, 2013: 267). Два простых слова – *clāte* и *clife* – могли называть лопух большой и подмаренник цепкий; первое из них восходит к общегерманскому глаголу **klei-* «прилипать, приклеиваться», а второе образовано от него же при посредничестве древнеанглийского глагола *clīfan* с аналогичным значением. Современное название подмаренника – *cleavers* – происходит именно от *clife* (Krischke, 2013: 266–267). От этих двух названий образованы сложные фитонимы, обозначающие только подмаренник: *smale clāte*, *smale clife* (букв. «маленький лопух», «маленький подмаренник»). Как отмечает Петер Бирбаумер в словаре древнеанглийских фитонимов, в период Средневековья подмаренник цепкий считался разновидностью лопуха. Плоды обоих растений имеют колючки и могут прикрепляться к поверхностям, но у подмаренника они намного меньше, чем у лопуха (цит. по: Krischke, 2013: 380–381).

Место обитания также могло выражаться в древнеанглийских названиях подмаренника цепкого, но лишь как дополнительный признак. Так, фитоним *hege-clife* буквально можно передать как «изгородь-подмаренник». Его первый компонент объясняется тем, что подмаренник – выщущее растение, которое часто можно встретить вдоль изгородей (Krischke, 2013: 327).

2.3. Два финских фитонима – *pelto||apila* и *pelto||paula* – имеют буквальное значение «полевой клевер» и могут называть два растения: клевер луговой (лат. “*Trifolium pretense* L.”) и клевер пашенный (лат. “*Trifolium arvense* L.”) (Бродский, 2014: 309).

Клевер луговой в древнеанглийский период имел название *read clæfre* (букв. «красный клевер»), которое, возможно, является калькой латинского названия *trifolium rubrum*. Современный фитоним *red clover* происходит от древнеанглийского; в них, как и в латинском наименовании, отмечается оттенок цветков растения (Krischke, 2013: 372).

Мотивацию древнеанглийского наименования клевера пашенного – *haran hige* – определить сложнее. Согласно одной из гипотез, фитоним имеет буквальное значение «ступня зайца» (Krischke, 2013: 322). Причиной для такого наименования мог послужить внешний вид растения: все растение мохнато-пушистое, имеет бархатистые цветочные головки, ср. его русское название *котики* (Вакар, 1964: 162). Древнеанглийское название было, возможно, напрямую калькировано с латинского *leporis pes*, хотя подобное совпадение маловероятно. У данного

фитонима существует множество соответствий в других германских языках; это дает основания предположить, что подобное наименование клевера пашенного характерно для германской группы языков в целом. Древнеанглийское название этого растения сохранилось в языке и в современный период приобрело форму *hare's foot clover* (букв. «клевер-ступня зайца») (The Dictionary of Old English Plant Names).

2.4. В финском фитониме *pelto||kaali* (букв. «полевая капуста»; «редька полевая», лат. “*Raphanus raphanistrum* L.”) (Бродский, 2014: 309) компонент *pelto* имеет несколько иное значение, чем в других названиях. Должно быть, в данном случае признаком является не место произрастания, а то, что редька полевая является диким, а не культурным растением.

Более явно это свойство выражено в древнеанглийском фитониме *wilde rædic* (букв. «дикая редька»), который в современном языке имеет форму *wild radish* (The Dictionary of Old English Plant Names).

2.5. Финский фитоним *pelto||kello* обозначает выюнок полевой (лат. “*Convolvulus arvensis* L.”) и буквально переводится как «полевой колокол» (Бродский, 2014: 309). Таким образом, в нем выражены два признака – места обитания и внешних особенностей растения (с колоколом можно сравнить форму цветков выюнка).

В древнеанглийском языке выюнок полевой мог обозначаться двумя фитонимами – *wipo-winde* и *bere-winde*. Их общий второй компонент происходит от глагола *windan* > *to wind* «извиваться, наматывать(ся), вертеть» и, очевидно, используется для обозначения вьющегося растения (Krischke, 2013: 415). Согласно П. Бирбаумеру, первый компонент фитонима *wipo-winde* сочетает в себе две германские морфемы: **widu-* (да. *wudu*) «лес» и **wipi-* «веревка» (да. *wīpī(g)e* «кива, лента, венок»). Причина такого смешения в том, что из-за своего фонетического сходства эти две морфемы часто путались и ассимилировались (цит. по: Krischke, 2013: 408). Компонент *wipo* может обозначать то, что растение обвивает ветви деревьев или же то, что оно само будто состоит из веревок (с которыми могли сравниваться стебли выюнка) (Krischke, 2013: 415). Таким образом, буквально фитоним *wipo-winde* можно перевести как «лес-вьющееся растение» или «веревка-вьющееся растение». Первый компонент фитонима *bere-winde* является названием другого растения – ячменя, стебли которого выюнок может связывать вместе. Его буквальный перевод может звучать как «ячень-вьющееся растение» (Krischke, 2013: 248–249).

В современном английском языке выюнок обозначается словом *bindweed* (букв. «связывающая трава»), которое, как и древнеанглийские названия, отражает свойства вьющегося растения. Выюнок полевой обозначается, в том числе, фитонимами *lesser bindweed*, *small bindweed* (букв. «малый выюнок») и *field bindweed* («полевой выюнок»). Третье из этих названий можно сравнить с финским фитонимом *pelto||kello*.

2.6. Два фитонима с компонентом *pelto* обозначают дымянку лекарственную (лат. “*Fumaria officinalis* L.”): *pelto||krassi*, *pelto||rassi* (букв. «полевой клоповник») и *pelto||neilikka* (букв. «полевая гвоздика») (Бродский, 2014: 309). По-видимому, считалось, что дымянка лекарственная находится в родстве с этими двумя растениями и является подвидом клоповника или гвоздики, растущим в поле.

Мотивация древнеанглийского фитонима *āttor-lāþe*, называющего дымянку, связана, по-видимому, с лекарственными свойствами растения. Первый компонент данного слова имеет значения «яд» и «желчь», а второй – «боль, вред, раздражение». Таким образом, в фитониме отмечается, что дымянка «наносит вред» заболеваниям, вызванным ядом и избытком желчи, то есть лечит эти болезни (Krischke, 2013: 241). Буквально фитоним *āttor-lāþe* можно передать как «вред для яда» или «вред для желчи» (Krischke, 2013: 240).

Интерес представляет и современное английское название дымянки лекарственной – *fumitory*. Оно пришло уже в среднеанглийский язык из старофранцузского, в котором существовал фитоним *fumeterre* (букв. «дым земли») (Klein, 1971: 299). Он, в свою очередь, произошел от латинского названия *fumus terrae*; последнее связывают с поверьем о том, что дымянка «образуется без семени из паров, поднимающихся от земли» (Prior, 1870: 86). О подобной легенде

свидетельствует и другое английское наименование этого растения – *earth smoke* (букв. «земляной дым»). Вероятно, причиной появления легенды стало какое-либо реальное свойство растения, и исследователи называют несколько таких свойств. Согласно «Словарю английских фитонимов», только что вырванный корень дымянки лекарственной издает сильный запах, напоминающий запах паров азотной кислоты; это могло дать начало вышеупомянутому поверью о происхождении растения (Dictionary of English Plant-names, 1886: 196). Другая особенность данного растения – его цвет: цветки дымянки «грязно-малиновые» (Иллюстрированный определитель растений Средней России, 2003: 253), а листья – беловато-голубого оттенка. Поэтому, если смотреть на растения издали, кажется, будто земля находится в дымке (Dictionary of English Plant-names, 1886: 196). Таким же образом можно объяснить и латинское название *Fumaria L.* Б. А. Вакар отмечает, что оно происходит от лат. *fumus* – «дым»: растение издали, благодаря своей сероватой окраске, напоминает дымовое облачко (Вакар, 1964: 203). Плиний Старший утверждал, что, если приложить дымянку к глазам, они начнут слезиться, как от дыма (Prior, 1870: 86–87).

На наш взгляд, наиболее вероятно, что основой легенды о происхождении дымянки лекарственной стал ее внешний вид. Цвет является самой заметной особенностью из всех упомянутых: если посмотреть на большое скопление этих растений, действительно создается впечатление дымки. Кроме того, в народной систематике внешние признаки растений, как правило, принадлежат к наиболее важным и часто используемым принципам номинации. Возможно также, что в дальнейшем «образ» дымянки был дополнен и другими ее особенностями, что в итоге привело к возникновению легенды и самого фитонима.

В статье проанализированы фитонимы, обозначающие 14 растений; названия 7 из них в финском языке включают компонент «вода» и 7 – компонент «поле». На основании рассмотренного материала можно сделать некоторые выводы.

Из первой группы финские названия четырех растений (вахта трехлистная, мята водяная, болотник, вех ядовитый) полностью или частично совпадают с фитонимами английского языка – его древнего или современного варианта. Английские фитонимы, называющие очиток, звездчатку и манжетку, отражают другие особенности этих растений – их внешние признаки, свойства, использование в хозяйстве.

Во второй группе фитонимов совпадений всего два (редька полевая, вьюнок полевой). Для растений, которые встречаются в поле, что и отражается в их финских названиях, более существенными отличительными признаками в английском языке становятся цвет, форма, свойства растения, связанные с ним мифологические представления.

Еще одно наблюдение касается развития фитонимов в английском языке: древние названия девяти из четырнадцати рассмотренных растений сохранились, претерпев различное количество преобразований, и используются в настоящее время. Для пяти растений в современном английском языке используются «новые» названия – некоторые из них были заимствованы из других языков, в частности, нидерландского и французского.

Список литературы

- Бродский И. В. Номинация растений по признаку места их произрастания в финно-пермских языках / И. В. Бродский // Вопросы уралистики. – 2014. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 300–361.
- Вакар Б. А. Определитель растений Урала. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. – 415 с.
- Иллюстрированный определитель растений Средней России. – Т. 2: Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные) / И. А. Губанов [и др.]. – М.: Т-во научных изданий КМК, Ин-т технологических исследований, 2003. – 665 с.
- Dictionary of English Plant Names / ed. by J. Britten, R. Holland. – London: Trübner & Company, 1886. – 618 p.
- The Dictionary of Old English Plant Names [Electronic resource]. URL: <http://oldenglish-plantnames.org> (accessed: 04.06.2017).
- Kitson P. Two Old English Plant-names and Related Matters / P. Kitson // English studies. – 1988. – Vol. 69, iss. 2. – P. 97–112.
- Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language / E. Klein. – London: Elsevier, 1971. – 844 p.

Krischke U. The Old English Complex Plant Names: a Linguistic Survey and a Catalogue / U. Krischke. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. – 488 p.

NatureGate [Electronic resource]. URL: <http://www.luontoportti.com/suomi/en> (accessed: 04.05.2017).

Prior R.C.A. On the popular names of British plants, being an explanation of the origin and meaning of the names of our indigenous and most commonly cultivated species / R. C. A. Prior. – London: Williams and Norgate, 1870. – 290 p.

Галицына Е. Г., аспирант кафедры русского языка и общего языкознания УрФУ.

Уральский федеральный университет.

Пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Россия, 620000.

E-mail: helen25-00@mail.ru

Материал поступил в редакцию 02.10.2017 г.

Galitsyna E. G.

FINNISH PLANT NAMES MOTIVATED BY THE HABITAT OF PLANTS AND THEIR ENGLISH EQUIVALENTS: COMPARATIVE ANALYSIS

The article is concerned with the comparison of Finnish and English plant names. These languages belong to different families – Uralic and Indo-European, which results in significant discrepancies in the systems of folk plant taxonomy. Yet Finnish and English plant names also have similarities that can be of particular interest for research. The analysis is based on Finnish plant names that denote the habitat of plants. The article considers Finnish plant names with the elements *vesi* “water” and *pelto* “field”; these words are compared to the names of the same plants in the English language, which are viewed diachronically. Having studied these folk plant names, the author traces similarities and differences in nomination of the same natural realia in typologically distinct languages.

Key words: *plant names, common plant names, Finnish, English, motivation based on the habitat of plants, comparative analysis.*

References

Brodsky I. V. Nominatsiya rasteniy po priznaku mesta ikh proizrastaniya v finno-permskikh yazykakh [Nomination of plants according to their habitat in Finno-Permian languages] // Voprosy uralistiki [Issues of Uralic studies]. – 2014. – P. 300–361. (in Russian)

Vakar B. A. Opredelitel' rasteniy Urala [A key to plants of the Urals]. – Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1964. (in Russian)

Gubanov I. A. et al. (Ed.). Illustrirovannyi opredelitel' rasteniy srednej Rossii. – T. 2: Pokrytosemennye (dvudolnye: razdel'nolepestnye) [An illustrated key to plants of Central Russia. – Vol. 2: angiosperms (dicotyledons: choripetalae)]. – M.: T-vo nauchnykh izdanij KMK, Institut tekhnologicheskikh issledovaniy, 2003. (in Russian)

Britten J., Holland R. (Ed.). Dictionary of English Plant Names. – London: Trübner & Company, 1886.

The Dictionary of Old English Plant Names. Retrieved from <http://oldenglish-plantnames.org/>.

Kitson P. Two Old English Plant-names and Related Matters // English studies. – 1988. – Vol. 69 (2). – P. 97–112.

Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. – London: Elsevier, 1971.

Krischke U. The Old English Complex Plant Names: A Linguistic Survey and a Catalogue. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.

NatureGate. Retrieved from <http://www.luontoportti.com/suomi/en>.

Prior R.C.A. On the popular names of British plants, being an explanation of the origin and meaning of the names of our indigenous and most commonly cultivated species. – London: Williams and Norgate, 1870.

Galitsyna E. G., PhD student, Chair of the Russian Language and General Linguistics.

Ural Federal University.

Pr. Lenina, 51, Ekaterinburg, Russia, 620000.

E-mail: helen25-00@mail.ru

Кашкин Е. В.

ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ ЗАКРЫВАНИЯ И ОТКРЫВАНИЯ В ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В статье рассматривается семантика глаголов закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка (с. Овгорт, Мужи, Восяхово, Теги). Данные собраны в ходе полевых исследований автора. Работа ведется в рамках более широкого типологического исследования, выполняемого с применением фреймового подхода к лексической типологии. Обсуждается категоризация основных фреймов закрывания и открывания в хантыйском языке, а также параметры, по которым противопоставлены между собой единицы этого поля. В некоторых случаях зафиксированы различия в устройстве рассматриваемого поля в хантыйских говорах. Демонстрируется асимметрия семантических зон закрывания и открывания. Анализируются выявленные метафорические сдвиги и сопутствующие им морфосинтаксические процессы.

Ключевые слова: хантыйский язык, семантика, лексическая типология, глаголы закрывания, глаголы открывания.

1. Введение

1.1. Предмет исследования и теоретический фон

В статье рассматриваются на западнохантыйском материале глаголы закрывания, описывающие прекращение доступа к статичному объекту путем создания преграды (ср. рус. *закрыть, запереть, заслонить*), и антонимичные им глаголы открывания, которые обозначают создание доступа к статичному объекту путем устранения преграды (ср. рус. *открыть, отпереть, распахнуть*). Работа ведется в рамках типологического проекта, на текущий момент охватывающего семь языков: русский, польский, английский, шведский, горномарийский, коми, хантыйский². О первых типологических результатах см. (Кашкин, 2017; Vinogradova et al., 2017; Кашкин и др., в печати).

Теоретической базой нашей работы служит фреймовый подход к лексической типологии (Майсак, Рахилина (ред.), 2007; Рахилина, Резникова, 2013; Rakhilina, Reznikova, 2016). Он предполагает сопоставление семантики лексических единиц (как в пределах одного языка, так и в типологической перспективе) на основе анализа их сочетаемостных свойств и выделения типов ситуаций (в терминологии подхода – фреймов), между которыми в языках возникают лексические противопоставления.

Ранее глаголы закрывания и открывания не изучались лексическими типологами подробно. Можно упомянуть лишь краткие сведения о глаголах открывания в (Bowerman, Choi, 2001; Bowerman, 2005). Детальные исследования этого поля в хантыйском языке нам неизвестны вовсе, имеется лишь довольно обрывочная информация в словарях, но развернутых сведений о сочетаемости и о семантических различиях лексем там нет. Между тем, они представляют любопытный сюжет для исследования в силу богатства своей аргументной структуры, которая включает субъект (кто закрывает / открывает), объект (что подвергается закрыванию / открыванию), инструмент (с помощью чего осуществляется закрывание / открывание), потенциального участника (от кого или чего закрывают / для кого или чего открывают). Эта структура подвергается и дальнейшим усложнениям. Так, объектом глагола закрывания или

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

² Помимо автора статьи, в упомянутом типологическом исследовании участвуют М. А. Сидорова, Д. О. Жорник и О. И. Виноградова.

открывания может быть преграда ('закрыть дверь'), пространство, доступ в которое прекращается ('закрыть комнату'), либо участник ситуации, находящийся в закрытом пространстве ('закрыть ребенка в комнате'). Участники ситуации могут по-разному взаимодействовать друг с другом, ср. '[плакать и] закрыть лицо руками' (контакт закрываемого пространства и преграды) vs. 'закрыть лицо руками [от летящего мячика]' (дистанция между закрываемым пространством и преградой). Наконец, разные ситуации могут содержать разный набор аргументов, ср. возможность инструмента в ситуации 'закрыть дверь' (на замок, на засов, на щеколду) и его принципиальную невозможность в ситуации 'зажмурить глаза'. Всё это создает потенциально огромные возможности межъязыкового варьирования рассматриваемого поля. О том, как они реализуются в хантыйском языке, мы поговорим в этой статье.

1.2. Данные

Как уже было сказано, в работе рассматривается материал западных говоров хантыйского языка. Основная его часть собрана автором статьи в 2016–2017 гг. в ходе полевой работы с носителями шурышкарского диалекта в с. Мужы, Восяхово и Овгорт Шурышкарского района ЯНАО, а также с носителями тегинского говора (переходного между шурышкарским и казымским диалектами) в с. Теги Березовского района ХМАО. Системы глаголов закрывания и открывания в этих говорах устроены в целом одинаково, выявленные частные различия эксплицитно оговариваются в дальнейшем тексте. Мы проводили анкетирование информантов – жителей этих сел; в рамках такой работы им предлагалось перевести предложения с русского на хантыйский, оценить приемлемость того или иного глагола в заданном контексте, а также сформулировать различия между несколькими возможными в контексте лексемами, если они усматривали таковые. При каждом примере далее указано, в каком населенном пункте он записан. Мы учитываем и информацию, доступную в хантыйских словарях, в первую очередь в (DEWOS; Кошкарева (ред.), 2011; Лельхова, 2012; Соловар, 2014).

1.3. Превербы

Следует оговорить, что хантыйский язык весьма богат превербами, привносящими в контекст какие-либо семантические нюансы либо уточняющими аспектуальную интерпретацию глагола, см., например, (Николаева, 1995: 74–77; Каксин, 2007: 55–56). В частности, в работе (Соловар, 2014: 139, 267–268) приводятся превербы *lär* 'префикс со значением замкнутости действия' и *pelka / pelki* 'открыто'. Они продуктивно присоединяются к глаголам, описывающим какой-либо тип воздействия на объект, и образующиеся так единицы начинают обозначать соответственно закрывание и открывание, осуществляемое воздействием данного типа, ср. *lär jirti* 'завязать' (от *jirti* 'завязать, привязать'), *lär seŋkti* 'забить' и *pelki seŋkti* 'разбить, расколоть, выдолбить' (от *seŋkti* 'бить'), *lär talti* 'затянуть' (от *talti* 'тянуть'), *pelki tæxti* 'разорваться' (от *tæxti* 'рваться') и т.п. Поскольку толкования такого рода единиц могут быть порождены по продуктивной схеме из толкований исходных глаголов и в целом описание их семантики вовлекает подробное рассмотрение других полей, к которым принадлежат исходные глаголы, мы оставляем их за рамками подробного рассмотрения в данной статье, концентрируясь в первую очередь на глаголах с базовой семантикой закрывания и открывания. Такие глаголы чаще всего используются с превербами *lär* и *pelki* (в исследованных нами говорах последний имеет вид *pelki*) – однако встречаются они и без превербов. Семантических различий между употреблением глаголов закрывания и открывания с превербом либо без преверба на данный момент выявить не удалось.

1.4. Структура работы

Дальнейший текст имеет следующую структуру. Раздел 2 посвящен прямым употреблением хантыйских глаголов закрывания. В разделе 3 рассматриваются метафорические употребления, зафиксированные у одного из них (метафор от других единиц поля нами не зафиксировано). В разделе 4 обсуждаются глаголы открывания. Раздел 5 содержит основные итоги.

2. Глаголы закрывания: прямые употребления

Далее мы последовательно рассмотрим прямые употребления хантыйских глаголов закрывания, ориентируясь на те фреймы, которые пока удалось выявить в рамках типологического проекта.

2.1. Преграда в строении

Одним из центральных контекстов описываемой семантической зоны является закрывание какой-либо преграды в строении – например, двери, окна, калитки. Центральными глаголами этой зоны в шурышкарском диалекте являются глаголы *tūxərti* и *petti* (в тегинском говоре им соответствуют варианты *tuoxərti* и *pentti*³). Помимо них, нами зафиксированы лексемы *tomanti* (от существительного *toman* ‘замок’) и *jākanti* (от существительного *jākan* ‘замок, крючок’). Оба эти глагола могут описывать только действие с использованием соответствующего запирающего устройства, не развивают какой-либо примечательной полисемии и далее не обсуждаются.

Ключевым для различения глаголов *tūxərti* / *tuoxərti* и *petti* / *pentti* оказывается параметр наличия / отсутствия запирающего устройства. В случае глагола *tūxərti* / *tuoxərti* оно присутствует в ситуации, а в случае глагола *petti* / *pentti* – отсутствует, ср. также отмеченные в (DEWOS: 1418) в некоторых хантыйских говорах словообразовательно связанные с первым из этих глаголов существительные *tāwrip* и *toxrip*, означающие ‘задвижка’. Описанное семантическое различие проиллюстрировано в примере (1), где глагол *petti* не совместим с эксплицитным выражением запирающего устройства. С другой стороны, он мог бы быть применен, например, в ситуации, когда говорящий заходит в школьный кабинет и закрывает за собой дверь, но не на замок.

1. *ma* *əw-em* *kāt* *toman-na* *lāp* *tūxər-t-em*
я дверь-POSS.1SG два замок-LOC ЗАКРЫТИЕ закрывать-NPST-1SG.S.SG.O
**lāp* *pen-t-em*
ЗАКРЫТИЕ закрывать-NPST-1SG.S.SG.O

‘Я закрываю дверь на два замка’. (с. Муж)

Кроме того, глагол *tūxərti* / *tuoxərti* коррелирует и с семантикой более плотного закрывания, результат которого сложнее отменить, ср. использование именно этого глагола в следующем примере:

2. *katra-j-ən* *išne-t* *kim* *wu-j-li-s-t-əw,*
старый-ST-LOC окно-PL наружу брат-ST-IPFV-PST-DU/PL.O-1PL.S
sus-ən *pa*
осень-LOC ADD
jilp-a *šiw* *nox* *lōhś-ijəl-s-əl-əw* *pa*
новый-ADV туда вверх ставить-IPFV-PST-DU/PL.O-1PL.S ADD
lāp *tuoxr-ijəl-s-əl-əw*
ЗАКРЫТИЕ закрывать-IPFV-PST-DU/PL.O-1PL.S

‘Раньше окна вынимали, осенью заново вставляли и закрывали намертво’. (Теги)

³ Согласный *n* возникает и в формах глаголах *petti* в шурышкарском диалекте, ср. *pentəm* ‘закрываю’. Однако в тегинском говоре он, в отличие от шурышкарского диалекта, произносится и в начальной форме глагола.

2.2. Преграда для зрительного восприятия функциональной части & складные предметы

Рассматриваемый в этом разделе фрейм прототипически представлен такими объектами, как книга или газета. В рамках типологического исследования нуждается в дальнейшем изучении вопрос о том, какой параметр первичен в категоризации закрывания таких предметов – особый тип воздействия «складыванием» или функциональность той части объекта, к которой прекращается доступ (в случае книги или газеты функциональность обусловлена наличием текста на их закрываемой для доступа части). Подробнее об этой проблеме см. (Кашкин и др., в печати). Опрошенные нами носители допускают употребление в таких контекстах глагола *petti / pentti*, но, как правило, не допускают употребление глагола *tūxarti / tuoxarti*:

3. *luŋət-ti* *nepek-en* *lǎp* *pent-i* /
читать-IPFV.PTCP/INF бумага-POSS.2SG ЗАКРЫТИЕ закрывать-IMP
??*lǎp* *tūxr-i* *śalta* *pa nox u-j-i*
ЗАКРЫТИЕ закрывать-IMP затем ADD вверх брать-ST-IMP
‘Книгу закрой и убери’ (с. Восяхово).

Вариантом, который предлагается здесь носителями чаще всего, оказывается, однако, сочетание *lǎp ponti* (преверб с семантикой закрытия + глагол ‘класть’), см. (4). Оно же применяется и к складным предметам (перочинному ножу, складному стульчику и т. п.), см. (5).

4. *ewi-je* *luŋət-ti* *nepek-əl* *lǎp* *pon-əs*
девочка-DIM читать-IPFV.PTCP/INF книга-POSS.3SG ЗАКРЫТИЕ класть-PST

‘Девочка закрыла книгу’. (с. Мужа)

5. *keše-n* *lǎp* *pon-i*
нож-POSS.2SG ЗАКРЫТИЕ класть-IMP

‘Нож сложи’. (с. Мужа).

Тем самым, в хантыйской системе глаголов закрывания объекты типа книги или газеты категоризуются так же, как складные объекты: акцент делается не на создании преграды, а на изменении формы. Здесь, однако, возникает типологическое варьирование, ср. хотя бы недопустимость, по крайней мере в ситуации закрывания, сочетания **сложить книгу* в русском.

2.3. Части тела

В качестве отдельного фрейма были рассмотрены части тела, закрывание которых происходит при отсутствии внешнего инструмента, – глаза и рот. В ситуации закрывания рта носители языка допускают как глагол *petti / pentti*, так и глагол *tūxarti / tuoxarti*, однако употребление в этой ситуации последнего несколько чаще ставится под сомнение. Кроме того, для некоторых информантов здесь более естественно не буквальное повторение структуры русского примера, а описательная конструкция:

- (6) *mašja* *wuol-a!*
молчаливый быть-IMP

‘Молчи!’ (с. Теги)

Закрывание глаз тоже может быть описано как глаголом *petti / pentti*, так и глаголом *tūxarti / tuoxarti*, с некоторым предпочтением первого из них (7). В работе (Соловар, 2014: 327) указывается наличие в казымском диалекте глагола *хъ́нті* ‘закрывать (глаза)’. В обследованных нами говорах он, однако, не используется и лишь пассивно знаком некоторым жителям с. Теги, оценивающим его, тем не менее, как казымский.

7. *ewi* *sem-l-al* *lăp* *pent-əs* / *lăp*
 девочка глаз-PL-POSS.3SG/3PL ЗАКРЫТИЕ закрывать-PST ЗАКРЫТИЕ
tūxr-əs
 закрывать-PST
pa *imoxti* *wojəp-s-a*
 ADD сразу уснуть-PST-PASS

‘Девочка закрыла глаза и сразу уснула’. (с. Овгорт)

Часто, однако, носители хантыйского языка выбирают по отношению к закрыванию глаз описательные обороты⁴:

8. *ew-leŋki* *il* *ol-əs,* *sem-l-al* *lăp* *măn-s-ət*
 девочка-DIM вниз лежать-PST глаз-PL-POSS.3SG/3PL ЗАКРЫТИЕ идти-PST-3PL

‘Девочка легла, глаза закрылись’. (с. Теги)

9. *sem-l-al* *lăp* *xăt-s-ət*
 глаз-PL-POSS.3SG/3PL ЗАКРЫТИЕ прилипнуть-PST-3PL

‘Она мгновенно уснула’ (букв.: Ее глаза слипились). (с. Мужа)

10. *sem-l-al* *lăp* *măn-s-a-j-ət*
 глаз-PL-POSS.3SG/3PL ЗАКРЫТИЕ идти-PST-PASS-ST-3PL

‘Его глаза закрылись’. (Казымский диалект)

11. *sem-l-al* *lăp* *tə-s-le*
 глаз-PL-POSS.3SG/3PL ЗАКРЫТИЕ нести-PST-3SG.SO

‘Он закрыл (букв.: закрыто унес) глаза’. (Казымский диалект)

Типологически, по данным (Кашкин и др., в печати), особая категоризация закрытия глаз весьма распространена (тогда как закрывание рта обычно описывается одним из более общих глаголов). Так, для закрывания глаз в разных языках возможна специальная лексема (ср. в ижемском коми *тишӧкедны*, в горномарийском *kămaš*, в русском *зажмурить* – в последнем случае есть и дополнительная семантика интенсификации). Может происходить, кроме того, рекатегоризация ситуации, ср. употребление в польском языке выражения с буквальным значением ‘накрыть глаза веками’. Описанные нами хантыйские примеры тоже могут быть, по видимому, отнесены к последней стратегии.

2.4. Контактное покрытие поверхности

В ситуациях контактного покрытия поверхности какой-либо внешней преградой (‘накрыть одеялом’, ‘платок закрывает волосы’ и т.п.) в шурышкарском диалекте используется глагол *lakti*, которому в тегинском говоре соответствует вариант *laŋkti*⁵. Он применим, однако, только по отношению к мягкой преграде, см. (12) о покрывале и (13) о снеге.

12. *aŋki* *sox-ən* *həwrem-əl* *laŋk-s-əlle*
 мать ткань-LOC ребенок-POSS.3SG накрывать-PST-3SG.SO

‘Мама накрыла ребенка покрывалом’. (с. Теги)

13. *tuw* *lənš-ən* *lăp* *laŋk-s-a*
 земля снег-LOC ЗАКРЫТИЕ накрывать-PST-PASS

‘Земля покрыта снегом’. (с. Теги)

Однако в случае твердой преграды используется в первую очередь глагол *tūxərti* / *tuoxərti*. Глаголы *petti* / *pentti* и *lakti* / *laŋkti* в таких контекстах допускаются не всеми носителями языка, см. (14). Заметим, кроме того, что при наличии в ситуации мягкой преграды, как в (12)–(13), глаголы *tūxərti* / *tuoxərti* и *petti* / *pentti*, по нашим данным, не используются.

⁴ Примеры (10)–(11) сообщены нам носителем казымского диалекта хантыйского языка д. ф. н. А. Д. Каксиным в рамках обсуждения нашего доклада на «28-х Дульзоновских чтениях».

⁵ Ситуация с согласным *ŋ* в этом глаголе аналогична той, что обсуждалась выше для глагола *petti* / *pentti*. В парадигме глагола этот согласный возникает во всех обследованных идиомах, однако в начальной форме произносится в тегинском говоре и не произносится в говорах шурышкарского диалекта.

14. *xul-en* *karti* *an-ən* *lǎp* *tūxr-i* /
рыба-POSS.2SG железо посуда-LOC ЗАКРЫТИЕ закрывать-IMP
ʔlǎp *pent-i* / *ʔlǎp* *laŋk-i* *i* *nox* *u-j-i*
ЗАКРЫТИЕ закрывать-IMP ЗАКРЫТИЕ накрывать-IMP и вверх брать-ST-IMP
‘Рыбу накрой блюдцем и убери’. (с. Восьхово)

2.5. Контейнеры

Ситуации закрывания контейнеров (кастрюли, сундука и пр.) могут по-разному описываться в разных идиолектах, но в целом глагол *tūxarti* / *tuoxarti* в этих случаях более предпочтителен, чем глагол *petti* / *pentti*. В говорах с. Овгорт и с. Теги по отношению к контейнерам отмечено и сочетание *lǎp ponti* (15). В целом по обследованным говорам оно в первую очередь применяется к складным предметам (см. раздел 2.2). Однако в случае контейнеров это сочетание можно оценить как прозрачно композиционное: глагол *ponti* означает исходно ‘класть’, т.е. описывает ровно то действие, которое и совершается в данной ситуации над крышкой, – а семантика закрывания подкрепляется использованием преверба *lǎp*.

15. *put-en* *ǎl-ən* *lǎp* *pon-i* / *lǎp* *tūxr-i*
котел-POSS.2SG крышка-LOC ЗАКРЫТИЕ класть-IMP ЗАКРЫТИЕ закрывать-IMP
‘Закрой кастрюлю крышкой’. (с. Овгорт)

Интересно и то, что по крайней мере в некоторых идиолектах за глаголами *tūxarti* / *tuoxarti* и *petti* / *pentti* стоят разные типы воздействия на контейнер – закрывание на замок в первом случае и воздействие на шарниры и подобные им предметы во втором случае, см. (16). Специального опроса с целью выявить, есть ли носители, для которых примеры типа (16) с последовательностью двух этих глаголов неприемлемы, нами не проводилось.

16. *tšəmodan-en* *lǎp* *pent-e* *pa*
чемодан-POSS.2SG ЗАКРЫТИЕ закрывать-IMP.SG.SO ADD
lǎp *tuoxr-e*
ЗАКРЫТИЕ закрывать-IMP.SG.SO

‘Чемодан закрой крышкой и на замок’. (с. Теги)

По отношению к контейнерам, у которых есть какие-л. завязки, используется сочетание преверба *lǎp* с глаголом *jirti* ‘завязывать, привязывать’:

17. *tutšəŋ-en* *lǎp* *jir-e* *pa* *uoxəl-a*
сумочка-POSS.2SG ЗАКРЫТИЕ завязывать-IMP.SG.SO ADD нарта-DAT
pon-e
класть-IMP.SG.SO

‘Завяжи сумочку (оленоводческую) и положи на нарту’. (с. Теги)

2.6. Отверстие

По типологическим данным, особым образом может описываться затыкание отверстий (такое их закрывание, когда преграда размещается внутри отверстия). Эта тенденция до определенной степени справедлива и для хантыйского языка. В таких ситуациях используются специальные лексические средства: *lǎp metšəti* (18) во всех обследованных нами говорах, а также *lǎp šujti* (19) в говоре с. Теги. Чаше оба глагола используются в таких контекстах с превербом *lǎp*, но отмечены и такие примеры, где преверба нет.

18. *ma* *us* *lǎp* *metšə-s-em* *tuk-ən*
я дырка ЗАКРЫТИЕ совать-PST-1SG.S:SG.O мох-LOC
‘Я заткнул дырку мхом’. (с. Мужы)
19. *tām* *wus-em* *torən-ən* *lǎp* *šuj-s-em*
этот дырка-POSS.1SG трава-LOC ЗАКРЫТИЕ совать-PST-1SG.S:SG.O
‘Эту дырку я заткнула травой’. (с. Теги)

Глагол *metšəti* исходно имеет значение ‘засовывать что-л. куда-л.’ (20). Глагол *šujti* зафиксирован в (DEWOS: 244) в западнохантыйских диалектах в значениях ‘затыкать, всунуть’, ‘конопатить’. Однако в работах (Кошкарева (ред.), 2011; Лельхова, 2012; Соловар, 2014) эта лексема не приведена. Незнакома она и опрошенным нами носителям шурышкарского диалекта.

20. *jɪŋk-i* *kew* *an-em* *sumka-j-a* *metšə-s-em*
вода-ATTR камень чашка-POSS.1SG сумка-ST-DAT совать-PST-1SG.S:SG.O
‘Бутылку с водой затолкал в сумку’. (с. Теги)

В некоторых идиолектах в с. Теги и Восяхово отмечено употребление по отношению к отверстиям глагола *tūxərti* / *tuoxərti*, как в (21). В таких системах, тем самым, затыкание отверстий лексикализуется так же, как запирание двери. Мотивацией для объединения этих фреймов может служить параметр «плотности» закрывания – и в том, и в другом случае устранение преграды и доступ в закрытое пространство существенно затруднены. Оппозиция такого типа засвидетельствована, в частности, в горномарийском языке, см. (Кашкин, 2017).

21. *xətχār* *wus* *tun̄k-ən* *lāp* *tuoxər-s-em*
пол дырка мох-LOC ЗАКРЫТИЕ закрывать-PST-1SG.S:SG.O
‘Дырку в полу заткнула мхом’. (с. Теги)

Отметим, что покрытие отверстий сверху (например, в ситуации, когда на дырку в полу положили коврик) не характеризуется глаголами, описанными выше в этом разделе. В таких контекстах зафиксированы глаголы *lakti* / *lan̄kti* и *lāp ponti*, описанные в предыдущих разделах, ср. следующий пример:

22. *us-em* *lāp* *pot-s-em*⁶ *nori-j-ən*
дырка-POSS.1SG ЗАКРЫТИЕ класть-PST-1SG.S:SG.O коврик-ST-LOC
‘Дырку закрыл ковриком’. (с. Восяхово)

2.7. Внешняя дистантная преграда

Особым классом контекстов, который часто, по типологическим данным, описывается специальными глаголами, является контекст внешней (и часто дистантной) преграды для физического или визуального доступа (ср. ‘заслонять дом от солнца’, ‘закрыть лицо руками от летящего мячика’). Категоризация таких ситуаций разнится по обследованным нами говорам. В говорах шурышкарского диалекта (с. Овгорт, Мужы, Восяхово) здесь используется серия глаголов, образованных от слова *saj* ‘заграждение’ (ср. также *saja* / *sajən* ‘за что-л. / за чем-л.’; *sajlār* ‘заслон’ (Кошкарева (ред.), 2011: 113)). Это глаголы *sajətti*, *sajləti*, *sajəltti*, см. (23)–(24). Семантических различий между приведенными вариантами выявить не удалось.

23. *ūn* *lipt-əŋ* *sumət-en* *xət* *lāp*
большой лист-ATTR береза-POSS.2SG дом ЗАКРЫТИЕ
sajlə-l-ti *naj* *elti*
заслонять-NPST-3SG.SO солнце от

‘Большая береза с листьями заслоняет дом от солнца’. (с. Восяхово)

24. *xānti* *ne* *ūn* *oxšam-əl-na* *oxsox-l-at*
ханты женщина большой платок-POSS.3SG-LOC волосы-PL-POSS.3SG/3PL
lāp *sajlə-l-ti*
ЗАКРЫТИЕ заслонять-PST-3SG.SO

‘Хантыйская женщина волосы закрывает большим платком’. (с. Мужы)

В говоре с. Теги глаголы на *saj-*, по нашим данным, не используются, уступая место глаголам закрывания с общей семантикой – в большинстве идиолектов глаголу *tuoxərti*:

⁶ В данном случае наблюдается имеющееся в шурышкарском диалекте чередование *n/t* в основе некоторых глаголов, в нашем примере *pon-* / *pot-*.

25. *sumət jux iʃne-w xətləlti ləp tuoxər-l-əlle /*
береза дерево окно-POSS.1PL солнце от ЗАКРЫТИЕ закрывать-NPST-3SG.SO
ləp pen-l-əlle
ЗАКРЫТИЕ закрывать-NPST-3SG.SO
‘Береза закрывает окно от солнца’. (с. Теги)
- Заметим, что глаголы на *saj-* развивают, как в (26), сдвиг в значение защиты объекта от неблагоприятного воздействия (что свойственно для них и типологически, см. (Кашкин и др., в печати)), по сути встраиваясь в один синонимический ряд с такими глаголами, как *lawəlti* ‘стеречь, охранять’, *xəñatti* ‘прятать’ (Лельхова, 2012: 72, 177), ср. также *wəñəlti* ‘защищать’ в словаре казымского диалекта (Соловар, 2014: 47). Этот семантический сдвиг отмечается и лексикографами, ср. выделение в (Лельхова, 2012: 154) у глагола *sajləti* как значения ‘укрыть, занавесить’, так и значения ‘защитить от посторонних взоров’, а также дефиницию глагола *sajla-* как ‘beschützen’ (‘защищать, оберегать’) в (DEWOS: 1293). Интересны здесь и примеры (27)–(29), где в ряде идиолектов глаголы на *saj-* используются только в тех случаях, когда закрываемый объект непосредственно ограждается от воздействия.
26. *aʃi rox-əl nələlti sajət-s-əlli*
отец сын-POSS.3SG стрела от заслонять-PST-3SG.SO
‘Отец заслонил сына от стрелы’. (с. Муж)
27. *ʃaŋka-j-l-an ləp sajəlt-ali kət'e-t elti*
пирог-ST-PL-POSS.2SG/2PL ЗАКРЫТИЕ заслонять-IMP.DU/PL.O кошка-PL от
‘Закрой пироги от кошек’. (с. Муж)
28. *ʃi ʃaŋka-j-l-an kərtan-na ləp sajəlt-ali,*
тот пирог-ST-PL-POSS.2SG/2PL блюдец-LOC ЗАКРЫТИЕ заслонять-IMP.DU/PL.O
pətəm təxa-j-a əps-ali
холодный место-ST-DAT ставить-IMP.DU/PL.O
‘Эти пироги закрой блюдцем, поставь в холодильник’. (с. Муж)
29. *mən-em ət ni-l-a, moj-a ləp*
я-POSS.1SG[DAT/ACC] NEG быть.видным-NPST-PASS что-DAT ЗАКРЫТИЕ
ləj-s-en / ləp sajlə-s-en, ma kino wat-l-əm
стоять-PST-2SG.S:SG.O ЗАКРЫТИЕ заслонять-PST-2SG.S:SG.O я кино смотреть-NPST-1SG
‘Мне не видно, ты что загородил [телевизор], я кино смотрю’. (с. Восяхово)

2.8. Обобщение данных

Итак, нами были рассмотрены прямые употребления глаголов закрывания *tūxərti / tuoxərti*, *petti / pentti*, *lakti / laŋkti*, *ləp ponti*, *metšəti*, *šujti*, а также глаголов с корнем *saj-* (*sajətti*, *sajləti*, *sajəltti*).

Наиболее широкую сферу употребления имеют глаголы *tūxərti / tuoxərti* и *petti / pentti*. Глагол *tūxərti / tuoxərti* описывает закрывание преграды в строении (двери и т. п.) с помощью запирающего устройства, накрывание чего-либо твердой преградой, закрывание контейнера. В некоторых идиолектах он может быть применен к частям тела (рту, глазам) и к затыканию отверстий. В говоре с. Теги он также используется по отношению к внешней преграде для перемещения или визуального восприятия. Глагол *petti / pentti* описывает закрывание двери без запирающего устройства, воздействие на складные предметы (книгу, перочинный ножик и т. п.), закрывание рта и глаз (хотя здесь более естественны иные конструкции, особенно по отношению к глазам). Тем самым, если глагол *tūxərti / tuoxərti* ориентирован в первую очередь на создание преграды для доступа куда-либо, то для глагола *petti / pentti* ключевой оказывается идея перемещения краев объекта навстречу друг другу либо перемещения края объекта в направлении статичного ориентира.

Глагол *lakti / laŋkti* обозначает накрывание чего-либо мягкой преградой. Для контекстов с твердой преградой выбирается глагол *tūxərti / tuoxərti*.

Сочетание *lär ponti* (преверб с семантикой закрывания + глагол ‘класть’) применяется к складным предметам, а также к закрыванию контейнеров крышкой и т. п. преградой.

Глагол *metšəti* (а также, в тегинском говоре, глагол *šujti*) описывает затыкание отверстий.

Наконец, глаголы с корнем *saj-* употребляются в ситуациях создания внешней преграды для перемещения или визуального восприятия.

3. Глагол *petti / pentti*: семантический сдвиг

Анализируемая нами лексическая группа крайне небогата семантическими сдвигами в тех хантыйских идиомах, которые были обследованы. Один сдвиг был, однако, выявлен, и он заслуживает подробного обсуждения. Глагол *petti / pentti* метафорически может выражать семантику исчезновения, как в (30). По-видимому, такое значение развивается у него на базе семантики перемещения края объекта при закрывании, о которой шла речь в п. 2.8.

30. *xəp-əl* *as* *xor-ən* *pent-əs*
лодка-POSS.3SG Обь поворот-LOC закрывать-PST

‘Лодка скрылась (букв.: закрыла) за поворотом на Оби’. (с. Теги)

В этом значении у глагола *petti / pentti* происходит смена модели управления. В (30) этот глагол используется, как мы видим, в одноместной конструкции без каких-либо маркеров актантной деривации. В то же время в прямом значении он с одноместной конструкцией несовместим (31). В свою очередь, непреходный дериват от глагола *petti / pentti*, использованный в (31), недопустим в случае метафоры исчезновения (32).

31. *əw* *lär* *pent-aś-əs* / **lär* *pent-əs*
дверь ЗАКРЫТИЕ закрывать-DETR-PST ЗАКРЫТИЕ закрывать-PST

‘Дверь закрылась’ (с. Теги)

32. **xəp-əl* *as* *xor-ən* *pent-aś-əs*
лодка-POSS.3SG Обь поворот-LOC закрывать-DETR-PST

Ожидаемое значение ‘Лодка скрылась за поворотом на Оби’. (с. Теги)

В двухместной конструкции семантика исчезновения у глагола *petti / pentti* невозможна:

33. **waśa xəp-əl* *as* *xor-ən* (*as xor-a*) *pen-s-əlle*
Вася лодка-POSS.3SG Обь поворот-LOC Обь поворот-DAT закрывать-PST-3SG.SO

Ожидаемое значение: ‘Вася уплыл в лодке за поворот по Оби’ (букв.: ‘Вася закрыл лодку за поворотом на Оби’). (с. Теги)

Для описываемой метафоры исчезновения существенна, кроме того, семантика самостоятельного перемещения субъекта, ср. его сочетаемость с одушевленным агентивным субъектом в (34), с субъектом со свойствами эффектора в (35) и несочетаемость с неодушевленным пациентивным субъектом в (36). Однако первичным в этих случаях может быть и то, видна ли при перемещении траектория субъекта (так же, как траектория движения части объекта при закрывании двери или складного предмета). В примере (36) она заведомо не видна, что тоже отличает его от примеров (34) и (35).

34. *kāt'i* *kojka* *ilpi-j-a* *pent-əs*
кошка кровать под-ST-DAT закрывать-PST

‘Кошка исчезла под кроватью (букв.: закрыла под кровать)’. (с. Теги)

35. *tiləś* *pālŋ-ət* *saj-a* *pent-əs*
луна облако-PL за-DAT закрывать-PST

‘Луна за облака скрылась’ (шурьшкарский диалект; Кошкарева (ред.), 2011: 101)

36. **wox-l-am* *kojka* *ilpi-j-a* (*ilpi-j-ən*) *pent-s-ət*
деньги-PL-POSS.1SG кровать под-ST-DAT под-ST-LOC закрывать-PST-3PL

Ожидаемое значение: ‘Деньги спрятаны (букв.: закрыли) под кроватью’. (с. Теги)

4. Глаголы открывания

В семантической зоне открывания имеется доминантная лексема – глагол *pušti*. Он применим, в частности, к двери, окну, книге, перочинному ножу, складному стульчику, глазам, рту, кастрюле, водопроводному крану, см. некоторые примеры далее:

37. *šejk ruwəŋ, iʃne-m nox puš-s-em*
очень жаркий окно-POSS.1SG вверх открывать-PST-1SG.S:SG.O
'Очень жарко, окно открыла'. (с. Теги)

38. *morem-i-ti keši pelki puš-l-a*
гнуть-IPFV-IPFV.PTCP/INF нож ОТКРЫТИЕ открывать-NPST-PASS
'Перочинный ножик открывается'. (с. Мужичи)

39. *sem-em puš-ti āt werət-l-əm,*
глаз-POSS.1SG открывать-IPFV.PTCP/INF NEG мочь-NPST-1SG
ši arat pūsəŋ
тот количество дым
'Глаза открыть не могу, такой сильный дым'. (с. Восьхоро)

Помимо этого, в хантыйском языке есть глаголы, вводящие противопоставление по степени открывания. Небольшая степень описывается глаголом *xūltəmtti* (производным от существительного *xūl* 'щель'). Нами зафиксированы примеры, в которых он применяется к двери, книге, глазам, рту, кастрюле, см. (40)–(41). Пример (41) адекватен в том случае, когда речь идет о незначительном отодвигании крышки кастрюли.

40. *nepek-əl nox xūltəmt-əs-li pa šalta want-əs*
бумага-POSS.3SG вверх приоткрыть-PST-3SG.SO ADD затем смотреть-PST
'Приоткрыл книгу и подсмотрел'. (с. Мужичи)

41. *lant-i put-en xūltəmt-i*
каша-ATTR котел-POSS.2SG приоткрыть-IMP
'Приоткрой кастрюлю с кашей'. (с. Мужичи)

В контекстах, предполагающих, в том числе прагматически, полное открытие объекта, глагол *xūltəmtti* не используется: так, пример (42) был прокомментирован одним из информантов как «Девочка еще в полуспящем состоянии и побегать не смогла бы».

42. *ewi-je sem-l-əl puš-m-əl-ən*
девочка-DIM глаз-PL-POSS.3SG/3PL открывать-PFV.PTCP-POSS.3SG-LOC
**xūlat-m-əl-ən l'oxit-i-ti nawr-əs*
приоткрыть-PFV.PTCP-POSS.3SG-LOC мыть-IPFV-IPFV.PTCP/INF прыгать-PST
'Девочка открыла глаза и побежала умываться'. (с. Мужичи)

В свою очередь большая степень открывания может быть охарактеризована глаголом *talti*, исходно означающим 'тянуть'. Этот глагол накладывает дополнительные ограничения на характеристики объекта, употребляясь с названиями гибких объектов (дверь в чум, рот, глаза), но не твердых объектов (дверь в дом, окно), ср.:

43. *luw əw pelki tal-s-əlli*
он дверь ОТКРЫТИЕ тянуть-PST-3SG.SO
'Он распахнул дверь в чум / *дверь в дом'. (с. Мужичи)

44. *išni pelki puš-s-əlli *pelki tal-s-əlli*
окно ОТКРЫТИЕ открывать-PST-3SG.SO ОТКРЫТИЕ открывать-PST-3SG.SO
'Окно распахнул'. (с. Мужичи)

Сочетания глагола *talti* с существительным *uŋəl* 'рот', помимо буквальной интерпретации 'широко раскрыть рот', могут претерпевать семантические сдвиги:

45. *moj uŋəl tal-li-man ətəs-l-ən?*
что рот тянуть-IPFV-CVB сидеть-NPST-2SG
'Что сидишь зеваешь?' (с. Мужичи)

46. *toj uŋəl-en pelki tał-s-en? mǎn-a rūpit-a!*
 что рот-POSS.2SG ОТКРЫТИЕ тянуть-PST-2SG.S:SG.O идти-IMP работать-IMP

‘Что стоишь разинув рот? Иди работай!’ (с. Мужи)

Отметим, что глагол *talti* возможен и в ситуации расширения открытого пространства для объектов, которые не были закрыты изначально. Так, пример (47) совместим, по оценкам носителей языка, и с такой ситуацией, когда человек увидел что-то неожиданное (т.е. его глаза уже были открыты) и вытаращил глаза. Тем самым, ключевой для глагола *talti* оказывается семантика достижения конечного результата – большого расстояния между краями объекта, вне зависимости от исходного положения объекта. Заметим, что подобные примеры фиксируются и для русских глаголов, описывающих широкое открывание, ср. контекст (48) из НКРЯ. Типологическое исследование таких случаев могло бы стать интересной задачей.

47. *sem-l-ał pelki tał-s-ǎlli*
 глаз-PL-POSS.3SG/3PL ОТКРЫТИЕ тянуть-PST-3SG.SO

‘Вытаращил глаза’. (с. Мужи)

48. *Я распахнул дверцу открытой кабины, осторожно поставил ногу на шасси и ступил на буроватосерую землю.* (В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни. 2003).

5. Некоторые итоги

В результате исследования мы установили набор семантических оппозиций, релевантный для семантических зон закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка. Для зоны закрывания важно наличие / отсутствие запирающего устройства при преградах в строении, что, по имеющимся сведениям, достаточно распространено типологически. Однако глаголы, вовлеченные в эту оппозицию, противопоставляются в более широком классе контекстов и по тому, фокусируются ли они собственно на создании преграды или на движении края объекта по направлению к другому краю или к иному статичному ориентиру. Это противопоставление выглядит менее тривиально на фоне других обследованных пока языков. Особым образом в хантыйском языке характеризуется внешняя преграда для перемещения или зрительного восприятия (типологически такое обособление ожидаемо). Специальные стратегии, предполагающие использование различных описательных конструкций, связаны в хантыйском с фреймом закрывания глаз, что добавляет некоторые интересные примеры в типологическую копилку. Наконец, особые глаголы существуют для затыкания отверстий, а также для накрывания чего-либо сверху – в последнем случае возникает также противопоставление по твердости / мягкости Инструмента-преграды.

Хантыйские глаголы закрывания небогаты метафорами. Однако нами описан любопытный сдвиг одного из таких глаголов в зону перемещения, сопровождаемый морфосинтаксическими изменениями.

Зона открывания устроена асимметрично в сравнении с зоной закрывания, что тоже предсказывалось типологически, но требует дальнейшего исследования при расширении выборки. Выделяются, как и в некоторых других языках, отдельные лексемы для слабой и маркированно сильной степени открывания. Интересны их внутренняя форма и полисемия: первая из них производна словообразовательно от существительного ‘щель’, а в качестве второй функционирует глагол с исходной семантикой ‘тянуть’. Такие процессы требуют последующего внимания и в более широком типологическом ключе.

Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиализатор; ATTR – атрибутивизатор; CVB – конверб; DAT – датив; DETR – понижающая актантная деривация; DIM – диминутив; DU – двойственное число; IMP – императив; INF – инфинитив; IPFV – имперфективность; LOC – локатив; NEG – отрицание; NPST – непрочитанное время;

О – объект; PASS – пассив; PL – множественное число; POSS – посессивность; PST – прошедшее время; PTCP – причастие; S – субъект; SO – субъектно-объектное спряжение; SG – единственное число; ST – наращение основы (эпентетический согласный).

Список литературы

- Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Кашкин Е. В. Семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1-2 июня 2017 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – С. 115–119.
- Кашкин Е. В., Жорник Д. О., Сидорова М. А. Типологические открытия в поле закрывания (опыт исследования семантики глаголов со значениями 'открыть' и 'закрыть') // *Acta Linguistica Petropolitana*. (в печати).
- Кошкарёва Н. Б. (ред.) Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты). – Екатеринбург: Баско, 2011.
- Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурьшкарский диалект). – Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М.: Индрик, 2007.
- Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург: *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica*, 1995.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. – 2013. – № 2. – С. 3–31.
- Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Тюмень: ООО «Формат», 2014.
- Bowerman M., Choi S. Shaping meanings for language: Universal and language-specific in the acquisition of semantic categories // M. Bowerman, S. Levinson (eds.). *Language acquisition and conceptual development*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 475–511.
- Bowerman M. Why can't you "open" a nut or "break" a cooked noodle? Learning covert object categories in action word meanings // L. Gershkoff-Stowe, D. Rakison (eds.). *Building object categories in developmental time*. – Mahwah; NJ, 2005. – P. 209–243.
- DEWOS – Steinitz W. *Dialektologisches Und Etymologisches Wörterbuch Der Ostjakischen Sprache*. – Berlin, 1966–1993.
- Rakhilina E., Reznikova T. A frame-based methodology for lexical typology // Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.) *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. – Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2016. – P. 95–130.
- Vinogradova O., Kashkin E., Sidorova M., Zhornik D. Verbs of closing and opening: towards a lexical typology // 50th annual meeting of the Societas Linguistica Europaea (10–13 September 2017, University of Zurich, Switzerland). *Book of abstracts*. – Zurich, 2017. – P. 250–252.

Кашкин Е. В., кандидат филологических наук.

Научный сотрудник.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Ул. Волхонка, 18/2, Москва, Россия, 119019.

Старший научный сотрудник.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: egorkashkin@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 30.10.2017 г.

Kashkin E. V.

VERBS OF CLOSING AND OPENING IN WESTERN KHANTY

This article deals with verbs of closing and opening in the Western local idioms of Khanty (the villages of Ovgort, Muzhi, Vosyahovo, Tegi). The data were collected during fieldwork. The Khanty material is considered within a broader typological investigation adopting the frame-based approach to lexical typology. I discuss the semantic distinctions in the domain concerned and the categorization of

the basic frames, pointing out some dialectal variation. The asymmetry between the subdomains of closing and opening is also taken into account, as well as some metaphoric shifts accompanied by morpho-syntactic changes.

Key words: *Khanty, verbs of closing, verbs of opening, semantics, lexical typology.*

References

- Kaksin A. D. Kazym'skij dialekt hantyjskogo jazyka [The Kazym dialect of Khanty]. – Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2007. (in Russian)
- Kashkin E. V. Semantika glagolov zakryvaniya v vostochnyh govorah gornomarijskogo jazyka [The semantics of closing verbs in the eastern local idioms of Hill Mari] // Aktual'nye problemy dialektologii jazykov narodov Rossii: Materialy XVII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Ufa, 1-2 iyunja 2017 g.) [Current issues in the dialectology of the languages spoken in Russia: Proceedings of the XVII all-Russian conference]. – Ufa: ILLH USC RAS, 2017. – P. 115–119. (in Russian)
- Kashkin E. V., Zhornik D. O., Sidorova M. A. Tipologicheskie otkrytiya v pole zakryvaniya (opyt issledovaniya semantiki glagolov so znachenijami 'otkryt' i 'zakryt') [Typological disclosures in the field of closure (on the semantics of the verbs meaning 'open' and 'close')] // Acta Linguistica Petropolitana (in press).
- Koshkareva N. B. (ed.) Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo jazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty) [Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkary and Obdorsk dialects)]. – Ekaterinburg: Basko, 2011. (in Russian)
- Lel'hova F. M. Slovar' glagolov hantyjskogo jazyka (shuryshkarskij dialekt) [Dictionary of Khanty verbs (Shuryshkary dialect)]. – Hanty-Mansijsk: Novosti Jugry, 2012. (in Russian)
- Maisak T. A., Rakhilina E. V. (red.) Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaja tipologija [Verbs of aquamotion: a lexical typology]. – M.: Indrik, 2007. (in Russian)
- Nikolaeva I. A. Obdorskij dialekt hantyjskogo jazyka [The Obdorsk dialect of Khanty]. – M.; Hamburg: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995.
- Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frejmovyj podhod k leksicheskoi tipologii [A frame-based approach to lexical typology] // Voprosy jazykoznanija. – 2013. – № 2. – P. 3–31. (in Russian)
- Solov'ov V. N. Hantyjsko-russkij slovar' (kazym'skij dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. – Tjumen': OOO «Format», 2014. (in Russian)
- Bowerman M., Choi S. Shaping meanings for language: Universal and language-specific in the acquisition of semantic categories // M. Bowerman, S. Levinson (eds.). Language acquisition and conceptual development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 475–511.
- Bowerman M. Why can't you "open" a nut or "break" a cooked noodle? Learning covert object categories in action word meanings // L. Gershkoff-Stowe, D. Rakison (eds.). Building object categories in developmental time. – Mahwah, NJ, 2005. – P. 209–243.
- DEWOS – Steinitz W. Dialektologisches Und Etymologisches Wörterbuch Der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1993.
- Rakhilina E., Reznikova T. A frame-based methodology for lexical typology // Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.) The Lexical Typology of Semantic Shifts. – Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2016. – P. 95–130.
- Vinogradova O., Kashkin E., Sidorova M., Zhornik D. Verbs of closing and opening: towards a lexical typology // 50th annual meeting of the Societas Linguistica Europaea (10–13 September 2017, University of Zurich, Switzerland). Book of abstracts. – Zurich, 2017. – P. 250–252.

Kashkin E. V., Kandidat Filol. Nauk.
Researcher.

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS.

Ul. Volkhonka, 18/2, Moscow, Russia, 119019.

Senior Researcher.

Tomsk State University.

Av. Lenin, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: egorkashkin@rambler.ru

Ким-Малони А. А., Ковылин С. В.

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТРУКЦИЙ С ПОСЕССИВНЫМИ ФОРМАНТАМИ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА¹

Семантика селькупских конструкций с посессивными формантами, коими являются посессивные суффиксы и суффикс родительного падежа, объединяет посессивные и непосессивные отношения. Семантические типы посессивности, обозначенные Л. Стассеном, а именно, отторжимая, неотторжимая, абстрактная и временная, характерны для большинства предикативных и именных конструкций, хотя это исследование выявило ограничения семантической реализации: (i) предикативные транзитивные конструкции с глаголом *держать* используются преимущественно для выражения отторжимой посессивности; (ii) значение временной или физической посессивности встречается редко и только в предикативных конструкциях; (iii) значение неотторжимости сопряжено с названиями родственников, частей и функций тела, предметов личного обихода. (iv) посессивные суффиксы используются в непосессивном значении для передачи анафоры и дейксиса в определенном контексте, а также для выражения уникальных явлений.

Ключевые слова: селькупский язык, семантика конструкций с посессивными формантами.

Проблема посессивности исследовалась на материале селькупских диалектов достаточно интенсивно с начала 80-х гг. прошлого века (Ким, 1986). В ряде работ рассматривались семантические характеристики некоторых посессивных конструкций, например, конструкций отторжимой и неотторжимой посессивности, *habeo*-конструкций, конструкций с семантикой определенности или указательности (Ким, 1980, 1981a, 1981b). Тем не менее, семантика конструкций с посессивными формантами не нашла полного освещения на материале селькупского языка. В данной статье авторы пытаются восполнить этот пробел и рассмотреть основные положения семантики конструкций с посессивными формантами применительно к селькупскому языку.

Л. Стассен представляет концепт посессивности как достаточно абстрактный, который трудно выразить эксплицитно, и сравнивает его с такими концептами, как «время» или «маны», которые основаны на достаточно последовательной интуиции (Stassen, 2009: 10). С точки зрения синтаксиса способы кодирования посессивности могут быть разделены на два больших класса: предикативная посессивность (*predicative or verbal possession*) и именная посессивность (*attributive, nominal or adnominal possession*) (Heine, 1997: 25, 26). В нашей работе способы выражения конструкций с посессивной семантикой будут анализироваться на основании разделения посессивности на два данных класса.

В нашем исследовании мы будем опираться на классификацию Т. Янурика, дополненную С. В. Глушковым, А. В. Байдак и Н. П. Максимовой, согласно которой селькупский язык можно подразделять на три диалектные группы: **северная группа**: тазовский, ларьякский, карасинский, туруханский, баихинский, елогуйский; **центральная группа**: ваховский, тымский, васюганский, нарымский; **южная группа**: среднеобской, чаинский, кетский, верхнеобской, чулымский (Глушков и др., 2013: 49–54).

1. Семантика конструкций предикативного типа с посессивными формантами

Концептуальное пространство предикативной посессивности состоит из четырех сфер: отторжимая, неотторжимая, временная и абстрактная посессивность. Из них отторжимость за-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

нимает центральную позицию в пространстве посессивности, а абстрактная – относится к периферии. Неотторжимая и временная сферы занимают пограничные позиции (Stassen, 2009: 20). По мнению Л. Стассена, концепт посессивного пространства и его деление на четыре сферы универсальны и независимы от системы языка. Однако вербализация этого концептуального пространства является различной от языка к языку, порождая как типологическое разнообразие, так и схожесть между языками. Есть языки, в которых концепт пространства посессивности нейтрализован или генерализован, например, в английском эта генерализация доведена до экстремальной степени – все четыре сферы реализуются конструкциями с глаголом «to have» (Stassen, 2009: 20, 21). Отмечаются также языки, в которых неотторжимость и временная посессивность имеют свои стратегии реализации, отличные от отторжимой посессивности (Там же).

Синтаксические способы выражения предикативной посессивности уже были подробно описаны в нашей статье (Ким-Малони, Ковылин, 2016), однако здесь мы попытаемся распределить все данные конструкции по семантическому признаку. В центральной и южной диалектных группах наблюдается единство стратегий выражения предикативной посессивности. Эти две группы противопоставлены северной диалектной группе.

Отторжимая посессивность

Отторжимая посессивность характеризуется относительно устойчивыми во времени отношениями между обладателем и обладаемым, однако такие отношения не являются «унаследованными» или неразрывными.

Для выражения данного вида посессивности используются следующие стратегии:

Обладатель+LOC² + обладаемое(NOM) + бытийный предикат (e-³/čang-). Обладатель выступает в образе локации, обладаемое является субъектом действия, для связки используются бытийный глагол.

1. Центр.Сельк.Вас. (Архив ЛЯНС, С 61: 207).

<i>mi-nan</i>	<i>wad'e-m</i>	<i>naj</i>	<i>e-γ-a,</i>	<i>kwil</i>	<i>naj</i>	<i>e-γ-a.</i>
1PL-LOC2	мясо-POSS.1SG	тоже	быть-PST-3SG.sub	рыба	тоже	быть-PST-3SG.sub

‘У нас и мясо тоже было, и рыба тоже была’.

2. Сев.Сельк.Елог. (Ким, 1986: 159).

<i>tebā-n</i>	<i>mi-yit</i>	<i>qilʷ</i>	<i>čeng-a.</i>
3SG-GEN	место-LOC	рыба	отсутствовать-3SG.sub

‘У него нет рыбы’.

Обладатель(NOM) + обладаемое(NOM) + бытийный предикат (e-/čang-)⁴. В северных диалектах распространена стратегия, при которой обладатель и обладаемое не маркируются падежами, обладаемое обычно несет посессивный суффикс, указывающий на обладателя, а для связки используются бытийный предикат. В данной стратегии обладатель часто опускается (pro-drop).

² Здесь и далее, в центральных и южных диалектах обладатель маркируется суффиксом локатива *-nan*, который употребляется только с одушевленными объектами. Согласно замечкам А. М. Кастрена и Т. Лехтисало, суффикс *-(n)nan* в тазовском диалекте применяется только в качестве аблатива (Lehtisalo, 1960: 238). В северных диалектах, в свою очередь, для выражения подобных отношений используется послелог *ta-*, оформленный суффиксом локатива *-gan*, а от одушевленных существительных (напрямую) локатив не образуется (Кузнецова и др., 1980: 180–181).

³ Здесь и далее, в ряде случаев возможно значимое отсутствие бытийного глагола в настоящем времени, хотя это не является характерной чертой для селькупского языка.

⁴ Здесь и далее данная стратегия зафиксирована преимущественно в северных диалектах.

3. Сев.Сельк.Таз. (Кузнецова и др., 1993: 34).

niŋa-ti *ε-pp-a*.
бубен-POSS.3SG быть-PST-3SG.sub
'У него бубен был'.

Обладатель+LOC + обладаемое+COM + бытийный предикат (e-/čaŋg-)⁵. Достаточно редко неотторжимая посессивность может выражаться следующим способом: обладатель является субъектом действия, обладаемое дополнением с маркером комитатива. Данная конструкция сопровождается бытийным предикатом.

4. Центр.Сельк.Нарым. (Архив ЛЯНС, С 66: 28).

mat *kibajče-m* *komde-l* *čö-ye* (*ek*).
1SG.GEN парень-POSS.1SG золото-ADJz ремень-COM быть-3SG.sub
'Мой жених с золотым ремнем'.

Обладатель + обладаемое + транзитивный предикат (war-). При кодировании отторжимой посессивности может применяться транзитивный глагол *war-* 'держат'. При его использовании обладатель является субъектом действия, а обладаемое объектом. Данная стратегия употребляется достаточно редко. Глагол *war-* 'держат' используется для выражения посессивности достаточно условно и может нести в себе довольно разную семантику от значения 'держат', до 'носить' и 'ухаживать'. Значения посессивности в таких конструкциях во многих случаях могут быть довольно условными и зависеть от контекста.

5. Центр.Сельк.Тым. (Архив ЛЯНС, С 56: 207).

nadak *neb* *warə-nd-a*.
девочка утка держать-EVID.PRS-3SG.sub
'Девочка утку держит'. ('У девочки есть утка').

6. Сев.Сельк.Таз. (Erdely, 1969: 294).

ira 7 *kanak* *wəri-ŋ-it*.
Старик 7 собака держать-PRS-3SG.ob
'Старик держит семь собак'. ('У старика есть семь собак').

Неотторжимая посессивность

Неотторжимость связывается, прежде всего, с такими лексическими группами, как части тела и термины родства. Отношения, включающие эти лексические группы, характеризуются временной стабильностью, поскольку существуют так долго, как долго существуют оба участника отношений. Для выражения неотторжимой посессивности используются те же стратегии, что и для отторжимой, кроме стратегии выражения транзитивной посессивности.

Обладатель+LOC + обладаемое(NOM) + бытийный предикат (e-/čaŋg-).

7. Центр.Сельк.Вас. (Архив ЛЯНС, С 61: 265).

tudo-n-nan *šidi* *haj* *e-j-a*.
карась-GEN-LOC2 два глаз быть-PRS-3SG.sub
'У карася два глаза'.

8. Сев.Сельк.Таз. (Кузнецова и др., 1980: 181).

qu:ti-n *mi-qit* *po:-t* *čöpi-ti* *čä:ŋki*.
ель-GEN место-LOC1 дерево-GEN лист-POSS.3SG нет
'У ели листьев нет'.

Обладатель(NOM) + обладаемое(NOM) + бытийный предикат (e-/čaŋg-).

9. Сев.Сельк.Таз. (Кузнецова и др., 1993: 36).

nokir *ija:ti* *ε-ppi-nti*.
три сын-POSS.3SG быть-PSTN-EVID.3SG
'Три сына у него было'.

⁵ Здесь и далее данная стратегия зафиксирована только в центральных и южных диалектах селькупского языка.

Обладатель+LOC + обладаемое+COM + бытийный предикат (e-/čang-).**10. Центр.Сельк.Вас.** (Архив ЛЯНС, С 60: 204, 205).

tar-he e-j-a on-dz, nagur
 шерсть-COM быть-PRS-3SG.sub REFL.STEM-3SG три
haj-he e-j-a.
 глаза-COM быть-PRS-3SG.sub
 ‘(Черт) сам в шерсти, с тремя глазами’.

Временное или физическое обладание (temporary or physical possession)

Временная или физическая посессивность определяется ситуацией, а отношения между посессором и посессивом характеризуются как случайные и не постоянные, но, тем не менее, посессор осуществляет контроль над посессивом, и в этом конструкция сближается с отторжимой посессивностью. Для выделения данного вида конструкций большое значение играет контекст, так как не всегда может быть очевиден временный статус ситуации обладания. Мы не будем подробно останавливаться на данном типе, однако приведем пример, который можно трактовать как отторжимую посессивность с временным обладанием.

Обладатель+LOC + обладаемое + бытийный предикат (e-/čang-).**11. Центр.Сельк.Нарым.** (Архив ЛЯНС, С 42: 167).

a ma-nan nagur kapijka-m e-j-a
 а 1SG-LOC2 три копейка-POSS.1SG быть-PRS-3SG.sub
qomde-m.
 деньги-POSS.1SG
 ‘А у меня три копейки денег есть’. (Пояснение: сейчас у него есть только 3 копейки).

Абстрактная посессивность

В конструкциях абстрактной посессивности посессивом является не физический объект, а физическое состояние (простуда, мигрень) или какое-то ментальное образование (страх, проблема, идея), а понятие контроля полностью отсутствует. Абстрактная посессивность выражается только при помощи нетранзитивных конструкций.

Обладатель+LOC + обладаемое(NOM) + бытийный предикат (e-/čang-).**12. Центр.Сельк.Нарым.** (Архив ЛЯНС, С 34: 97).

qondə-qw-am mat, kuzaně ma-nan e-ku-k para-m.
 спать-HAB-1SG.ob 1SG когда 1SG-LOC2 быть-HAB-3SG.sub время-POSS.1SG
 ‘Я сплю, если у меня есть время’.

13. Юж.Сельк.Кет. (Архив ЛЯНС, С 36: 523).

miegnan orum-mi t'angu-ŋ s'indat omd-al'dzi-gu!
 1SG.LOC2 сила-POSS.1SG отсутствовать-3SG.sub 2PL.ACC сестра-TR-INF
 ‘У меня нет сил, вас посадить!’

Обладатель+LOC + обладаемое+COM + бытийный предикат (e-/čang-).**14. Центр.Сельк.Тым.** (Архив ЛЯНС, С 23: 914).

qoryo ten-z e-k, ten-z
 медведь ум-COM быть-3SG.sub ум-COM
e-j-ak čet qip.
 быть-PRS-3SG.sub чем человек
 ‘Медведь умный, умнее, чем человек’.

15. Юж.Сельк.Кет. (Архив ЛЯНС, С 36: 329).

i t'umbane assi orup-se e-ŋ.
 и волк NEG сила-COM быть-3SG.sub
 ‘И волк не силен’.

2. Семантика конструкций именного типа с посессивными формантами

Несмотря на структурное многообразие именных конструкций с посессивными формантами (см. Ким-Малони, Ковылин, 2015), все они подразделяются на два больших класса: конструкции с посессивной семантикой и конструкции с непосессивной семантикой. Внутри каждого из этих классов выделяются, в свою очередь, подклассы, семантическая интерпретация которых является целью данного раздела. Все именные конструкции с посессивной семантикой могут быть разделены на два подкласса: 1) подкласс отторжимой посессивности; 2) подкласс неотторжимой посессивности.

Именные конструкции с посессивной семантикой

Неотторжимая посессивность

Для выражения неотторжимой посессивности используются существительные, относящиеся к одной из трех семантических групп: 1) термины родства и свойства; 2) анатомическая лексика; 3) названия предметов личного обихода. Для выражения данного вида посессивности используются в основном посессивные суффиксы, маркирующие указанные классы слов.

В первой группе (термины родства и свойства) формант посессивности предопределен релятивной семантикой данных существительных: *брат, сестра, мать, отец* и т.д. существуют и называются так не сами по себе, а потому, что существуют лица, по отношению к которым они являются *братом, сестрой* и т.д. (Журиная, 1977: 240). Именно наличие посессивного суффикса придает имени конкретную семантику: употребляясь с посессивами, данные имена приобретают, как правило, значение родства, свойства и близких к ним отношений, например, *матери, отца, сестры, близкого друга* и т.д. Данные существительные, употребляясь без посессива, передают общие понятия, например, *женщина, мужчина, человек* и др. Способность данных существительных несколько изменять свое значение с формантами посессивности отмечалось в тазовском диалекте селькупского языка (Кузнецова и др., 1980: 188). Примеры такого рода встретились и в южных диалектах селькупского языка: *ita* «мать/женщина»; *raja* «жена/старая женщина, старуха»; *qut, qur* «друг, сосед/человек, мужчина»; *qula, kut* «родители, родные, семья/люди, народ»; *iya, ija* «сын, свой ребенок, детеныш/мальчик, ребенок» и т.д.

16. Центр.Сельк.Нарым. (Ким, 1986: 90).

<i>mi-nan</i>	<i>qut-mut</i>	<i>qund</i>	<i>el-dəl</i>	<i>ku-t.</i>
1SG.LOC2	человек-POSS.1SG	долго	жить-PRS.PTCP	человек-PL

‘У нас родня-наша – долго живущие люди’.

17. Центр.Сельк.Нарым. (Ким, 1986: 90).

<i>qu-t</i>	<i>nudzə-p</i>	<i>padzal-gu</i>	<i>ča:dʒ-adət.</i>
человек-PL	травы-ACC	косить-INF	идти-3PL

‘Люди уходят траву косить’.

Данные примеры показывают, что посессивные форманты несут дополнительную нагрузку: помимо указания на принадлежность имени определенному лицу, они выделяют еще и слова особой семантики – термины родства и свойства.

Вторая группа (анатомическая лексика) включает части тела человека или другого живого существа (голова, рука, нога и т.д.), внутренние органы (сердце, печень, мозг и т.д.), а также вещества, вырабатываемые организмом (слезы, кровь, моча и др.). Как и в случае с именами родства и свойства, конструкции с анатомической лексикой обладают релятивной семантикой, поскольку анатомические реалии обязательно связаны с конкретным телом и обеспечивают его жизнедеятельность.

18. Центр.Сельк.Тым. (Ким, 1986: 92).

saj-m *čudž-a.*
 глаз-POSS.1SG болеть-3SG.sub
 'Глаз мой болит'.

19. Юж.Сельк.Сондровские говоры. (Ким, 1986: 92).

kōdā-la-u *kōzi-nd-attā.*
 ребро-PL-POSS.1SG болеть-EVID-3PL
 'Ребра-мои болят'.

Анатомическая лексика встречается без формантов посессивности в различных выражениях, поговорках, а также в случаях, когда эти термины употреблены в переносном смысле, например:

20. Центр.Сельк.Нарым. (Ким, 1986: 94).

ko *čan* *nʲarg* *e:dze-mb-a.*
 ухо до красный стать-PSTN-3SG.sub
 'До ушей красный стал'.

21. Юж.Сельк.Кет. (Ким, 1986: 94).

okkir *oli* *fa* *e-k,* *a* *šiddā* *oli* *qwedi-a.*
 один голова хорошо есть-3SG.sub а два голова красиво-3SG.sub
 'Одна голова хорошо, а две головы лучше'.

Третья группа (предметы личного обихода) не обладает устойчивостью в отношении посессивного оформления, может быть, благодаря влиянию современных технологий. Если раньше осознавалась тесная связь человека с предметом, который он сам для себя изготавливал: *парка*, *лодка*, *кисет* и прочее, то позднее, когда отпала надобность все производить самому, предметы обихода как бы «обезличились». Данную группу можно назвать переходной между группами отторжимой и неотторжимой посессивности.

22. Юж.Сельк.Кет. (Ким, 1986: 94).

irra *qanzā-m-dā* *nʲaqal-liewʲie* *tʲapti-r-lʲie* *old-aŋ.*
 старик трубка-ACC-POSS.3SG закурить-CVB2 сказка-VBLz-CVB начать-3SG.sub
 'Старик трубку-свою закулив, сказки начал рассказывать'.

23. Юж.Сельк.Кет. (Ким, 1986: 95).

mat *kikk-aŋ* *tan* *tü:lse-ndi-se* *tʲač-ku.*
 1SG хотеть-3SG.sub 2SG ружье-GEN.POSS.3SG-COM стрелять-INF
 'Я хочу из твоего ружья стрелять'.

В группу неотторжимой посессивности часто входят конструкции, оформленные показателем генитива, либо образованные примыканием. Они участвуют в отношениях принадлежности части целому; качества (признака, свойства) его носителю; процесса (действия, состояния) его субъекту, например:

24. Юж.Сельк.Ср.-об. (Ким, 1986: 146).

ma:di-t *po:* *te:-mb-a.*
 дом-GEN дерево сгнить-PSTN-3SG.sub
 'Дома дерево сгнило'.

25. Сев.Сельк.Елог. (Ким, 1986: 145).

mat *niŋgeli-s-ap* *kepta-t* *čobā-p.*
 1SG нарвать-PST-1SG.ob смородина-GEN ягода-ACC
 'Я сорвала смородины лист (ягоду)'.

Отторжимая посессивность

Отношения, характеризующиеся контролем посессора над посессивом, относятся к классу отторжимой посессивности. Конструкции отторжимой посессивности маркируются посессивными суффиксами и могут передавать различные нюансы значения собственности

или владения. Подобные конструкции также образуются при помощи генитивного форманта у посессора, либо посредством примыкания.

26. Центр.Сельк.Тым. (Архив ЛЯНС, С 56: 196).

loya *ma:t-ti* *tii:-t-it.*
лиса дом-POSS.3SG растаять-TR-3SG.ob

‘Лисы дом растаял (растопило)’.

27. Сев.Сельк.Турух. (Ким, 1986: 144)

kussat *tepe-t* *piti* *pe-η-ap,* *kanan-mi* *i-kk-ap.*
когда белка-GEN гнездо искать-PRS-1SG.ob собака-ACC брать-HAB-1SG.ob
‘Когда я белки гнездо ищу, я беру собаку мою’.

Именные конструкции с непосессивной семантикой

В научной литературе по посессивности в уральских языках неоднократно отмечалась возможность использования посессивных формантов для передачи непосессивных значений: определенности, указательности, анафоричности, идентифицируемости и т.д. (Ким, 1986; Nikolaeva, 2003). Иногда бывает довольно сложно отличить дейксис от анафоры (Артемова, 2017), однако, несмотря на наличие разных точек зрения, такие семантические/дискурсивные различия часто не совсем очевидны: анафора и дейксис обслуживаются одинаковыми языковыми средствами – посессивными суффиксами, а лексема, маркированная данным суффиксом, приобретает значение определенности. В селькупском языке зафиксировано использование посессивных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го л. ед. ч. для передачи данных значений.

Использование суффикса -t “POSS.3SG”

Анафорическое использование

28. Юж.Сельк.Сондровские говоры. (Ким, 1986: 116).

а) *il-s-ak* *warki-z-a:k* *era* *paJa-zə-k.*
жить-PST-3SG жить-PST-3SG старик старуха-COLL-DU
‘Жили-были старик со старухой’.

б) *era-t* *surə-(j)-lie* *palʒe-qu-η.*
старик зверь-VBLz-CVB ходить-HAB-3SG.sun
‘Старик-тот охотиться ходит’.

29. Сев.Сельк.Таз. (Кузнецова и др. 1993: 28).

а) *ukkir* *ira* *ili-mp-a* *peli-kə:lik.*
один старик жить-PSTN-3SG.sub половина-CAR
‘Один старик жил одиноко’.

Через 3 предложения.

б) *ira-ti* *tom-n-iti:* “*ukkirʂak* *ile-nt-i:...*”
старик-POSS.3SG сказать-PRS-3SG.ob вместе жить-FUT-3SG.sub
далее как жить-FUT-3SG.sub
‘Старик сказал: “Вместе будем жить...”’

Через девять предложений.

в) *ira* *ippi-lä* *ijŋkylty-mpa-ty,* *kuʂʂa:-qit*
старик лежать-CVB услышать-DUR-3SG.ob когда-LOC1
qorqi *qont-ale:-nt-a.*
медведь спать-INCH-FUT-3SG.sub
‘Старик лежа слушает, когда медведь заснет’.

Дейктическое использование

30. Центр.Сельк.Вас. (Архив ЛЯНС, С 61: 239).

<i>iidet</i>	<i>ne-l-qip</i>	<i>kore-Re-n-d</i>	<i>t'ö-ll-a...</i>
вечером	женщина-ADJz-человек	балаган-LAT-GEN-POSS.3SG	прийти-OPT-3SG.sub

‘Вечером женщина в балаган придет...’ (лексема «балаган» упоминается в первый раз).

Уникальность

В селькупском языке наблюдаются некоторые особенности в употреблении л.-прит. суффикса 3-го л. ед. ч. с существительными, обозначающие явления природы, названия небесных светил, промежутков времени и др. Можно предположить, что некогда показатель принадлежности употреблялся в некоторых подобных случаях в своем основном значении. Вероятно, эти явления были тесно связаны в понятии селькупов с их главным божеством – *num* ~ *nom* ~ *por* (Кузьмина, 1977: 71). Вполне вероятно, что такие явления природы и небесные светила, как *ветер*, *дождь*, *месяц*, *солнце* рассматривались селькупам как предметы, принадлежащие богу *ном*: *še:li-ti* «солнце-его (бога)», *siri-ti* «снег-его (бога)» и т.д. Однако, как отмечает А. И. Кузьмина, «...в советский период, особенно среди младшего и среднего поколения селькупов происходит вытеснение слова *ном* даже из устоявшихся оборотов» (Там же). Таким образом, все перечисленные явления перестают осмысляться селькупам как нечто, принадлежащее богу. В связи с этим суффикс посессивности теряет во многих случаях свое основное значение (передача посессивных отношений) и воспринимается как показатель определенности или выделительности. Добавим также, что суффикс POSS.3SG может и не присоединяться к указанным словам, однако выявление частотности его использования с данными словами в разных диалектах является темой отдельного исследования. Приведем некоторые примеры:

31. Юж.Сельк.Ср-об. (Ким, 1986: 115).

<i>t'el-t</i>	<i>qarət</i>	<i>t'elə-ŋ.</i>
солнце-POSS.3SG	утром	взойти-3SG.sub

‘Солнце утром взошло’.

32. Юж.Сельк.Таз. (Ким 1986: 115).

<i>siri-ti</i>	<i>ašša</i>	<i>qoraŋ</i>	<i>e-ŋ-a.</i>
снег-POSS.3SG	NEG	глубокий	есть-PRS-3SG.sub

‘Снег не глубокий’.

Использование суффиксов -*m* “POSS.1SG” и -*l* “POSS.2SG”

В данных из южного диалекта р. Чая (предположительно населенный пункт Костенкино), зафиксированного Н. П. Григоровским (Григоровский, 1879а, 1879б) встречается относительно большое количество примеров, где посессивные суффиксы 1-го и 2-го лица ед. ч. употребляются в качестве анафоры, дейксиса либо для выделения уникальности слова.

Анафорическое использование

Сначала идет упоминание о женщине, а потом она маркируется двумя разными посессивными суффиксами POSS.2SG и POSS.1SG на лексеме *мать*.

33. Юж.Сельк.Григ. (Григоровский, 1879а: 28).

<i>kiba</i>	<i>nejgot ewe-u-ni</i>	<i>kwan-b-an...</i>
малый	женщина	мать-1SG.POSS-LAT2
		пойти-PSTN-3SG.sub

‘Девочка пошла к матери...’

34. Юж.Сельк.Григ. (Григоровский, 1879а: 28).

<i>ewe-l</i>	<i>tabi-m</i>	<i>ogolčoldzi-mb-an</i>	<i>olo-n-d</i>
мать-2SG.POSS	3SG-ACC	научить-PSTN-3SG.sub	голова-ACC-3SG.POSS
<i>Ioanni-m</i>	<i>Lostikudim</i>	<i>madir-gu.</i>	
Иоан-ACC	Креститель	просить-INF	

‘Мать научила ее просить голову Иоанна Крестителя’.

Дейктическое использование

35. Юж.Сельк.Григ. (Григоровский, 1879а: 29).

<i>titawi</i>	<i>okir</i>	<i>po-d</i>	<i>tab-jagi-ni</i>	<i>ne-u</i>	<i>telim-b-an.</i>
через	один	год-3SG.POSS	3SG-DU-LAT2	дочь-1SG.POSS	родиться-PSTN-3SG.sub

‘Через год у них родилась дочь’.

Уникальность

В следующем примере показано использование суффикса для выделения уникальности явлений.

36. Юж.Сельк.Григ. (Григоровский, 1879а: 12).

<i>ni-n</i>	<i>I-d,</i>	<i>Kud</i>	<i>ukon</i>	<i>vesⁱ</i>	<i>vek-la-m</i>
Бог-GEN	сын-3SG.POSS	кто	прежде	все	век-PL-ACC
<i>tol'ko</i>	<i>okir</i>	<i>Eze-m-nando</i>		<i>telim-ban,</i>	
только	один	отец-1SG.POSS-ABL2		родиться-PSTN-3SG.sub	
<i>ewe-m-galk</i>		<i>telim-b-an,</i>		<i>tidam</i>	<i>okir</i>
мать-1SG.POSS-CAR		родиться-PSTN-3SG.sub		теперь	один
<i>ewe-m-nando</i>		<i>eze-m-galk</i>		<i>telimbi-le</i>	<i>Tab</i>
мать-1SG.POSS-ABL2		отец-1SG.POSS-CAR		быть.рожденным-CVB1	3SG

dolzen e-z-in...

долженбыть-PST-3SG.sub
‘Сын Божий, который родился прежде всех веков только от одного Отца, родился без матери, теперь Он должен был родиться от одной матери без Отца...’

Выводы

Семантика селькупских конструкций с посессивными формантами объединяет посессивные и непосессивные отношения. Семантические типы посессивности, обозначенные Л. Стасенном, а именно, отторжимая, неотторжимая, абстрактная и временная, характерны для большинства предикативных и именных конструкций с посессивными формантами в селькупских диалектах. Как показало проведенное исследование, существуют определенные ограничения семантической реализации, обусловленные либо структурой конструкции, либо диалектом:

Использование предикативных транзитивных конструкций с глаголом *держать* характерно преимущественно для выражения отторжимой посессивности, в то время как нетранзитивные бытийные конструкции покрывают все семантические типы предикативной посессивности.

Временная или физическая посессивность встречается редко и только в конструкциях предикативной посессивности.

Значение неотторжимости сопряжено с названиями родственников, частей и функций тела, предметов личного обихода

Посессивные суффиксы используются в непосессивном значении для передачи анафоры и дейксиса в определенном контексте, а также для выражения уникальности явлений.

Список литературы

- Артемова О. А. Дейксис и анафора как указательные средства языка: универсальное и уникальное // Идеи. Решения. Сборник статей и тезисов X Междунар. науч. практ. конф. – Минск, 23 ноября 2016 г. – В 6 ч. – Ч. 2. – Мн.: БГУ, 2017. – С. 6–10.
- Архив ЛЯНС. ТГПУ. Селькупы (С – Том): 23, 34, 36, 42, 56, 60, 61, 66. – Томск, [Б/г].
- Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. – Томский политехнический университет. – 2-е изд. испр. и доп. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2013. – С. 49–63.
- Журинская М. А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категория языка и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 194–157.
- Григоровский Н. П. Объяснение праздников Св. Церкви. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. – Казань, 1879а.
- Григоровский Н. П. Священная история. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. – Казань, 1879б.
- Ким А. А. О связи категории притяжательности с категорией определенности в селькупском языке // Языки и топонимия. – Сб. науч. тр. – Томск, 1980. Вып. 7. – С. 100–106.
- Ким А. А. Семантические основы сочетаемости лично-притяжательных суффиксов с именами существительными в селькупском языке // Теоретические вопросы фонетики грамматики языков народов СССР. – Новосибирск, 1981а. – С. 74–83.
- Ким А. А. Набео-конструкции в селькупском языке // Языки и топонимия. – Сб. науч. тр. – Томск, 1981б. – С. 90–94.
- Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: дис ... канд. филол. наук. – Томск, 1986. – 205 с.
- Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Таксономия языковых средств выражения посессивности в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – № 4 (10). – С. 36–44.
- Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Стратегии формирования предикативной посессивности в селькупских диалектах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2016. – № 4 (14). – С. 9–21.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 411 с.
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1993. – 196 с.
- Кузьмина А. И. К этимологиям названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. – Томск, 1977. – С. 71–85.
- Erdély I. Selkupisch Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. – Akadémiai Kiadó Budapest. – Hungary. – 1969.
- Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics 83. – Cambridge University Press, 1997. – 274 p.
- Nikolaeva I. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // In: Bernard Comrie and Pirkko Suihkonen (eds.), International Symposium on Deictic Systems and Quantification. – Izhevsk, 2003. URL: <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/papers/izhevsk.pdf> (Accessed: 09 November 2017).
- Stassen L. Predicative Possession. Oxford Studies in Typology and Linguistics. – Oxford University Press, 2009. – 812 p.
- Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M.A. Castren und T. Lehtisalo. – Helsinki, 1960.

Условные сокращения диалектов

- Сев.Сельк.Елог. – Северные селькупы, елогуйский диалект;
Сев.Сельк.Таз. – Северные селькупы, тазовский диалект;
Сев.Сельк.Турух. – Северные селькупы, туруханский диалект;
Центр.Сельк.Вас. – Центральные селькупы, васюганский диалект;
Центр.Сельк.Нарым. – Центральные селькупы, нарымский диалект;
Центр.Сельк.Тым. – Центральные селькупы, тымский диалект;
Юж.Сельк.Кет. – Южные селькупы, кетский диалект;
Юж.Сельк.Ср-об. – Южные селькупы, среднеобской диалект;
Юж.Сельк.Григ. – Южные селькупы, записи Н. П. Григоровского.

Условные сокращения глоссов

1 – 1-е лицо;
2 – 2-е лицо;
3 – 3-е лицо;
ABL2 – аблатив (для одушевленных предметов);
ACC – аккузатив;
ADJz – адъективайзер;
CAR – каритив;
COLL – суффикс собирательного множества;
COM – комитатив;
CVB – причастие настоящего времени;
CVB2 – причастие настоящего времени;
DU – двойственное число;
DUR – дуратив;
EVID – эвиденциальность;
FUT – будущее время;
GEN – генитив;
HAB – хабитуальность;
INF – инфинитив;
INCH – инхоатив;
LAT – латив;
LAT2 – латив (для одушевленных предметов);
LOC – локатив;
LOC1 – локатив (для неодушевленных предметов);
LOC2 – локатив (для одушевленных предметов);
NEG – отрицание;
ob – объектное спряжение;
OPT – оптатив;
PL – множественное число;
POSS – посессивность;
PRS – настоящее время;
PRS.PTCP – причастие настоящего времени;
PST – прошедшее время;
PSTN – прошедшее повествовательное;
REFL.STEM – основа возвратного местоимения;
TR – транзитивность;
SG – единственное число;
sub – субъектное спряжение;
VBLz – вербализатор;

Ким А. А., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Ковылин С. В., младший научный сотрудник.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Материалы поступили в редакцию 15.11.2017 г.

Kim-Malony A. A., Kovylin S. V.

SEMANTIC INTERPRETATION PROBLEMS OF CONSTRUCTIONS WITH POSSESSIVE FORMANTS IN THE DIALECTS OF SELKUP

The semantics of Selkup constructions with possessive formants, which are possessive suffixes and the suffix of the Genitive Case, combines possessive and non-possessive relationships. The semantic types of possessiveness, denoted by L. Stassen, namely, alienable, inalienable, abstract and temporary physical possession, are characteristic of most predicative and nominal constructions, although this study revealed limitations of their semantic realization: (i) predicative transitive constructions with the verb *to hold* are used only to express alienable or temporary physical possession; (ii) the semantics of temporary physical possession occurs only in predicative constructions; (iii) inalienable possession is associated with the names of relatives, parts and functions of the body, and personal items; (iv) possessive suffixes are also used in non-possessive function to convey anaphora and deixis in a specific context; they are also used to express unique phenomena.

Key words: *the selkup language, semantics of constructions with possessive formants.*

References

- Arhiv LYANS. TGPU. Selkupy (S – Tom): 23, 34, 36, 42, 56, 60, 61, 66 [Archive LLPS. TSPU. Selkupy. (C – Volume)] – Tomsk. (in Russian)
- Artemova O. A. Deixis i anafora kak ukazatelnye sredstva yazyka universalnoe i unikalnoe [Deixis and Anafora as Indexing Means of the Language: Universal and Unique] // Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statej i tezisov X Mezhdunar. nauch. prakt. konf., Minsk, 23 November 2016 g. V 6 chastyah. Chast 2. – Mn.: BGU, 2017. – P. 6–10. (in Russian)
- Erdély I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. – Akadémiai Kiadó Budapest. Hungary 1969.
- Glushkov S. V., Baydak A. V., Maksimova N. P. Dialekty selkupskogo yazyka [Dialects of The Selkup Language]. // Selkupy: Ocherki traditsionnoy kultury i selkupskogo yazyka: monografiya. Tomskiy politehnicheskij universitet; 2-e izd. ispr. i dop. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2013. – P. 49–63. (in Russian)
- Grigorovski N. P. Obyasnenie prazdnikov Sv. Tserkvi. Na ostyatsko-samoedskom yazyke [The Explanation of the Holy Church Holidays. On the Ostyak-Samoedic Language] / Sost. N. P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narymskogo kraja. – Kazan, 1879a. (in Russian)
- Grigorovski N. P. Svyashchennaya istoriya. Na ostyatsko-samoedskom yazyke [Sacred History. On the Ostyak-Samoedic Language] / Sost. N. P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narymskogo kraja. – Kazan, 1879b. (in Russian)
- Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics 83. – Cambridge University Press, 1997. – 274 p.
- Kim A. A. O svyazi kategorii prityazhatelnosti s kategoriej opredelennosti v selkupskom yazyke [On the Connection of the Category of Possession with the Category of Definiteness in the Selkup Language] // Yazyki i toponimiya. Sb. nauch. tr. Vyp. 7. – Tomsk, 1980. – P. 100–106. (in Russian)
- Kim A. A. Semanticheskie osnovy sochetaemosti lichno-prityazhatelnykh suffiksov s imenami sushchestvitelnykh v selkupskom yazyke [Semantic Compatibility Basis of Possessive Suffixes with Nouns in the Selkup Language] // Teoreticheskie voprosy fonetiki grammatiki yazykov narodov USSR. – Novosibirsk, 1981a. – P. 74–83. (in Russian)
- Kim A. A. Habeo-konstruktsii v selkupskom yazyke [Habeo-Constructions in the Selkup Language] // Yazyki i toponimiya. Sb. nauch. tr. – Tomsk, 1981b. – P. 90–94. (in Russian)
- Kim A. A. Vyrashenie kategorii prityazhatelnosti v dialektah selkupskogo yazyka [Expression of Possessive Means in Selkup Dialects]: dis ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 1986. – 205 p. (in Russian)
- Kim-Maloni A. A., Kovylin S. V. Taksonomiya yazykovykh sredstv vyrazheniya posessivnosti v selkupskom yazyke [Taxonomy of Possessive Language Means in Selkup] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 36–44. (in Russian)
- Kim-Maloni A. A., Kovylin S. V. Strategii formirovaniya predikativnoj posessivnosti v selkupskih dialektah [Strategies of the Predicative Possession Formation in the Selkup Dialects] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 4 (14). – P. 9–21. (in Russian)

- Kuzmina A. I. K ehtimologiyam nazvanij mesyatsev, storon sveta, zvezd i sozvezdij v selkupskom yazyke [On the Name Etymologies of Months, Points of the compass, Stars and Constellations in the Selkup Language] // *Yazyki i toponimiya*. – Tomsk, 1977. – P. 71–85. (in Russian)
- Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Ju, Helimskiy E. A. Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskij dialect. Uchebnoe posobie [Sketches of the Selkup Language. Taz Dialect. Training Manual]. – M.: Izdatelstvo MGU, 1993. – 196 s. (in Russian)
- Kuznetsova A. I., Helimskiy E. A., Grushkina E. V. Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt. Tom 1 [Sketches of the Selkup Language. Taz Dialect. Vol. 1]. – M.: Izdatelstvo MGU, 1980. – 411 p. (in Russian)
- Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M. A. Castren und T. Lehtisalo. – Helsinki, 1960.
- Nikolaeva I. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // In: Bernard Comrie and Pirkko Suihkonen (eds.), *International Symposium on Deictic Systems and Quantification*. Izhevsk, 2003. URL: <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/papers/izhevsk.pdf> (Accessed: 09 November 2017).
- Stassen L. *Predicative Possession*. Oxford Studies in Typology and Linguistics. – Oxford University Press, 2009. – 812 p.
- Zhurinskaya M. A. Imennye posessivnye konstruksii i problema neottorzhimoy prinadlezhnosti [Nominal Possessive Constructions and the Problem of Inalienable Possessivity] // *Kategoriya yazyka i obladaniya v yazyke*. – M.: Nauka, 1977. – P. 194–157. (in Russian)

Kim A. A., Doctor filol. nauk, professor.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
National Research Tomsk State University.
Pr. Lenina, 36, Tomsk, 634050.
E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Kovylin S. V., Junior research fellow.
National Research Tomsk State University.
Pr. Lenina, 36, Tomsk, 634050.
E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Крюкова Е. А.¹, Нефёдов А. В.²

ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОТОТИПИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ПЕРИФЕРИЯ

Статья представляет собой описание разноуровневых средств, которые используются при выражении посессивных отношений в кетском языке: просодические, морфосинтаксические и лексические. Языковой материал, рассматриваемый в статье, охватывает атрибутивные и предикативные посессивные конструкции, среди которых выделяются как прототипические стратегии маркирования категории принадлежности (посессивные клитики в атрибутивных конструкциях с выраженным и невыраженным посессором, посессивные предикаты в локативных предикативных конструкциях), так и периферийные явления (сложные слова, специализированные глаголы обладания). Кроме того, в анализе языкового материала было отмечено влияние дискурсивных факторов, которые обуславливают выбор той или иной посессивной стратегии.

Ключевые слова: категория посессивности, посессивные предикаты, референтность, информационная структура, кетский язык, исчезающие языки Сибири.

Введение

Проблема посессивности является в настоящее время одной из актуальных тем, исследуемых в лингвистике. Посессивность представляет собой достаточно сложное, разноуровневое явление, которое включает в себя широкий спектр отношений обладания и принадлежности, а также соотношения части и целого (Бондарко, 1996: 99).

В зависимости от выполняемой функции, посессивные конструкции делятся на два типа: атрибутивные³ и предикативные. К первому типу относятся конструкции вида *моя машина, деньги отца*, а ко второму – *у меня есть машина, я имею много денег*.

В кетском языкознании многие вопросы, касающиеся исследования посессивных отношений (особенно в типологическом аспекте), остаются открытыми, хотя существуют отдельные работы, которые затрагивают данную проблематику.

Краткое описание атрибутивных и предикативных посессивных конструкций встречается в грамматиках и очерках по кетскому языку у отечественных (Валл, Канакин, 1985: 33, 44–46; Валл, Канакин, 1990: 70–73, 75) и зарубежных лингвистов (Georg, 2007: 107–108, 119–120, 165–166; Vajda, 2004: 21–23, 26–27; Werner, 1997: 104–119, 134–136). Следует также отметить работы типологического (Которова, Нефёдов, 2006) и сравнительно-сопоставительного плана (Vajda, 2013), в рамках которых были довольно подробно рассмотрены отдельные вопросы, связанные с категорией посессивности в кетском языке.

Главная цель данной статьи – представить комплексное описание стратегий выражения посессивных отношений в кетском языке с учетом результатов проведенного корпусного исследования атрибутивных и предикативных посессивных конструкций (см. подробнее: Крюкова, 2015; 2016; см. также Нефёдов, в печати), а также наметить пути изучения прагматических факторов, которые могут влиять на использование посессивных конструкций в кетском дискурсе.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

² Исследование выполняется при финансовой поддержке Fritz Thyssen Foundation в рамках научно-исследовательского проекта “Negation in Ket and the Yeniseian languages: Typological and areal perspective (Az. 40.17.0.008SL).

³ В зарубежной лингвистике часто употребляется термин «приимённый» (adnominal) (Stassen, 2009: 107).

В качестве основного материала для работы был использован аннотированный корпус кетских текстов (далее – корпус),⁴ а также материалы из грамматических описаний кетского языка и опубликованных словарей.

1. Атрибутивные посессивные конструкции в кетском языке

В данном разделе мы рассмотрим стратегии выражения посессивных отношений в кетском языке на уровне именных групп, которые можно охарактеризовать как 1) конструкции с посессивными клитиками и 2) конструкции со сложными словами. Основная разница в дистрибуции данных стратегий заключается в степени референтности посессора. Разница между отчуждаемостью и неотчуждаемостью в кетских атрибутивных посессивных конструкциях не кодируется.

1.1. Конструкции с посессивными клитиками

При наличии посессора, который обладает высокой референтностью, протипичным способом маркировки посессивных отношений в именных группах является использование посессивных клитик. Данные языковые единицы имеют более самостоятельный статус, чем связанные морфемы, такие как префиксы и суффиксы (ср. Валл, Канакин, 1990: 70). В табл. 1 продемонстрированы фонологические формы этих показателей.

Таблица 1

Посессивные клитики

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	=b=	=na=
2 л.	=k=	
3 л. муж. к.	=da=	
3 л. жен. к.	=d(i)=	
3 л. вещ. к.	=d=	

Как можно видеть из таблицы, в единственном числе данные показатели различают лицо и класс (мужской, женский и вещной) посессора. Во множественном числе, однако, они маркируют лишь общее различие между одушевленностью и неодушевленностью посессора.

С точки зрения просодики, посессивные клитики обладают как энклитическими, так и проклитическими характеристиками. В рамках одной фонологической фразы клитика присоединяется к слову, которое стоит в препозиции (обычно это эксплицитно выраженный именной или местоименный посессор).⁵ При отсутствии предшествующего слова или при наличии существенной паузы, клитика присоединяется к обладаемому,⁶ которое находится в постпозиции. Наличие паузы обычно прагматически обусловлено и служит для выделения темы в предложении (ср. Гришина, 1999). В целом, просодическое поведение данных показателей схоже

⁴ Корпус состоит из 27 текстов на северно-кетском диалекте и трех на южно-кетском, записанных в середине XX в. Полный объем корпуса составляет 1100 предложений.

⁵ Это также может быть слово, которое не относится к посессивной группе, но находится с посессивной клитикой в рамках одной фонологической фразы (см.: Nefedov, 2015: 17).

⁶ Обладаемым обычно является имя существительное. Однако в кетском языке в позиции обладаемого может также находиться имя действия (традиционно называемое инфинитивом). В этом случае, посессор интерпретируется как субъект или объект действия, выраженного этой частью речи. Например, *āb tād binut* [1SG.POSS бить.ANOM это-закончилось] 'мое битье закончилось', т.е. 'я закончил (кого-либо) бить' или '(кто-либо) закончил меня бить'.

с тем, что в терминологии М. Сисоу называется «дитропическими» клитиками (см. подробнее: Cysouw, 2005).

Далее мы рассмотрим конструкции с посессивными клитиками в зависимости от того, как в них выражается посессор.

1.1.1. Конструкции с посессором, выраженным именем существительным

Как было сказано выше, посессивные показатели обычно присоединяются к эксплицитно выраженному именному посессору. В традиционных описаниях кетского языка подобные случаи трактуются как конструкции с показателями родительного падежа (Дульзон, 1968: 74; Werner, 1997: 74, 118; Vajda, 2004: 23). Пример подобной посессивной конструкции проиллюстрирован в (1).

1. ... *aqta kera battat ek'ti*...

aqta *keʔd-da* *battad* *ek'ti*
хороший человек-3SG.POSS.M лоб 2SG.IMP.не.трогать

‘...лоб хорошего человека не трогай...’ (Текст «Бальна», № 39)

В этом примере посессивная клитика 3-го лица единственного числа мужского класса =*da*=, примыкая справа к посессору *keʔd* ‘человек’ (т.е. суффицируясь), образует с ним одно просодическое единство. При этом посессоры, которые выражены односложным словом, теряют свое тоновое оформление.⁷

Схематически данную посессивную стратегию можно изобразить как «ПОССЕССОР_{NOM}=POSS + ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM}». В нашем корпусе данная стратегия зафиксирована у 21 атрибутивной посессивной конструкции.

1.1.2. Конструкции с посессором, выраженным местоимением

Эксплицитный посессор может быть также выражен местоимением, традиционно называемым притяжательным (Дульзон, 1968: 107–111). Однако, как и в случае с существительными, данные местоимения являются формами личных местоимений, маркированными соответствующими посессивными клитиками (из табл. 1). Сравним форму личных местоимений и посессивно-маркированных местоимений в табл. 2.

Таблица 2

Личные и посессивно-маркированные местоимения

	ед. ч.		мн. ч.	
	личные	посессивные	личные	посессивные
1 л.	<i>ā(d)</i> ‘мой’	<i>āb</i> ‘мой’ ⁸	<i>ət(ŋ)</i> ‘мы’	<i>ətŋna</i> ‘наш’
2 л.	<i>ū(k)</i> ‘ты’	<i>ūk</i> ‘твой’	<i>ək(ŋ)</i> ‘вы’	<i>əkŋna</i> ‘ваш’
3 л. муж. к.	<i>bū</i> ‘он(а)’ ⁹	<i>buda</i> ‘его’	<i>buŋ</i> ‘они’	<i>buŋna</i> ‘их’
3 л. жен. к.		<i>bud(i)</i> ‘ее’		

⁷ В кетском языке односложные слова различают четыре разных тона. В примере (1) слово *keʔd* ‘человек’ относится ко второму тону.

⁸ Согласно Ш. Георгу, в случае с *āb* ‘мой’, элемент *-b* нельзя однозначно трактовать как суффикс, потому что с исторической точки зрения корень **a-* для местоимения первого лица в кетском и югском языках не подтверждается (Georg, 2007: 176, сноска). Однако, как показывают текстовые примеры, в разговорной речи местоимение *ād* ‘я’ часто редуцируется до *ā* (например, *ā boʔon* ‘я пошел’, *ā ŋita* ‘я говорю/сказал’), поэтому мы вполне можем иметь дело с выпадением морфемы *-d* при присоединении посессивной клитики.

⁹ В кетском языке местоимение *bū* обычно не употребляется для обозначения 3 лица единственного числа вещного класса (ср. Дульзон, 1968: 103).

1.1.3. Конструкции с невыраженным посессором

Помимо конструкций с эксплицитно выраженным посессором, в кетском языке возможны атрибутивные посессивные конструкции, в которых посессор опущен. В таких случаях посессивный показатель присоединяется к обладаемому, которое находится в постпозиции:

4. *damdiŋa o:s'ka donnerej*

da =ām=diŋa	uska	d-o-n-a-dij
3SG.POSS.M -мать-F.DAT	домой	3M.SBJ-PST-PST-3SBJ.COREF -приходить

‘К своей матери домой ушел’ (Текст «Чертовка и женщина», № 66).

Пример (4) демонстрирует функционирование посессивного показателя =*da*= в качестве проклитики, т.е. он находится в позиции префигирования по отношению к обладаемому и составляет с ним единую ритмическую группу (при этом тоновое оформление односложных слов остается нетронутым¹²). Опускание посессора в подобных случаях становится возможным благодаря тому, что посессивная клитика имеет достаточно высокий уровень референтности (отражает лицо, класс, число нужного референта).

При наличии оформления обладаемого прилагательным, посессивная клитика маркирует всю атрибутивную группу, как в примере (5):

5. *baqta qa:ləq ...qimeriŋa tan'gi:j...*

b -aqta	qaloq	qima-diŋa	t-a-n-kij
1SG.POSS -хороший	внучка	бабушка-F.DAT	TH-NPST-IMP -сказать

‘(Моя) милая внучка, бабушке скажи...’ (Текст «Хунь с Колбассам жили», № 43).

Схематично посессивную конструкцию этого вида можно представить следующим образом: «**POSS=ОБЛАДАЕМОЕ_{НОМ}**». В нашем корпусе было найдено 112 атрибутивных посессивных конструкций подобного вида.

Нужно отметить, что в текстах встречаются сложные посессивные конструкции, в которых посессор одновременно является обладаемым по отношению к другому посессору:

6. ... *bo:b 'da ki't deqajbo 'yos*

b =ōb= da	ki't	di-kaj-b-o-qos
1SG.POSS -отец- 3SG.M.POSS	цена	1SG.SBJ -конечность-INAN.OBJ-(EP)-взять

‘...отцовскую [моего отца] цену возьму’ (Текст «Нюням», № 44).

В примере (6) существительное *ōb* ‘отец’ – это обладаемое по отношению к посессору, выраженному клитикой =*b*= ‘мой’. Сам посессор не выражен эксплицитно ни существительным, ни местоимением. В тоже время *ōb* является посессором по отношению к слову *ki't* ‘цена’, что выражается посессивной клитикой =*da*=.

В целом, по нашему мнению, разница между употреблением посессивных конструкций с эксплицитным посессором и конструкциями с невыраженным посессором во многом зависит от информационной структуры текста – чем сильнее посессор активирован в предыдущем дискурсе, тем больше вероятность того, что он будет выражен посессивной клитикой.

1.2. Посессивные отношения, выраженные сложными словами

Если посессор является нереферентным по отношению к обладаемому, то для выражения посессивных отношений может быть использована стратегия словосложения. Пример (7) иллюстрирует данную стратегию.

¹² Слово *ām* ‘мать’ в примере (4) теряет оформление первым тоном в следствие присоединения падежного показателя. В качестве иллюстрации сохранения тонового оформления можно привести следующие примеры: *bām* ‘моя мать’, *dahit'b* ‘ее сын’ и т.п. (ср. Georg, 2007: 119).

7. *atijaj-deʔŋ ʔɔjgirasʔ diliŋqɔŋɔna*

ətikaj-deʔŋ **qòj-kiʔd-as** d-iliŋ-q-oŋ-o-n-a
гостить-люди **медведь-мясо-INSTR** 1SG.SBJ-есть-CAUS-3AN.PL-PST-PST-MOM.TR
'Гостей медвежатиной накормила.' (БСКЯ: 303)

В отличие от примеров, представленных в разд. 1.1, слово *qòj* 'медведь' (посессор) соединяется со словом *kiʔd* 'мясо' (обладаемое) без какого-либо посессивного оформления. При этом, однако, оба слова теряют свое тоновое оформление и получают единый просодический контур. Таким образом, мы имеем дело не с именной группой, а с лексической единицей. Данный способ образования новых лексических единиц является самым распространенным в кетском языке (Georg, 2007: 125).

Помимо словосложения с помощью соположения, посессивные отношения могут быть выражены сложными словами, которые содержат в своем составе связующий элемент *-d-*:

8. *tipda ʔkubdɔ:l*

tīb=da kīb-d-óòl
собака=3SG.M.POSS рот-LINK-оболочка
'собачий намордник [оболочка рта]' (БСКЯ: 241)

В примере (8) элемент *-d-* связывает между собой слова *kīb* 'рот (с губами)' и *óòl* 'оболочка'. Данная конструкция похожа на примеры с посессивной клитикой и эксплицитно выраженным посессором, рассмотренные выше в п. 1.1.1. Однако, в отличие от тех конструкций, в этом случае мы имеем дело с лексической единицей, так как слово *kubdɔ:l* оформляется единым просодическим контуром и имеет лексикализованное значение 'намордник', которое достаточно сложно вывести из значений составных частей данного слова.

С исторической точки зрения, сам связующий элемент *-d-* имеет непосредственное отношение к посессивной клитике 3-го лица вещного класса (см. табл. 1). Однако, как отмечает Ш. Георг, в настоящее время он является «застывшим», так как не согласуется с определяющим словом (Georg, 2007: 126).

Никакого особого семантического различия между словами, образованными этими двумя способами, не обнаружено. Более того, некоторые слова могут иметь две параллельные формы – с элементом *-d-* и без него, ср., например, *destul* [des-d-ul / глаз-LINK-вода] и *desul* [des-ul / глаз-вода] 'слеза'.

2. Предикативные посессивные конструкции в кетском языке

Помимо атрибутивных конструкций, посессивные отношения в кетском языке выражаются с помощью предикативных конструкций. В классификации, предложенной Л. Стассеном, выделяется четыре стратегии образования предикативных посессивных конструкций: 1) локативная стратегия, 2) комитативная стратегия, 3) стратегия топикализации посессора и 4) глагольная стратегия (Stassen, 2009). В кетском языке используются следующие стратегии: локативная (выраженная неглагольными предикатами) и глагольная (выраженная специальными глаголами обладания).

Кроме этого, в кетском языке есть предикативные конструкции вида *этот дом – мой*, которые не учитываются в типологии Л. Стассена (Stassen, 2009: 30). Данные конструкции образуются с помощью посессивно-маркированных местоимений и специальных предикативных маркеров *-ij* (одушевленное обладаемое) и *-bij* (неодушевленное обладаемое). Например, *hiʔb abij* 'сын – мой', *tude quʔs ukbij* 'этот чум – твой' (Werner, 1997: 136). В корпусе данные конструкции обнаружены не были.

2.1. Неглагольные посессивные предикаты (локативная стратегия)

Неглагольные предикативные конструкции, которые выражают посессивные отношения с помощью локативной стратегии, относятся к группе так называемых локативных предикатов. Данная группа включает в себя собственно локативные, бытийные и посессивные предикаты (Payne, 1997; Dryer, 2007). Как и остальные виды локативных предикативных конструкций, посессивные предикаты выражают отношения между LOC-аргументом (посессором) и THEME-аргументом (обладаемым). По своей структуре посессивные неглагольные предикаты в кетском языке практически полностью совпадают с бытийными предикативными конструкциями – LOC-аргумент маркируется местно-личным падежом, а THEME-аргумент остается основным падеже (с нулевым маркированием). Единственным отличием от бытийных предикативных конструкция является тот факт, что посессор (LOC) в неглагольных посессивных предикатах всегда одушевленный, поэтому не может быть маркирован местно-временным падежным показателем (подробнее неглагольных предикатах см. Нёфёдов, в печати). Табл. 4 суммирует каноническую структуру этих посессивных конструкций.

Таблица 4

Структура посессивной предикативной конструкции

Посессор	Обладаемое	Предикатив	
в местно-личном падеже	в основном падеже	нулевая связка	бытийные связки
- <i>daŋta</i> (муж., ед.ч.) - <i>diŋta</i> (ед.ч., жен./вещ.) - <i>naŋta</i> (мн.ч., одуш.)	-∅	∅	<i>usaŋ</i> (непрош. вр.), <i>obilda</i> (прош. вр.)

Как можно видеть из таблицы, в непрошедшем времени в посессивных предикативных конструкциях используется бытийная связка *usaŋ* ‘есть’:

9. *aviŋte duot u:s'iem*¹³

abaŋta duʔd **usaŋ**
1SG.ADSS шило есть

‘У меня шило есть.’ (Крюкова, 2016: 24)

Бытийная связка также может быть опущена, как в примере (10). В данном случае мы имеем дело с так называемой «нулевой» связкой.

10. ... *buranŋte i re am 'diŋte qaq ta:n*

bū-daŋta i da **ām-diŋta** qāk téən
3-M.ADSS и 3SG.M.POSS мать-F.ADSS пять палец.PL

‘...у него и его матери пять пальцев.’ (Крюкова, 2016: 23)

Разница между конструкциями с эксплицитной связкой (9) и нулевой связкой (10) скорее всего относится к сфере прагматики. Мы предполагаем, что в первом случае акцент делается на факт обладания, а во втором – на обладаемое (ср. Нёфёдов, в печати).

В прошедшем времени посессивные конструкции оформляются специальной связкой *obilda* ‘был’. В отличие от связки *usaŋ*, которая является полностью неизменяемой, *obilda* может отражать число субъекта предикации, как в примере (11).

11. *Hundiŋte kaʔt obilden*

Huʔn-diŋta kəʔd **obilda-n**
Хунь-F.ADSS дети был-PL

‘У Хунь были дети.’ (Крюкова, 2016: 27)

¹³ Форма *usam* являет диалектным вариантом *usaŋ*, свойственным для говоров северного диалекта кетского языка. Дульзон (1968: 291) ошибочно считает *usam* предикативной формой среднего рода (т.е. вещного класса).

С исторической точки зрения, связка *obilda* связана с заимствованной русской связкой прошедшего времени *был* (см. Georg, 2007: 314).

Следует также отметить, что, по мнению Ш. Георга, посессивная конструкция с местно-личным падежом возможно является структурной калькой, возникшей под контактным влиянием русского языка (Georg, 2007: 112). С другой стороны, согласно типологическому исследованию Л. Стассена, локативная стратегия достаточно широко распространена среди языков мира, ареально и генетически не связанных друг с другом (Stassen, 2009: 748ff). Таким образом, данная стратегия вполне может быть изначально присущей кетскому языку.¹⁴

Наибольшее количество примеров в нашем корпусе насчитывают неглагольные посессивные конструкции с нулевой связкой – 17 употреблений. Конструкций со связкой *usaj* в корпусе всего шесть, а с *obilda* – восемь.

2.2. Глагольные посессивные предикаты (глагольная стратегия)

Глаголы обладания в кетском языке можно разделить на два основных семантических типа: 1) глаголы, описывающие постоянное владение предметом (в настоящем и прошлом), и 2) глаголы, описывающие будущее вхождение во владение предметом или же самое начало обладания (ср. Крейнович, 1968: 139). Оба вида данных глаголов обладания являются интранзитивными, так как построены на инкорпорации обладаемого в состав глагольной словоформы, посессор при этом является субъектом предикации, который стоит в основном падеже и маркируется соответствующим показателем в глаголе.

Первый тип глаголов обладания представлен глаголом с основой *-bed* ‘обладать’.¹⁵ Схематично его можно представить как «X-AGR-bed», где X – это обладаемое, которое инкорпорировано в глагольную словоформу, а AGR – посессор, являющийся субъектом данной конструкции. Никаких семантических ограничений в отношении существительных, которые можно инкорпорировать в этот глагол, не наблюдается. Однако выбор серии субъектных показателей¹⁶ в данном глаголе зависит от того является ли инкорпорант (исторически) односложным или (исторически) многосложным (Vajda, 2017: 920). Пример с односложным обладаемым продемонстрирован в (12), а с многосложным – в примере (13).

12. *ēn̄ āt tipdibet*

ēn *ād* *tib-di-bed*
сейчас **1SG** собака-**1SG.SBJ**-обладать
‘Теперь у меня собака есть.’ (БСКЯ: 657)

13. *āt intipbajabet*

ād *intib-ba-ja-bed*
1SG щенок-**1SG.SBJ-INTR**-обладать
‘У меня есть щенок.’¹⁷

Как мы видим, в первом случае с односложным обладаемым *tib* ‘собака’ субъект 1-го лица единственного числа маркируется показателем *-di-*, а во втором – показателем *-ba-*, так как обладаемое *intib* ‘щенок (досл. маленькая собака)’ является двусложным. Вне глагола посессор выражен личным местоимением *ād* ‘я’ с нулевым маркированием. В примере (13) можно также видеть, что некоторые парадигматические формы глагола обладания содержат интранзитивный суффикс *-ja-*, который свойственен результативно-стативным глаголам.

¹⁴ Использование локативной стратегии также зафиксировано для языков На-дене, которые считаются генетически связанными с енисейской семьей языков (Stassen, 2009: 758).

¹⁵ На данный момент неизвестно, есть ли какая-либо этимологическая связь между глагольными основами *-bed* ‘обладать’ и *-bed* ‘делать’ (Nefedov, Vajda, 2015: 59).

¹⁶ В кетском глаголе есть несколько серий субъектно-объектных показателей для каждого лица, класса и числа, которые различаются по форме и занимают в глаголе разные позиции.

¹⁷ Пример взят из полевых записей авторов статьи.

В отличие от других продуктивных инкорпорирующих основ, основа *-bed* 'обладать' не имеет переходного парафраза, в котором обладаемое могло бы находиться вне глагола и маркироваться как прямой объект.

Второй тип глаголов обладания образован от основы *-qan* 'начинать, становиться'. Схема данного глагола выглядит следующим образом: «X-AGR-qan». В примере (14) приводится форма этого глагола в непрошедшем времени, которая передает план будущего. Пример (15) демонстрирует этот глагол в прошедшем времени, и в этом случае он передает значение начала владения предметом.

14. *don'bogdakan*

don-**bo**-k-d/a-qan

нож-**1SG.SBJ**-TH-TM/NPST-статья.NPST

'Я заимею нож.' (Крейнович, 1968: 140)

15. *don'ugdovon*

don-**u**-k-d/o-qon

нож-**3SG.F.SBJ**-TH-TM/PST-статья.PST

'Она заимела нож.' (Крейнович, 1968: 140)

В отличие от глагола обладания с основой на *-bed*, все примеры данного вида глаголов, которые имеются в описаниях кетского языка, инкорпорируют только отчуждаемое обладаемое.

Е. А. Крейнович также отмечает наличие другого глагола со схожей семантикой, однако приводит лишь формы прошедшего времени:

16. *ɫɔbogdombugdoja*

ɫɔ-bokdom-**bu**-k-d/o-j-a

3SG.F.SBJ-ружье-**3COREF.SBJ**-TH-TM/PST-EP(?)-STEM

'Ружье она заимела.' (Крейнович, 1968: 140)

В данном случае сложно сказать каково точное значение основы *-a*, так в кетском языке имеется несколько омонимичных ей корневых основ (например, со значением непроизвольного действия, однократного действия, активного действия, подробнее см. Вайда, Зинн, 2005). Помимо основы, этот глагол отличается от глагола с основой на *-qan* использованием другой серии субъектных показателей.

Как и в случае с глаголами обладания на *-bed*, данные глаголы нельзя перефразировать в транзитивные конструкции, в которых обладаемое находилось бы вне глагола.

Дискурсивным фокусом в данных конструкциях является посессор, так как обладаемое инкорпорировано в глагол и таким образом выведено на задний план (ср. Vajda, 2017: 927). В целом, статус обладаемого в данных конструкциях отличается более низкой референциальностью, чем в конструкциях, образованных с помощью локативной стратегии.

Следует также отметить, что, по мнению Г. К. Вернера, кетские глаголы обладания являются более поздними инновациями, что объясняет их узкую семантику по сравнению с подобными глаголами в других языках (Вернер, 1974: 44).

В корпусе текстов, используемом в нашем исследовании, подобные глаголы обладания не встречаются.

Заключение

В данной статье были рассмотрены атрибутивные и предикативные стратегии выражения посессивных отношений в кетском языке. В атрибутивных посессивных конструкциях преобладает морфологический способ выражения посессивных отношений с помощью специальных клитик, которые отражают лицо, класс и число посессора. Данные клитики могут присоединяться к посессорам, выраженным именем существительным или местоимением, а также непосредственно к обладаемому при отсутствии эксплицитного посессора. Общая схема построения атрибутивных посессивных конструкций выглядит следующим образом:

(ПОСЕССОР_{NOM/PRO})=POSS=ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM}.

Выбор одной из данных стратегий выражения посессивных отношений связан, по нашему мнению, с информационной структурой предложения. Следует отметить, что в данных конструкциях посессор обладает высокой референциальностью. Для выражения посессивных отношений с нереферентным посессором обычно используется словосложение с помощью соположения или специальной связки посессивного происхождения:

ПОСЕССОР_{NOM}(-LINK-)ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM}.

Основной стратегией выражения предикативной посессивности в кетском языке является использование конструкции, идентичной бытийным предикативным конструкциям. В данном случае посессор маркируется местно-личным падежом, а обладаемое стоит в основном (немаркированном) падеже. Вся конструкция оформляется специальными бытийными связками; в настоящем времени связка может быть опущена:

ПОСЕССОР_{NOM/PRO-ADSS} + ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM/PRO} + (COPULA).

Периферийным способом выражения предикативной посессивности является использование специальных глаголов обладания. Данные глаголы являются интранзитивными с инкорпорированным обладаемым в составе глагольной словоформы. В отличие от неглагольных посессивных предикатов обладаемое в данных глаголах имеет низкий референтный статус, а прагматический акцент смещается в сторону посессора, который является субъектом предикации. Тот факт, что в нашем корпусе имеются только неглагольные посессивные конструкции может свидетельствовать о том, что идет вытеснение глаголов обладания под доминирующим влиянием русского языка, для которого подобные бытийные посессивные конструкции являются наиболее частотными. Этому также может способствовать то, что глаголы обладания в кетском языке являются в достаточной степени узкоспециализированными.

Анализ примеров из корпуса и других источников показал, что выбор той или иной посессивной стратегии в кетском языке в большой степени зависит от дискурсивных факторов, это касается как атрибутивных, так и предикативных посессивных конструкций. Необходимо дальнейшее исследование взаимосвязи информационной структуры текста и использование посессивных конструкций на материале корпуса для моделирования процессов построения дискурса в кетском языке.

Список литературы

- Большой словарь кетского языка (БСКЯ) / Под ред. Е. Г. Которовой, А. В. Нефедова. – Мюнхен: LINCOM, 2015. – Т. 1. – 430 с.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 229 с.
- Вайда Э., Зинн М. А. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. – 262 с.
- Валл М. Н., Канакин И. А. Категории имени в кетском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 56 с.
- Валл М. Н., Канакин И. А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. – Новосибирск: Наука, 1990. – 101 с.
- Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. – 1974. – № 1. – С. 34–45.
- Гришина Н. М. О некоторых средствах выделения темы и ремы в кетском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур. – Уфа; Томск, 1999. – С. 73–76.
- Которова Е. Г., Нефедов А. В. Типологические характеристики кетского языка: вершинное или зависимостное маркирование? // Вопросы языкознания. – 2006. – № 5. – С. 43–56.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. – Л.: Изд-во Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 284 с.

- Крюкова Е. А. Именные посессивные конструкции в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 4 (10). – С. 55–61.
- Крюкова Е. А. Предикативные посессивные конструкции в кетском языке (корпусное исследование) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 4 (14). – С. 22–36.
- Нефёдов А. Отрицание неглагольных предикатов в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018 (в печати)
- Cysouw M. Morphology in the wrong place. A survey of preposed enclitics // Wolfgang U. Dressler (ed.) Morphology and its Demarcations. – Amsterdam: Benjamins, 2005. – P. 17–37.
- Dryer M. S. Clause types. In: Shopen T. (ed.), Language Typology and Syntactic Description. – Vol. I: Clause Structure, 2nd ed. – Cambridge: CUP, 2007. – P. 224–275.
- Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak) GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. – 328 p.
- Nefedov A. Clause linkage in Ket. – Utrecht: LOT, 2015. – 297 p.
- Nefedov A., Vajda E. Grammatical sketch (of Ket). In: Comprehensive Dictionary of Ket. (with Russian, German and English Translations). Under the general supervision of E. G. Kotorova. Editors-in-chief: E. G. Kotorova, A. V. Nefedov. – Vol. 1. München: LINCOM EUROPA, 2015. – P. 27–69.
- Payne Th. E. Describing Morphosyntax: A Guide for Field Linguists. – United Kingdom: Cambridge University Press, 1997. – 413 c.
- Stassen L. Predicative Possession. – Oxford University Press, 2009. – 812 p.
- Vajda E. J. Ket. LINCOM EUROPA, 2004. – 99 p.
- Vajda E. J. Vestigial possessive morphology. In Na-Dene and Yeniseian. Working papers in Athabaskan (Dene) Languages. 2012. – Alaska Native Language Center Working Papers, eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks. – AK: ANLC, 2013. – № 11. – P. 9–91.
- Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. // M. Fortescue, M. Mithun, and N. Evans (eds.) The Oxford Handbook of Polysynthesis, Oxford University Press, 2017. – P. 906–929.
- Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3) – Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997. – 405 p.

Список текстов

- Бальна. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. Т. XX, вып. 2. – Томск, 1962 // Крюкова Е. А., Глазунов П. Ю. Кетские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала. – Томск: Ветер, 2010. – Т. 1. С. 185–201.
- Жил мужик с женой. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Сборник статей по вопросам языкознания и методике преподавания иностранных языков. Ученые записки. Т. XXI, вып. 1. – Томск: Изд-во Томского университета, 1964. – С. 134–136.
- Нюням. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск, 1962. – С. 158–162 // Крюкова Е. А., Нефедов А. В. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Т. 5 (в печати).
- Хунь с Колбассам жили. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. – Т. XXI, вып. 1. – Томск, 1964 / Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: Вайар, 2013. – Т. 3. – С. 202–294.
- Чертовка и женщина. Курейка (северо-кетский) 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск, 1962 // Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар, 2015. – Т. 4. – С. 150–170.

Список сокращений

1 – first person, первое лицо; 2 – second person, второе лицо; 3 – third person, третье лицо; ADSS – addessive, местноличный падеж; AN – animate, одушевленный; CAUS – causative, каузатив; COREF – coreferential subject marker, кореферентный показатель субъекта; DAT – dative, дательный падеж; EP – epenthetic vowel/consonant, соединительный гласный/согласный; F – feminine, женский род; INAN – inanimate, неодушевленный; INSTR – instrumental, совместно-орудный падеж; LINK – linker, связующий элемент; INTRANS – intransitivizing marker, интранзитивирующий маркер; LOC – locative, местный падеж; M – masculine, мужской род; MOM.TR – momentaneous transitive stem, однократная переходная основа; NPST – непрошедшее, non-past; OBJ – object, объект; PL – plural, множественное число; POSS – possessive, посессив; PRED – predicative, показатель предикатива; PST – past, прошедшее время;

SBJ – subject, субъект; SG – singular, единственное число singular; STEM – semantically opaque root element, корневой элемент с непрозрачной семантикой; TH – thematic consonant, тематический согласный; TM – показатель инкорпорированной темы, incorporated theme marker.

Крюкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: elenakrjukova@tspu.edu.ru

Нефёдов А. В., PhD.

Университет Гамбурга. Институт финно-угристики/уралистики.

Überseering 35, 22297 Hamburg, Germany.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: andrey.nefedov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 04.11.2017 г.

Kryukova E. A., Nefedov A. V.

POSSESSIVE RELATIONS IN KET: PROTOTYPICAL CONSTRUCTIONS AND PERIPHERAL CASES

The present article focuses on the description and analysis of means used to express possessive relations in Ket belonging to different levels of language structure (prosodic, morphosyntactic and lexical). The article surveys both adnominal and predicative possessive constructions in the language distinguishing between prototypical possessive strategies (possessive clitics in adnominal constructions, nonverbal possessive predicates in locational constructions) and peripheral means of coding possession (complex words and specific verbs of possession).

Adnominal possessive constructions in Ket can be divided into constructions with an explicit possessor (it can either be a noun or a pronoun) and constructions with an implicit one. If a possessor is nonreferential, it is possible to use compounding which yields a complex word as a result.

Predicative possessive constructions in the language distinguish between nonverbal locational constructions and constructions with specific verbs of possession. In the first case, a possessor is marked with the Adessive case marker, while the nonverbal possessive predicate (possessum) requires the presence of a copula. The nonpast tense copula is often omitted. In the second case, a possessum gets incorporated into a finite possessive verb. There is a clear dominating preference for using locational constructions to express possessive relations over the verbal ones in the language, which is the reason why there are no constructions of the latter type found in our text corpus.

In addition, the analysis shows that various discourse-related factors may play an important role in choosing a particular possessive strategy in Ket. For instance, the use of a particular adnominal possessive construction seems to be connected with the possessor's degree of activation in the preceding discourse: the more it is activated, the greater the probability of using an implicit possessor construction.

Key words: *possession, possessive predicates, referentiality, information structure, Ket, endangered Siberian languages.*

References

- Comprehensive Dictionary of Ket / Kotorova E., Nefedov A. (eds). – München: LINCOM, 2015. – Vol. 1. – 430 p. (in Russian and English)
- Bondarko A. V. Teorija funkcional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovlennost' [The theory of functional grammar. Locative. Beingness. Possessive. Conditionality]. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. – 229 p.
- Vajda E. J., Zinn M. A. Morphological Dictionary of the Ket Verbs. – Tomsk: Izd-vo TGPU, 2004. – 262 p. (in Russian and English)

- Vall M. N., Kanakin I. A. Kategorii imeni v ketskom yazyke [Noun Categories in Ket]. – Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. – 56 p. (in Russian)
- Vall M. N., Kanakin I. A. Ocherk po fonologii i grammatike ketskogo yazyka [Sketches of Ket phonology and grammar]. – Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. – 101 p. (in Russian)
- Verner G. K. Reliktovye priznaki aktivnogo stroja v ketskom jazyke [Relic features of active typology in Ket] // Voprosy yazykoznanija – Problems of Linguistics. – 1974. – № 1. – P. 34–45. (in Russian)
- Grishina N. M. O nekotoryh sredstvakh vydelenija temy i remy v ketskom jazyke [On means of marking theme and rheme in Ket] // Problemy dokumentacii ischezajushhih jazykov i kul'tur [Problems of documenting endangered languages and cultures]. – Ufa; Tomsk, 1999. – P. 73–76. (in Russian)
- Kotorova E. G., Nefedov A. V. Tipologicheskiye kharakteristiki ketskogo jazyka: vershinnoe ili zavisimostnoe markirovanie? [Typological characteristics of Ket: head-or dependent-marking?]. Voprosy yazykoznanija – Problems of Linguistics. – 2006. – № 5. – P. 43–56. (in Russian)
- Krejinovich E. A. Glagol ketskogo jazyka [The Ket Verb]. – L.: Nauka Publ., 1968. – 284 s. (in Russian).
- Kryukova E. A. Imennye possessivnye konstrukcii v ketskom jazyke [Possessive Noun Constructions in Ket] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 55–61. (in Russian)
- Kryukova E. A. Predikativnye possessivnye konstrukcii v ketskom jazyke (korpusnoe issledovanie) [Possessive Predicative Constructions in Ket (Corpus-Driven Research)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 4 (14). – P. 22–36. (in Russian)
- Nefedov A. Otricanie neglagol'nyh predikatov v ketskom jazyke [Negation of nonverbal predicated in Ket] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2018 (in print).
- Cysouw M. Morphology in the wrong place. A survey of preposed enclitics // Wolfgang U. Dressler (ed.) Morphology and its Demarcations. – Amsterdam: Benjamins, 2005. – P. 17–37.
- Dryer M. S. Clause types. In: Shopen T. (ed.), Language Typology and Syntactic Description. – Vol. I: Clause Structure, 2nd edition. – Cambridge: CUP, 2007. – P. 224–275.
- Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak) GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. – 328 p.
- Nefedov A. Clause linkage in Ket. – Utrecht: LOT, 2015. – 297 p.
- Nefedov A., Vajda E. Grammatical sketch (of Ket). In: Comprehensive Dictionary of Ket. (with Russian, German and English Translations). Under the general supervision of E. G. Kotorova. Editors-in-chief: E. G. Kotorova, A. V. Nefedov. – Vol. 1. München: LINCOM EUROPA, 2015. – P. 27–69.
- Payne Th. E. Describing Morphosyntax: A Guide for Field Linguists. – United Kingdom: Cambridge University Press, 1997. – 413 p.
- Stassen L. Predicative Possession. – Oxford University Press, 2009. – 812 p.
- Vajda E. J. Ket. LINCOM EUROPA, 2004. – 99 p.
- Vajda E. J. Vestigial possessive morphology. In Na-Dene and Yeniseian. Working papers in Athabaskan (Dene) Languages. 2012. – Alaska Native Language Center Working Papers, eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks. – AK: ANLC, 2013. – № 11. – P. 9–91.
- Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. In M. Fortescue, M. Mithun, and N. Evans (eds.) The Oxford Handbook of Polysynthesis, Oxford University Press. – 2017. – P. 906–929.
- Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3) – Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997. – 405 p.

Data sources

- Bal'na [Balna]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A., Glazunov P. Yu. Ketskie teksty [Ket texts] // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area]. – Tomsk: Veter, 2010. – Vol. 1. – P. 185–201.
- Zhil muzhik s zhenoj [There once lived a man with his wife]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Dul'zon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and other texts] // Sbornik statej po voprosam jazykoznanija i metodike prepodavaniya inostrannyh jazykov [Collected works on questions of linguistics and foreign language didactics]. Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XXI, № 1. – Tomsk: Tomsk University, 1964. – P. 134–136.
- Njunjam [Nunam]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Dul'zon A. P. Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk, 1962. – P. 158–162 // Kryukova E. A., Nefedov A. V. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area]. Vol. 5 (in print).

Hun' s Kolbassam zhili [There lived Hun and Kolbassam]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area]. – Tomsk: Vajar, 2013. – Vol. 3. – P. 202–294.

Chertovka i zhenshhina [She-devil and a woman]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area]. – Tomsk: TML-Press; Vajar, 2015. – Vol. 4. – P. 150–170.

Kryukova E. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

Nefedov A. V.

University of Hamburg. Institute of Finno-Ugric and Ural Studies.

Überseering 35, 22297 Hamburg, Germany.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: andrey.nefedov@gmail.com

Полякова Н. В.

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОСЕССИВНЫХ МАРКЕРОВ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Рассматриваются различные подходы к дефиниции термина «посессивность», описывается семантическая неоднородность категории посессивности, освещается отторжимая и неотторжимая принадлежность, перечисляются основные способы выражения категории посессивности в селькупском языке. Посессивные отношения в диалектах селькупского языка могут выражаться морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим способами. Морфологический способ выражения посессивных отношений заключается в присоединении лично-притяжательных суффиксов к именам существительным или другим частям речи. Предикативные посессивные конструкции селькупского языка могут быть распределены по пяти группам, самыми частотными конструкциями среди которых являются конструкции с именем существительным или местоимением, оформленным показателем *-nan* и глаголом *ēqo* 'иметь, обладать' или *čaŋkiqo* 'не иметь, не обладать'. Посессивные показатели селькупского языка не только выражают принадлежность, но и определенность, они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функции.

Ключевые слова: *атрибутивная посессивность, предикативная посессивность, селькупский язык, дейктические функции посессивных маркеров.*

Посессивность (притяжательность) является одной из универсальных понятийных категорий, что позволяет констатировать наличие в любом языке конвенционально принятых средств ее выражения. Разные языки обладают различными лексическими, грамматическими и лексико-грамматическими средствами, используемыми для объективации набора конституирующих категорию посессивности значений. Языки мира по-разному вербализуют абстрактные посессивные отношения: в одних языках неотторжимая принадлежность морфологически выражена, в других – нет; в одних языках объективируется как внутренний, так и внешний посессор, в других – нет.

Категория посессивности является одной из наиболее описанных в теоретическом плане грамматических категорий языка, см. (Зайлер, 1983; Хайне, 1997; Милованова, 2007; Едыгарова, 2010), однако средства выражения данной категории в языках, относящихся к разным языковым группам и семьям, в том числе и в языках миноритарных этносов, находящихся под угрозой исчезновения, а также непосессивные значения различных посессивных маркеров по-прежнему продолжают оставаться в фокусе исследовательского внимания.

Способы выражения категории посессивности в самодийских и финно-угорских языках неоднократно становились предметом отдельных научных изысканий, см.: (Ким, 1987; Полякова, 2015, 2016; Vorobeva, Fedorinova, Kolesnik, 2015; Ким-Малони, Ковылин, 2015; Фильченко, Потанина, 2016; Vorobeva, Novitskaja, Girfanova, Vesnin, 2017 и др.).

Несмотря на то, что категория посессивности вызывала и вызывает интерес у лингвистов, у ученых не сложилось единого понимания ее содержания. Камнем преткновения в научных дискуссиях является вопрос о том, следует рассматривать данную категорию в широком или узком аспекте.

В широкой трактовке посессивность рассматривается как связующее значение, реализующееся в сочетаниях различной семантики, в узкой трактовке посессивность сводится к значениям обладания, владения (Полякова, 2015: 51).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

Посессивные отношения не являются однородными. При тщательном анализе их содержания они выстраиваются в сложную иерархическую структуру. Их категоризация зависит, в основном, от двух основополагающих фактов: от одушевленности или неодушевленности посессора и объекта обладания; от того, включает ли обладатель тот или иной предмет в свою личную сферу владения или относит его к внешнему, вещественному миру.

Согласно Б. Хайне, прототипические случаи выражения посессивности представляют собой набор определенных составляющих: посессор (одушевленный субъект), обладающий правом использовать объект посессивности; конкретный объект посессивности (собственность); пространственное приближение между посессором и объектом; отсутствие временных ограничений на отношения посессивности (Хайне, 1997: 39).

Аналогичное определение принадлежит Х. Зайлеру: «Лингвистический посессор является репрезентацией отношений между двумя субстанциями. Субстанция *A*, называемая посессором, прототипически одушевленная, конкретнее – является человеком, а если еще более сузить определение, обладает индивидуальностью или близка к говорящему» (Зайлер, 1983: 4).

В качестве универсального определения посессивности можно использовать следующее определение: отношение двух предметов или «субстанций», именуемых посессор и обладаемое, выражающих семантическое понятие «притяжательности» и связанных между собой особым образом (Едыгарова, 2010: 13–14).

Принадлежность поддается дифференциации в зависимости от характера объекта обладания. Она может быть рассмотрена как абсолютно неотчуждаемая (*ее руки*), или как относительно неотчуждаемая (*его борода*), или как окказионально неотчуждаемая (их земельный участок), или как собственно отчуждаемая (*его автомобиль*) (Категория посессивности... 1989: 70).

В качестве синонимов прилагательных неотчуждаемый (*inalienable*) и «отчуждаемый» (*alienable*) употребительны «неотторжимый» (*inseparable*) и «отторжимый» (*separable*) с естественным распространением синонимии на соответствующие производные существительные (например, «неотчуждаемость» – *inalienability* и «неотторжимость» – *inseparability*). В круг имен неотчуждаемой (неотторжимой) принадлежности обычно зачисляются названия частей тела, имена родства, названия абстрактных сущностей, проявляющих себя в качестве характеризующих лицо констант, названия всего того, без чего посессор не может обходиться (Липеровский, 2009: 10–11). За пределы этого круга не выходят имена объектов обладания – членов посессивного отношения, именуемого иногда ингерентным или имманентным. За «имманентную, т.е. неотделимую от владельца» принимается посессивность, которая содержится «в названиях родства, в названиях частей тела, в некоторых определениях социальных отношений и т.п.», под имманентную посессивность подводится отношение части к целому (Липеровский, 2009: 11).

Посессивные отношения могут быть представлены в языках атрибутивными и предикативными конструкциями, выражающими различные типы посессии.

Выражение посессивных отношений с помощью именной фразы обозначают термином «атрибутивная посессивность».

В селькупском языке имена родства и свойства, анатомическая лексика, названия предметов домашнего обихода употребляются с лично-притяжательными суффиксами и противопоставляются словам, немислимым как собственность отдельного лица или коллектива: *to* 'озеро', *qi* 'река', *tači* 'лес, тундра'. Данные слова употребляются, как правило, без лично-притяжательного оформления. В случаях употребления подобных существительных с лично-притяжательными суффиксами эти суффиксы используются не в притяжательной функции, а в указательной, выделительной (Беккер, Алиткина, Быконя и др., 1995: 76).

В селькупском языке для передачи посессивных отношений могут быть использованы морфологический, морфолого-синтаксический и синтаксический способы. При морфологическом способе к именам существительным или другим частям речи присоединяются лично-притяжательные суффиксы (Полякова, 2015: 51–54).

При морфолого-синтаксическом и синтаксическом способах посессивные отношения выражаются различными посессивными конструкциями, состоящими, как правило, из двух слов. Первый член посессивной конструкции (имя существительное или местоимение) служит определением и является обладателем, а второй член посессивной конструкции (имя существительное) выступает в роли определяемого и является обладаемым (Полякова, 2015: 51–54).

1. Об. III *Awət kūmba kuşaj pod Īd'a tēlīmba* 'Мать умерла в который год Идя родился'.

<i>Awə-t</i>	<i>kū-mb-a</i>	<i>kuşaj</i>	<i>pod</i>	<i>Īd'a</i>
Мать-POSS.3 SG. Nom	умереть-PSTN-3 SG sub	сколько	год	Идя
<i>tēlī-m-b-a</i>				
родиться-VBLz-PSTN-3 SG sub				

2. Нар. *Nagur timñam Solotoj jurtan kβanbat, ambam kβinba köngan* 'Три брата в Золотые Юрты уехали, мать уехала в Кенгу'.

<i>Nagur</i>	<i>timñam</i>	<i>Solotoj jurta-n</i>	<i>kwan-b-at</i>
Три	брат-POSS.1SG	Золотые юрты-LAT2	поехать-PSTN-3PL
<i>amba-m</i>	<i>kβin-b-a</i>		<i>könga-n</i>
POSS.1 SG. Nom	поехать-PSTN-3SG.sub		Кенга-LAT2

3. об. III *Kw'esse māt tōmba, pajayund ēžalgwa* 'Назад домой пришел, своей жене сказал'.

<i>Kw'esse</i>	<i>māt</i>	<i>tō-mb-a</i>	<i>paja-yund</i>
Назад	домой	прийти-PSSTR.3SG.sub	старуха-LAT.POSS.3SG.sub
<i>ēžal-gw-a</i>			
сказать-HAB-3SG.sub			

Важная типологическая черта языков определяется в сфере выражения посессивности тем, какой из глаголов-предикатов участвует в строении конструкций, утверждающих посессивное отношение (с семантикой обладания): переходный глагол типа «иметь» или непереходный глагол типа «быть». На этом основании ученые условно подразделяют все языки на Habeo-языки и Esse-языки.

Наряду с понятием бытия в социальной философии известно также понятие обладания, которое вслед за идеей бытия составляет категорию второго порядка, так как обладанию предшествует бытие, ср.: «понятие посессивности берет свое начало в понятии существования, которое является первичным по отношению к понятию посессивности (Herslund, Baron, Sorenson, 2001: 12). Поэтому понятия «быть» и «иметь» представляют собой два диаметрально противоположных явления смысла жизни человека. «Быть» – это значит реализовать для себя такую программу жизнедеятельности, которая бы отвечала духовным потребностям человека, его истинной сути. «Иметь» – это, с одной стороны, то, чем в каком количестве я обладаю, а с другой стороны, то, как принадлежащие мне вещи обладают мной (Herslund, Baron, Sorenson, 2001: 12). Следовательно, обладание находится в тесной связи с понятием обладания предметами неотторжимой, материальной, духовной собственности, а также с идеей принадлежности одного предмета другому предмету.

Опираясь на взгляды некоторых ученых, М. Ю. Сюткина детализирует участки концептуальной сферы категории посессивности и включает сюда ряд субкатегорий:

– собственно владение – обладание материальными объектами, каким-либо конкретным видом собственности, эта разновидность обладания основывается на отношении отчуждаемой принадлежности;

– обладание частями и органами тела; обладание психическими, физическими, эмоциональными свойствами и качествами, т.е. всем тем, что характеризует человека как физическую и психическую личность, данная разновидность обладания характеризуется отношением неотчуждаемой принадлежности;

– обладание семейно-родственными, социальными, функциональными и другими отношениями, характеризующими «личную сферу» человека. Собственно, обладание (материальное обладание) подразделяется, в свою очередь, на обладание собственника и обладание не-собственника. Обладание собственника предполагает, что обладатель имеет право владеть,

пользоваться и распоряжаться обладаемым в пределах, установленных законом. Обладание несобственника предполагает, что, хотя он и имеет, пользуется и передает предмет другому лицу, он не имеет права распоряжаться этим предметом (Сюткина, 2004: 56).

Понятие посессивности следует интерпретировать более широко, увязывая ее с понятием не-лиц. Человеческое сознание отражает реальный мир через субъективную призму своих органов чувств. При этом десигнатом такого отражения может быть принадлежность чего-либо, или кого-либо, или кому-либо, или же чему-либо, хотя эти два типа отношений не совсем идентичны, так как в первом случае за посессором закреплено особое право, а во втором – такое право отсутствует у обладателя. Тем не менее и в случае принадлежности предмета лицу и при его отнесенности к объекту – не-лицу подразумевается идея обладания.

Структурной особенностью предикативной посессивности является наличие всех компонентов посессивной ситуации: обладателя, обладаемого и посессивного предиката.

Предикативные посессивные конструкции селькупского языка могут быть распределены на пять групп, наиболее частотными из них являются конструкции с именем существительным или местоимением, оформленным показателем *-nan* и глаголом *ẽqo* ‘иметь, обладать’ или *čaŋkĩqo* ‘не иметь, не обладать’:

4. Ив. *Ponegese-nan qβezi porɣit eja* ‘У Пенегесе железная шуба-его есть’;

<i>Ponegese-nan</i>	<i>qβezi</i>	<i>porɣit</i>	<i>e-j-a</i>
Пенегесе-SG-LOC2	железная	шуба-SG.NOM.Px.3SG	быть-PRS.3SG

5. Ив. *Araganan tant t'angβa* ‘У старика ума-его нет’.

<i>Araga-nan</i>	<i>tan-t</i>	<i>t'ang-β-a</i>
Старик SG-LOC2	ум- Px.3SG	отсутствовать (не иметься)-PRS.3SG

Подробнее см.: (Ким-Малони, Ковылин, 2016; Полякова, 2016).

Самым древним способом выражения посессивных отношений исследователи считают употребление немаркированной притяжательной конструкции, в которой слово, обозначающее обладателя, предшествовало слову, обозначающему обладаемое (Майтинская, 1974: 267; Федотов, 1990; 336).

По мнению некоторых ученых, посессивные суффиксы восходят к соответствующим прауральским личным местоимениям (Майтинская, 1974: 267; Серебренников, 1971).

Отмечается, что в уральских языках посессивные показатели не только выражают принадлежность, но и определенность, они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функцию (Кузнецова, 2003: 249–259; Николаева, 2003: 130–145). Ученые полагают, что корни данного явления уходят в прауральскую эпоху (Майтинская, 1974: 270).

Во многих языках дейктические и посессивные значения тесно связаны между собой: посессивные маркеры используются для выражения анафорической связи между первым и последующими упоминаниями лица или предмета.

Посессивность почти во всех уральских языках – грамматическая категория, реализующаяся в трехчленной системе оппозиций; система обладает четкой структурой: противопоставлением друг другу рядов личных форм единственного и множественного чисел. В показателе посессивности обычно наблюдается синкретизм: лично-притяжательные суффиксы означают не только принадлежность, но и определенность; они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функции, конкретно устанавливаемые лишь из контекста, и некоторые другие (Кузнецова, 2003: 249–250).

Авторы «Очерков по селькупскому языку» указывают на возможность использования посессивных форм третьего лица для выражения анафорической связи между первым и последующими упоминаниями предмета. В данном случае элиминируется собственно посессивное значение:

6. таз. *Qoltyt qanyqqyn anty totta, antyty lapykāl eja* 'На берегу реки челнок стоит, челнок- этот без весла (есть)' (Кузнецова и др. 1980: 187).

<i>Qolty-t</i>	<i>qanyq-qyn</i>	<i>anty</i>	<i>tott-a</i>
река-GEN	берег-LOC	челнок	стоять-PRS.3SG
<i>anty-ty</i>	<i>lapy-kāl</i>	<i>ε-η-a</i>	
челнок-3SG	весло-CAR	быть-PRS-3SG	

7. об.Ш *Arat mad'ond qwāza* 'Старик в лес ходил'.

<i>ara-t</i>	<i>mad'o-nd</i>	<i>qwā-z-a</i>
Старик-DEF	тайга-LAT	идти-PST3SG.sub

Для выражения большей определенности предмета, обозначаемого прямым дополнением, в селькупском языке используется посессивная форма имени существительного:

8. таз. *Mannympta kyñsymty* 'смотрит запов свой'.

<i>mannympta-ty</i>	<i>kyñsy-m-ty</i>
Смотреть-3SG.PRS	запов-ACC-3SG.POSS

В тех случаях, когда требуется специальное указание на определенность, посессивная форма используется даже тогда, когда никаких лично-притяжательных суффиксов быть не должно:

9. таз. *imy'la, mēšak-ly mōtty tultāt* 'бабушка, мешок-твой в чум внеси',

<i>Imy'la</i>	<i>mēšak-ly</i>	<i>mōtty</i>	<i>tult-āt</i>
бабушка	мешок-POSS.2 SG.ACC	в чум	вносить-IMP2SG

10. таз. *tap qum-ly mōssā tultylāl sā* 'этого человека-твоего с чумом донес бы'

<i>Tap</i>	<i>qum-ly</i>	<i>mō-ssā</i>	<i>tultylāl sā</i>
Этот-GEN	человек-POSS.2SG. AKK	дом-INSTR	нести-1SG.OPT

(Кузнецова и др., 1980: 385).

При втором лице императива прямое дополнение часто оформляется посессивным показателем того же лица и числа даже при отсутствии ситуации обладания:

11. таз. *tōnna ira-l apstāty* 'накорми вон того старика (буквально: твоего старика)' (Кузнецова и др., 1980: 188).

<i>Tōnna</i>	<i>ira-l</i>	<i>apst-āty</i>
Тот-PRON.	старик-POSS.2SG. AKK	кормить-2SG.IMP

Однако нет оснований приравнивать суффикс *-ty* к определенному артиклю, название одного и того же предмета может повторяться в тексте произвольное количество раз и в непосессивной форме (Кузнецова и др., 1980: 187).

Следовательно, употребление показателей посессивности для выражения определенности в селькупском языке носит факультативный характер.

Несколько иной взгляд на проблему связи определенности и посессивности представлен в работе И. Николаевой. С ее точки зрения, понятие определенности не может адекватно объяснить употребление и дистрибуцию посессивных аффиксов с непосессивными значениями. Она считает, что непосессивные значения служат для идентификации, передачи ассоциативной связи с другим элементом, а также эмпазы, контраста (Николаева, 2003: 130).

Значения данной категории образуют своеобразную семантическую сеть, в которой можно выделить разные зоны: четко противопоставленные друг другу и пересекающиеся, древние и новые, сильно или слабо зависимые от контекста и т.д. Собственно посессивное значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частоты встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как к центру значения дейктическое (указательное, или демонстративное), детерминативное (определенное), интенсивное (усилительно-выделительное) и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой грамматики (Кузнецова, 2003).

Посессивное значение является ядром, центром грамматической категории, прототипическим значением посессивных форм в диалектах селькупского языка. По отношению к нему

указательное, определенное, усилительно-выделительное и другие значения составляют периферию анализируемой грамматики, они являются непрототипическими значениями посессивных форм (Кузнецова, 2003: 250).

Интерес исследователей к выражению в языках категории посессивности, в силу ее универсальности и всеобщности, вполне закономерен, однако до сих пор полностью не охарактеризована национально-культурная специфика восприятия и отражения в языке различных посессивных отношений. Сопоставительный подход к описанию и характеристике категории посессивности позволит выявить сходства и различия в структурировании посессивных отношений как в близкородственных, так и неблизкородственных языках.

Список сокращений

Ив. – Иванкино, Нап. – Напас, нар. – нарымский диалект селькупского языка, Нельм. – Нельмач, об. Ш – обские говоры Шёшкун и Шёшкуп, таз. – тазовский диалект селькупского языка;

ACC – аккумулятив, CAR – каритив, OPT – оптатив, POSS – посессив, PRON – местоимение, PRS – презенс (настоящее время), Pх – посессивный суффикс PST – прошедшее время индикатива, LOC1 – локатив1, LOC2 – локатив 2, SG – единственное число, PL – множественное число, DEM – показательная местоименная основа.

Список литературы

Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильашенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. – Ч. I. – Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. – 292 с.

Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf.

Категория посессивности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1989. – 262 с.

Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1987. – 16 с.

Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Таксономия языковых средств выражения посессивности в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 36–44.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. – Т. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1980. – 411 с.

Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей. – Ижевск, 2003. – С. 249–259.

Липеровский В. П. Посессивные конструкции в хинди и русском языке. М.: ИВРАН, 2009. – 72 с.

Майтинская К. Е. Категория лично-притяжательности // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – С. 267–278.

Николаева И. Посессивные аффиксы в прагматической структуре высказывания: данные уральских языков // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. – Ижевск, 2003. – С. 130–145.

Полякова Н. В. Средства выражения посессивных отношений в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 51–54.

Полякова Н. В. Основные способы выражения предикативной посессивности в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2016. – № 4 (14). – С. 43–49.

Полякова Н. В., Воробьева В. В. Предикативные средства выражения посессивности в диалектах селькупского языка // Межкультурная коммуникация: теория практика: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТПУ, 2016. – С. 212–215.

Серебрянников Б. А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М.: Наука, 1971. – С. 277–282.

Сюткина М. Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посессивных конструкций: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / М. Ю. Сюткина. – Ижевск, 2004. – 185 с.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990. – 336 с.

Фильченко А. Ю., Потанина О. С. Предикативная посессивность в восточных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2016. – № 4 (14). – С. 60–72.

Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 292 p.

Seiler H. Possession as an operational dimension of language. – Tübingen: Gunter Narr, 1983. – 320 p.

Vorobeva V., Novitskaja I., Girfanova K., Vesnin V. Adnominal Possessive Constructions in Narym, Vasjugan and Middle-Ob Dialects of Selkup // Linguistica Uralica. – 2017. – Vol. 53, № 1. – P. 54–64.

Vorobeva V., Fedorinova Z., Kolesnik E. Three Crucial Crises in the Development of the Khanty and Mansi Unique Culture // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 206: Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations, LKTI. – P. 108–113.

Полякова Н. В., доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 01.11.2017 г.

Polyakova N. V.

PROTOTYPICAL AND NON-PROTOTYPICAL FUNCTIONS OF THE POSSESSIVE MARKERS IN THE SELKUP LANGUAGE

The paper overviews the various approaches to the definition of the term *possession*, semantic dissimilarity of the category of possession, detached and attached possession, the main ways to express the category of possession in the Selkup language. In dialects of the Selkup language the possessive relations can be expressed by morphological, morphological-syntactic and syntactic ways. The morphological way to express the possessive relations consists in attaching of the personal-possessive suffixes to nouns or other parts of speech. The predicative possessive constructions of the Selkup language can be divided into five groups, the most frequent of which are the constructions with a noun or a pronoun having a marker *-nan* and the verb *ēgo* 'to have, possess' or *čankiqo* 'not to have, not to possess'. The possessive markers of the Selkup language express not only possession, but also definiteness; they also perform the indicating, intensifying and distinguishing functions.

Keywords: *attributive possession, predicative possession, the Selkup language, deictic functions of the possessive markers.*

References

Bekker Je. G., Alitkina L. A., Bykonja V. V., Il'jashenko I. A. Morfologija sel'kupskogo jazyka. Juzhnye dialekty. Chast' I. [Morphology of Selkup Language. Southern dialects. Part 1.]. – Tomsk: TGU Publ., 1995. – 292 p. (in Russian)

Edygarova S. Kategorija posessivnosti v udmurtskom jazyke [Possession in Udmurt]. URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf. (in Russian)

Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh [The category of possession in the Slavic and Balkan languages]. – M.: Nauka, 1989. – 262 p. (in Russian)

Kim A. A. Vyrazhenie kategorii pritezhatel'nosti v dialektah sel'kupskogo jazyka: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The Expression of Possession in the Selkup Dialects]. – Tartu, 1987. – 16 p. (in Russian)

Kim-Maloney A. A., Kovylin S. V. Taksonomija jazykovykh sredstv vyrazhenija posessivnosti v sel'kupskom jazyke [Taxonomy of possessive language means in Selkup] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 36–44. (in Russian)

- Kuznetsova A. I., Helimskij E. A., Grushkina E. V. Oчерки po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. – M., MGU Publ., 1980. – Vol. 1. – 408 p. (in Russian)
- Kuznetsova A. I. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenij v agglutinativnykh pokazatelej: dejkticheskie funktsii posessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammar meanings in the agglutinate markers: deictic functions of possession in the Ural languages] // International symposium on deictic systems and quantification in languages of Europe and Northern and Central Asia: proceedings. – Izhevsk, 2003. – P. 249–259. (in Russian)
- Liperovskiy V. P. Posessivnye konstruksii v khindi i russkom yazyke [Possessive constructions in the Hindi and Russian languages]. – M.: IVRAN, 2009. – 72 p. (in Russian)
- Majtinskaya K. E. Kategoriya lichno-prityazhatel'nosti [Category of personal-possession] // Basics of Finno-Ugric linguistics (issues of origin and development of the Finno-Ugric languages). – M.: Nauka, 1974. – P. 267–278. (in Russian)
- Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages of Europe and Northern and Central Asia: proceedings. – Izhevsk, 2003. – P. 130–145.
- Polyakova N. V. Sredstva vyrazheniya posessivnykh otnoshenij v dialektakh sel'kupskogo yazyka [The expression of possession in the dialects of Selkup] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 51–54. (in Russian)
- Polyakova N. V. Osnovnye sposoby vyrazheniya predikativnoj posessivnosti v dialektakh sel'kupskogo yazyka [The main ways of predicative possession expression in the Selkup dialects] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 4 (14). – P. 43–49. (in Russian)
- Polyakova N. V., Vorobieva V. V. Predikativnye sredstva vyrazheniya posessivnosti v dialektakh sel'kupskogo yazyka [Predicative means for expression of possession in the dialects of the Selkup language] // Intercultural communication: theory and practice: proceedings of the 16th International applied research conference. – Tomsk: TPU Publishing House, 2016. – P. 212–215. (in Russian)
- Serebrennikov B. A. K probleme proishozhdeniya prityazhatel'nykh suffiksov v tyurkskikh i ural'skikh yazykakh [The issue of origin of possessive suffixes in the Turkic and Ural languages] // Phonetics. Phonology. Grammar. – M.: Nauka, 1971. – P. 277–282. (in Russian)
- Syutkina M. Yu. Mezhekategorial'nyye svyazi ekzistencial'nykh i posessivnykh konstruksij [Intercategorical connections existential and possessive constructions]: Dis. Cand. of Philol. Sc.: 10.02.19 / M. Yu. Syutkina. – Izhevsk, 2004. – 185 p. (in Russian)
- Vedotov M. P. Chuvashsko-marijskije vzaimosvyazy [Chuvash-Mari language interconnections]. – Saransk: Saransk University Publishing House, 1990. – 336 p. (in Russian)
- Filchenko A., Potanina O. Predicative Possession in Eastern Khanty // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 4 (14). P. 60–72. (in Russian)
- Heine B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. – Cambridge, Cambridge University Press, 1997. – 292 p.
- Herslund M., Baron I., Sorenson F. Introduction: Dimensions of possession. Typological studies in language, 47/ I. Baron. – Copenhagen, 2001. – P. 48–62.
- Vorobeva V., Novitskaja I., Girfanova K., Vesnin V. Adnominal Possessive Constructions in Naryn, Vasjugan and Middle-Ob Dialects of Selkup // Linguistica Uralica. – 2017. – Vol. 53, № 1. – P. 54–64.
- Vorobeva V., Fedorinova Z., Kolesnik E. Three Crucial Crises in the Development of the Khanty and Mansi Unique Culture // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 206: Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations, LKTI. – P. 108–113.

Polyakova N. V., associate professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

АНТРОПОЛОГИЯ

Бурнаков В. А.

БЫК, КАК СИМВОЛ ПЛОДородия в традиционной культуре хакасов (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

Статья посвящена рассмотрению символического значения образа быка, в частности, связанного с культом плодородия в мировоззрении и ритуальной практике хакасов. На основании впервые вводимых в научный оборот архивных фольклорно-этнографических материалов и привлечения литературных сведений анализируются различные грани образа этого животного, в том числе и его мифологического прототипа – *Кёк пуга* ('Синего быка'). Выявлено, что в мифопоэтической традиции народа он воплощал собой идею средоточия жизненных сил и плодородия домашнего скота. Верили, что от него зависело благополучие хозяйственной деятельности людей и в целом их благосостояние. Наряду с этим, в обрядности хакасов получили распространение и иные традиционные методы, ориентированные на обеспечение благополучия хозяйственной деятельности людей, умножения поголовья скота и его защиту.

Ключевые слова: культура хакасов, бык, *Кёк пуга*, скотоводство, плодородие, символ, миф, обряд.

В культуре хакасов скотоводство было одним из основных традиционных видов хозяйственной деятельности. Поэтому совершенно не случайным является то, что в мировоззрении и ритуальной практике этого народа домашним животным и их образам придавалось большое значение. Особое положение среди них занимал образ быка.

В устном народном творчестве хакасов широкое распространение получило мифологическое повествование об *Кёк пуга* – 'Синем быке'. Оно вызывало глубокий интерес у многих исследователей и собирателей. В этой связи, в литературе, посвященной хакасскому фольклору, были опубликованы разные варианты мифа об этом сакральном животном (Хакас чонный, 1960: 158; Хакас чонный, 1990: 159–160; Майногашева, 1982: 137–148; Бутанаев, Бутанаева: 1982: 4–6; 2010: 52–54 и др.). За исключением лишь упомянутых работ фольклориста В. Е. Майногашевой (1982) и этнографов – В. Я. и И. И. Бутанаевых (2010), все они были изданы на хакасском языке. Причем некоторые из них представлены в чрезвычайно лаконичной форме. В указанных публикациях с той или иной степенью полноты освещались отдельные грани образа *Кёк пуга* и сюжеты, связанные с его рождением, чудесными свойствами, перемещением по Хакасии и сопредельным территориям и его гибелью. Отметим и то, что все же не все зафиксированные варианты мифа об этом сакральном персонаже были опубликованы.

В ходе научно-исследовательской работы в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера) был обнаружен ранее неизвестный вариант мифа о *Кёк пуга* – 'Синем быке' (МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Лл. 50–59). Он был записан в 1957 г. краеведом и внештатным сотрудником Абаканского краеведческого музея¹ Н. С. Тенешевым. В качестве его информатора выступил большой знаток хакасской старины М. В. Торбостаев (1867 г.р., *сёок Пелтир*), проживавший в поселке Сартак Аскизского района Хакасской автономной области². Текст представлен в рукописном формате в двух вариантах: на хакасском и русском языках. Перевод осуществлен самим автором и сопровождается многочисленными комментариями, в том числе и этнографического содержания. Запи-

¹ Ныне – Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова.

² Сейчас – Республика Хакасия.

санный этим исследователем текст, совершенно отличается от предыдущих версий и, безусловно, является оригинальным произведением. Чем и вызывает к себе глубокий научный интерес. По своей структуре он состоит из двух взаимосвязанных смысловых частей, каждая из которых, тем не менее, вполне может иметь и самостоятельное значение. Первая часть выделяется большим объемом. Она представляет собой родословную легенду бельтыров³. Обращаем внимание на то, что различные варианты указанного повествования ранее уже публиковались многими исследователями (Катанов, 1907: 548–549; Бутанаев, Бутанаева: 1996: 100–102; 2010: 145–147; Трояков, 2006: 194–197, 199). При этом все они издавались в качестве самостоятельных фольклорных произведений и не имели никакого отношения к мифу об *Кök пуга*. Между тем, в зафиксированном же Н. С. Тенешевым варианте бельтырская родословная легенда значительно отличается от ранее опубликованных, как по содержанию, так и действующим персонажам. Хотя в этом произведении и встречаются одноименные герои, например, *Күн Арыг*, однако она представлена в совершенно ином контексте. В отличие от других ранее известных вариантов, она не являлась его «приемной матерью», и не вскармливала этого чудесного животного своей грудью и не являлась его единоличной владелицей. Исполняя волю своего отца, эта девушка лишь сопровождает его до определенного места.

Общим для всех вариантов данного повествования является сюжет случайного и непреднамеренного убийства полоумным богатырем младенца – сына его брата. Этот проступок необратимо привел к мести и гибели самого персонажа. Смерть богатыря от «красной косули» (*хызыл киик*) – раскаленного докрасна огромного валуна, спущенного с вершины горы – также является типичным для разных вариаций этой легенды.

Вместе с тем, обозначенный текст тесно и логично увязывается с мифологическим сюжетом о Синем быке, происхождение которого свидетельствует об его автохтонности. Обозначенная запись ценна для исследователей еще и этнографическими деталями, в изобилии встречающимися в ней. Прежде всего, это касается описания: структуры хакасской семьи (большой патриархальной и малой индивидуальной), хозяйственной деятельности, одного из способов охоты – загоном, одежды охотника и его оружия (лука), предметов вооружения и, конечно же, традиционных верований и обрядности хакасов, в том числе связанных с похоронами. В данном варианте мифа наряду с обозначенными реальными этнографическими описаниями присутствуют и фольклорные мотивы волшебства, например, чудесное превращение скота в медную иголку или метаморфоза большого количества домашних животных в один объект – *Кök пуга* и последующая его трансформация в камень и пр. Своими корнями данные сюжеты, очевидно, восходят к архаическому типу мышления с его глубокой верой в магию и анимизм. Представленная Н. С. Тенешевым работа с определенной литературной обработкой, впервые вводится в научный оборот.

«Это было давным-давно, когда в наших краях проживало еще совсем мало народу. В аале Усть-Таштып жил старый богатырь по имени *Төрдава*. Он происходил из *сöк'а пильтир*. Данный род нередко называли “*түктүг чүректіг түрепейлер*” – ‘потомки Түрепея с сердцами, покрытыми шерстью’⁴. Старик *Төрдава* имел шестерых сыновей и одну дочь – самую младшую из всех детей. Старшего сына звали *Сулган Тимір* (букв. ‘Завернутое железо’), второго – *Хатхан Тимір* (букв. ‘Свитое железо’), а дочь именовали *Күн Арыг* (букв. ‘Чистое солнце’). Указанные сыновья, в отличие от всех остальных жили отдельно от отца.

Из всех детей *Төрдава* его самый старший сын – *Сулган Тимір* выделялся острым умом и хитростью. Вместе с тем по своей натуре он был человеком злокозненным и коварным – ‘*хара сагыстыг кизи*’ (букв. ‘человеком с темными мыслями’). В противоположность своему

³ Бельтыры (хак. *пильтир*) в прошлом составляли одну из этнических групп хакасов. В настоящее время полностью ассимилированы среди сагайцев.

⁴ *Түрепей* – один из предков бельтиров. Считалось, что его потомки выделялись жестокосердием поэтому в народе их называли «*түктүг чүректіг*» – ‘люди с шерстистым сердцем’ (МАН РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 59).

брату *Хатхан Тимір* был слабоумным и простодушным человеком – ‘*сагызы читпес кизи*’. При этом он от природы был наделен огромной физической силой. Но вопреки отсутствию остроты ума или хитроумия *Хатхан Тимір* был чрезвычайно удачливым охотником (*таг үлүстіг*) и лучшим стрелком из лука. На расстоянии двухсот сажень он точным выстрелом мог поразить любую цель. Поэтому он никогда не возвращался с охоты без добычи. У него был большой трехсоставной костяной лук (*үс уйалыг мүүс ухча*). Его тетива была свита из овечьих кишок. Она была настолько тугой, что никто, кроме хозяина не мог ее натянуть.

Хатхан Тимір жил вместе со своим братом *Сулган Тимір’ом*. Тот в полной мере ради своего обогащения пользовался плодами охотничьих способностей и удачливостью младшего брата. *Хатхан Тимір* регулярно снабжал его семью мясом таежных зверей и птиц, добывал пушнину. Поэтому *Сулган Тимір*, не желая терять выгоду, которую ему приносило совместное проживание с младшим братом, никуда его от себя не отпускал. При этом он не испытывал любви и сострадания к младшему брату и абсолютно не заботился о нем. Это также касалось и его одежды. Тот всегда и всюду, будь он в тайге или дома ходил в одном и том же. Его одежда состояла из закопченных кожаных штанов, сшитых из медвежьей шкуры (*аба тирезенең тікен хырна ыстан*), рубахи из самодельного холста (*сабыр көгінек*), поверх которой он надевал полушубок из войлока, покрытый самодельным холстом (*сабырның чапхан кис тон*). Обувь представляла собой ичиги⁵, изготовленные из сыромятной кожи (*көң өдік*). Шапка была сшита из шкуры россомахи (*хуначах тирезенең тікен пөрік*).

В те далекие времена в местной тайге водилось великое множество зверей и птиц. Поэтому проживающий здесь народ жил преимущественно охотничьим промыслом. Летом же многие занимались рыболовством. Зажиточные люди держали скот в большом количестве, из-за чего они крайне редко или вообще не ходили на охоту.

Сулган Тимір владел многочисленными стадами скота. Однако по своему характеру он был крайне алчным человеком. И поэтому ради своего обогащения он регулярно ходил на охоту. Жадность этого человека не знала пределов. Ему всегда и всего было мало. В его хозяйстве работало сорок кузнецов и множество пастухов. Он крайне жестко относился ко всем людям и поэтому всех своих работников держал в большой строгости. Заставлял их работать от зари до зари. Люди не любили *Сулган Тимір’а* из-за дурного характера, но при этом все же его побаивались. В отличие от него, старик *Төрдава* – его родной отец в народе всегда пользовался большим уважением. Он славился как мудрый родоначальник и справедливый человек. В сложной жизненной ситуации и в иных случаях люди всегда обращались к нему за советом и помощью. Подобное отношение народа к нему вызывало недовольство и большую зависть у *Сулган Тимір’а* (*істі көйцең*). И с каждым разом она все больше разгоралась в его сердце и омрачала ум (*артых көрчең полган*). В тайне он мечтал стать главой рода и быть самым влиятельным из местных людей. Поэтому в душе он затаил мысль погубить отца и остальных его сыновей.

Хатхан Тимір не вмешивался в хозяйственную деятельность брата. Все свое время он проводил в тайге, добывая зверя. Однажды вернувшись с промысла, он обнаружил, что в доме никого из хозяев нет. *Харлыгас* (букв. ‘Ласточка’) – супруга *Сулган Тимір’а* как раз перед его приходом вышла за водой. И тут он заметил, что в зыбке лежит ее грудной ребенок и громко плачет. *Хатхан Тимір* желая успокоить младенца, своей правой рукой слегка погладил его по лбу. И тот в тоже мгновение замолчал. Вскоре в дом пришла *игечи* – старшая сестра *Харлыгас*. Мужчина похвастался перед ней тем, что в отсутствии матери сумел успокоить ее дитя. Он сказал: “Ребенок плакал, а я погладил его по лбу, и он сразу же умолк”. Женщина взглянула на малыша и увидела, что он мертв. Его лоб был раздавлен. Мозги были выдавлены из черепа и размазались по волосам...

⁵ Ичиги – вид легкой обуви, имеющей форму сапог, с мягким носком и внутренним жестким задником.

Вскоре о смерти своего ребенка узнал и *Сулган Тимір*. Он не захотел открыто выражать свои чувства и эмоции – ругать и обвинять его в смерти младенца. Все из-за того, что боялся неимоверной силы и возможного гнева младшего брата, которые в этом случае могли обернуться и против него самого. Поэтому промолчал, ни проронив, ни слова, но в душе затаил обиду и гнев. Он сильно жаждал мести за гибель младенца. Во чтобы то ни стало, решил быстрее погубить *Хатхан Тимір’а*.

Родные похоронили малыша по старинному обычаю. Тело завернули в ткань, а сверху обернули берестой. Унесли в лес и привязали к ветвистой березе (*порбахай хазың*).

С этого времени *Сулган Тимір* в своем уме беспрестанно изо дня в день размышлял над тем, как бы погубить брата. Он так сильно был погружен в свои черные мысли, что даже перестал общаться с людьми. В конце концов, придумал, как отомстить брату. Однажды он повелел своим сорока кузнецам отправиться вверх по ручью *Таңчул* и подняться на гору *Ортых таг* (букв. Средняя гора). В обозначенном месте приказал накалить на огне, находящийся там огромный черный валун величиной с корову (*инек сині хара тас*). Работники ушли выполнять наказ. Спустя трое суток один из них вернулся и сообщил *Сулган Тимір’у* о том, что камень полностью готов – накален докрасна. Тот, в злорадстве, тут же вызвал брата *Хатхан Тимір’а* и сказал ему: “Из верховьев Енисея, со склонов высоких *тасхыл’ов*⁶ в нашу тайгу пришла чужая красная косуля (коза) (*пасха хызыл киик*). Наши люди гнались за этой косулей два дня. Сейчас один из них прибыл и сообщил мне о том, что они ее загнали на *Ортых таг*. Теперь нам надо срочно ее добыть. Я зайду с северной стороны этой горы и погоню красную косулю с вершины *Средней горы*. А ты будешь ждать ее у самой подошвы этой горы, около большой лиственницы с тремя развилками на верхушке. Когда красная косуля галопом спустится с горы, ты ее поймаешь, и будешь изо всех сил удерживать ее до моего прихода. Ни в коем случае не отпускай ее, как бы сильно она не билась и не вырывалась”. Наивный *Хатхан Тимір* полностью согласился с предложением брата.

Итак, договорившись, они отправились на охоту. *Хатхан Тимір* пошел вверх по ручью *Таңчул* и остановился у подошвы *Ортых таг*. Стал поджидать красную косулю. А *Сулган Тимір*, следуя своему коварному замыслу, пошел по северному склону и поднялся на *Среднюю гору*. Ближе к полудню *Хатхан Тимір* взглянул на вершину этой горы и увидел, как оттуда с оглушительным гулом и страшным грохотом, высоко подпрыгивая, спускалась “красная косуля”. “Она” бежала стремительным галопом, а из-под “ног” ее в разные стороны разлетались огненные искры величиной с кулак. “Красная косуля” в своем неистовом беге сокрушала на пути все, что только ей попадалось. Встречавшиеся ей камни, стоящие деревья и кустарники, а также бревна-валежники. Все это с громким хрустом и треском ломалось и разлеталось по сторонам. У *Хатхан Тиміра* от всего увиденного сильно забило сердце. Глядя на такое зрелище, он не смог устоять на месте и кинулся ей навстречу. В тот момент, когда “красная косуля”, сделав несколько прыжков, приблизилась к нему, он прыгнул ей навстречу и схватил ее. Изо всех сил прижал к себе. “Красная косуля” начала жечь ему живот. Все внутренности *Хатхан Тимір’а* стали жариться, словно на раскаленной сковородке. А он все продолжал кричать: “Хоть, изжарюсь как пища, до прихода брата я тебя, “красная косуля”, все равно не отпущу”.

А в это время *Сулган Тимір*, не торопясь спустился до середины горы. Сел на плоский камень и закурил трубку. Он спокойно наблюдал за тем, как в больших мучениях и, глубоко страдая, умирал его полоумный младший брат. На тот момент, когда весь табак в трубке был выкурен, живот и внутренности *Хатхан Тимір’а* полностью сгорели. После чего он упал лицом вниз и умер. Убедившись в смерти брата, *Сулган Тимір* неспешно спустился с горы и вырыл у ее подножия неглубокую яму. Обгоревшее тело *Хатхан Тимір’а* спустил в нее. А сверху завалил ее тяжелыми скальными плитами, чтобы никто из людей не смог выкопать его тело,

⁶ *Тасхыл* – высокая гора, верхушка которой покрыта снегом.

чтобы перезахоронить. Закончив с погребением брата, он созвал всех людей, участвовавших в этом деле, и под страхом смерти запретил кому-либо рассказывать о случившемся.

Сулган Тимір погубив брата, все же в глубине своей души боялся мести со стороны отца и остальных братьев. Больше всего он остерегался своей младшей сестры, «рожденной богатыркой *Күн Арыг*», которая с каждым днем взрослея, становилась все сильнее и отважнее. *Сулган Тимір*, не дожидаясь часа расплаты за свое злодеяние, стал втайне готовиться к войне против своих родственников. Своим сорока кузнецам он приказал выковать металлические доспехи (*тимір хуях*), которые не смогли бы пробить даже железные наконечники стрел. Помимо того, он заказал мастерам меч из булатной стали (*хара молат хылыс*), который бы одним ударом мог разрубить пополам курганные камни (*көзее тас*). Через три дня кузнецы изготовили и принесли доспехи *Сулган Тимір*’у. Тот, прежде чем их принять, тщательно проверил на прочность. После этого кузнецы взялись за изготовление булатного меча. Через день оружие было готово. Его доставили *Сулган Тимір*’у. Он принялся испытывать его на крепкость. Из всех сил ударил им по курганному камню. Меч разломался посередине и это вызвало гнев у *Сулган Тимір*’а. Он в наказание за некачественно сделанное оружие, взяв кнут, нещадно стал хлестать им кузнецов. Через два дня ему выковывали новый меч. Для проверки его крепкости он снова со всего размаху ударил мечом по камню. Меч опять-таки сломался пополам. Разъяренный *Сулган Тимір* и в этот раз учинил жестокую расправу над несчастными работниками. В третий раз мастера ковали меч уже в течение трех дней. Изготовленное оружие преподнесли своему повелителю. Он, взяв меч, со всей силы нанес им удар по курганному камню. Наконец-то, верхняя часть того была отсечена и с грохотом упала на землю. И лишь только после этого *Сулган Тимір* одобрил работу кузнецов. Получив хорошее вооружение, он стал разрабатывать план ликвидации своих братьев. Он намеревался их убить в тайге во время охоты, причем каждого поодиночке. А затем путем применения всевозможных хитростей и уловок хотел расправиться и с сестрой *Күн Арыг*. А в самом конце, по его замыслу, он должен был избавиться и от престарелого отца.

О злых намерениях *Сулган Тимір*’а, узнала его жена *Харлыгас*. В отличие от мужа, она была “с чистой / светлой душой” (*ах сагыстыг кизи* – ‘букв. с белыми / ясными мыслями’) – хорошим и доброжелательным человеком. Женщина поведала своему свекру, старику *Төрдава* о коварных замыслах супруга в отношении них. Тот, узнав о злонамеренности старшего сына, стал советоваться со своими детьми, как им правильнее поступить в сложившейся ситуации. На совете все сошлись во мнении о том, что им не следует обострять отношений, потому что это неминуемо приведет к кровопролитию. Для того чтобы избавиться от этой проблемы с наименьшими потерями, они решили втайне покинуть родные края и отправиться в ту местность, о которой не должны знать люди, в том числе и сам *Сулган Тимір*. Так и поступили.

В одну из темных ночей старик *Төрдава* со своими детьми собрали все свои вещи и погрузили их на телеги. А весь пасущийся в белой степи (*ах чазы*) скот они превратили в медную иголку (*чис иңе*). И отправились в путь. Сначала они направились вверх по реке *Төдө* (Тёя). Доехав до ее верховьев, они обнаружили, что открытых и чистых мест (*ах чирлер*), т.е. подходящих для выпаса их многочисленного скота пастбищ там оказалось мало. Поэтому они решили отправиться в верховья реки Таштып. Однако и там не нашлось подходящего для них места. Стали спускаться вниз по р. Таштыпу. Добрались до устья реки Оя. Остановившись там, выпустили скот на выпас. Несмотря на то, что здесь имелись подходящие луга, однако для многочисленного скота *Төрдава* и его детей их все равно было недостаточно. Не все имеющиеся в их хозяйстве животные могли разместиться там. Поэтому было решено треть четверти скота (*малларынаң төрт үлүстаң үс үлүс*) превратить в богатырского *Синего быка* (*Көк пуга*) и отправить его на родину их предков. Так и сделали. На шею быку привязали волосяной аркан (*хыл арғамчы*). Старик *Төрдава* велел своей дочери *Күн Арыг*, рожденной богатыркой, сопровождать *Көк пуга*. И сделал ей такой наказ: “Родина твоего отца – долина реки Абакан.

Она богата белыми степями (*ах чазы*). Дойдешь до этого места, остановишь *Синего быка*. От него зависит счастье и плодovitость нашего скота. В его больших гениталиях сосредоточена сокровищница – жизненная сила домашних животных (*ах сиргеліг малдың ізі*). Родина твоей матери – долина реки Абакан. Она богата зелеными степями (*көк чазы*). Когда достигнешь этой земли, *Көк пуга* там остановишь. В нем находится душа нашего скота (*мал худы*). В том месте, где встанет *Синий бык*, расплодится бесчисленное количество домашних животных самых разных мастей”.

Көк пуга пустили вниз по р. Таштыпу. Он перешел через горный перевал “*Обалыг пил*”, недалеко от *аал’а*⁷ *Ис пилтірі* (с. Усть-Есь). В этом месте богатырка *Күн Арыг*, проходя мимо одного из курганов, попыталась завязать аркан за один из его камней. Для этого, держа в руках веревку, она трижды его обошла. *Синий бык* сделал резкий рывок, отчего аркан глубоко впился в курганный камень и оставил на нем заметный след по всей его окружности. Тем не менее, веревка соскользнула, и животному удалось высвободиться. Оно отправилось дальше. Во второй раз *Күн Арыг* попыталась остановить *Көк пуга* возле кургана, находящегося на холме в долине реки *Төд* (вблизи от бывшего колхоза “1 мая”). Как и в первый раз, чтобы удержать быка девушка-богатырка три раза обмотала волосным арканом курганный камень. Однако бык сильным рывком выдернул его, и направился вниз по реке Абакан. В третий раз была предпринята попытка задержать *Синего быка* в местности, расположенной близ селения Усть-Камышта. *Күн Арыг* опять-таки обвязала арканом один из курганных камней. Однако бык дернул и разорвал его. Полностью освободившись, он отправился в землю качинцев⁸. Богатырка последовала за ним. У местных жителей она выпросила аркан, свитый из кожи (*хаас аргамчі*). В конце концов девушке удалось заарканить *Синего быка* лишь в степи, называемой *Күне чазызы* (близ г. Черногорска), где он остановился и окаменел. С того времени синий камень в образе быка и находится там. Сокровищница и душа скота – *мал худы* до сих пор находится там. Отчего у качинцев скот стал хорошо расти и обильно размножаться. По всей степи *Күне чазызы* расплодились бесчисленные стада животных. От того, что *мал худы* в образе *Көк пуга* покинул сагайскую землю, скотоводство у них не получило такого большого развития, как у качинцев. А богатырка *Күн Арыг* от того, что не сумела удержать *Синего быка* в своих родных местах, в глубокой досаде и горечи ушла в горы, находящиеся в верховьях р. Енисей и больше на свою родину не возвращалась» (АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Лл. 50–59).

Каменное изваяние *Көк пуга* благодаря своей оригинальной форме и как сакральный для хакасов объект привлекало к себе внимание исследователей. Так, например, еще в конце XIX в. в своей монографии о нем упоминал Н. В. Латкин. Он сообщал о том, что в Хакасии «кроме каменных, баб встречаются вытесанные из камня изображения животных. Так в Качинской степи, близ улуса Чаркова, находилась статуя барана, изящно вытесанная из песчаника; также в степи близ устья речки Ташебы известна статуя быка» (Латкин, 1892: 377).

Священный камень *Көк пуга* имел важное культовое значение для коренного населения. В мифах с образом *Синего быка* связывалось представление о магии чудесного зачатия. Согласно повествованию от его громогласного мычания все коровы становились стельными (Унгвицкая, Майногашева, 1972: 32–33). Ассоциация, обусловленная оглушительным бычьим ревом, нашла свое выражение и в народной загадке: «*Көк пугам мустапча, халых чонга истілче*» – ‘*Синий мой бык мычит – всему народу слышно (гром)*’ (Доможаков, 1951: 69). По традиционным воззрениям хакасов первый гром, прогремевший с северной стороны, предвещал плодородие и обилие молока у коров (Бутанаев, 2003: 51).

Хакасы верили в то, что в каменном изваянии *Көк пуга* сосредоточена *мал худы* / *малдың ізі* – сакральная душа и счастье / богатство домашних животных. Поэтому были убеждены, что

⁷ Аал – хакасское селение.

⁸ Качинцы (хак. *хаастар*) – этническая группа хакасов, преимущественно проживающая в центральной и северной частях Хакасии.

этот священный камень способствует умножению поголовья скота, охраняет их от болезней и воров. Местные жители, проезжающие мимо него, всегда старались выразить ему свое почтение. Окропляли его напитками, подносили пищу, совершали воскурения и пр. По сведениям В. Я. Бутанаева, представители *сёёк 'а пуга* раз в три года совершали специальный обряд жертвоприношения *Синему быку* (2003: 199).

Обратим внимание на то, что в мифологическом повествовании о *Кёк пуга* акцентировано внимание на том, что в его гениталиях локализована жизненная сила и счастье скота. Наделение магической силой данных органов, в частности тестикул, способствовало формированию у хакасов определенной обрядности в отношении них, причем не только бычьих, но и других домашних животных. По сообщению исследователей XIX в.: «Когда холостят рогатый скот, лошадей и баранов, то вынутые части оставляют покрытыми трое суток в юрте на сундуке около божницы, затем их разрезают на мелкие части и варят в воде или молоке с солью, иногда же жарят на сметане и масле. По обычаю, это кушанье должна съесть вся семья» (Кузнецова, Кулаков, 1898: 195). В традиционном сознании данные ритуальные действия символизировали собой жертвенное подношение высшей силе непосредственно *мал худы* – души домашних животных. Полагали, что данный сакральный акт, в свою очередь обеспечивал обильный приток свыше жизненных сил и плодородия людей и скота. Увеличивал благосостояние семьи. Следует добавить и то, что помимо обозначенной обрядовой практики у кызыльцев⁹ бытовал также праздник *Аргымах* или «*Киик итчең үлүкүн*», когда изготавливали хлебные фигурки в виде животных. Он приурочивался христианскому празднику Рождества. К чествуемому дню из ржаного теста лепили фигурки быков с рогами и тестикулами, коров с рогами и выменем и других домашних животных, а охотники, кроме того – диких коз и оленей. Изделия обжигались в печи и устанавливались в количестве семи штук у алтаря. Эта сакральная выпечка называлась *аргымах* или *киик* (Бутанаев, 2003: 20–21). Смысловое значение указанного мероприятия опять-таки было связано с идеей символического жертвоприношения изображенного скота, направленного на обеспечение плодородия и благополучия людей и приумножения их хозяйства.

В культуре рассматриваемого народа были распространены и иные представления о том, кто мог выступать в качестве средоточия и носителя жизненных сил и плодородия домашнего скота. Отметим то, что в хакасском языке для обозначения данного мировоззренческого явления, помимо уже упомянутых понятий *мал худы* и *малдың ізі*, также широко использовались такие термины, как: *кизік*, *талаан*, *үлүс*, *ырыс*, *часка* (Хакасско-русский, 2006: 160, 579, 752, 952, 1048). Применительно к скотоводству в своей семантической основе они были тождественны и часто использовались, как синонимы. Они подразумевали под собой определенное домашнее животное, которое, согласно верованиям, содействовало хорошему приплоду, благополучию и сохранности поголовья всего стада. В фольклорной традиции хакасов данные животные обычно изображались в виде слабого и никчемного теленка, жеребенка или ягненка (Бутанаев, Бутанаева, 2008: 126; Бурнаков, 2006: 55). Полагали, что они несли на себе бремя общего счастья скота и были его оберегом. Их запрещалось дарить и продавать, так как были убеждены, что, лишившись животного, хозяева неминуемо обеднеют.

В системе обрядности хакасов были выработаны нормы, направленные на удержание счастья домашнего скота и удачливости в хозяйственной деятельности. Так, например, даже в наши дни соблюдается обычай при дарении или продаже скота хакасы традиционно выдергивать из сокроленной – паховой части, а также из середины хвоста три клочка шерсти со следующим заговором: «*Үлүс парбазын! Хут парбазын! Чуртында халзын!*» – «*Пусть не уйдет счастье, пусть не уйдет жизненная сила, пусть все останется в жилище!*». Такой обычай носит название «*түктирге*» – «букв. шерстить» (Бутанаев, 2003: 59–60).

⁹ Кызыльцы (хак. *хызыллар*) – этническая группа хакасов, преимущественно проживающая в северной части Хакасии.

В этнографических реалиях хакасов носителями счастья и своего рода талисманами его отдельных видов, а нередко и всего домашнего скота, выступали *ызых'и*. Этим термином обозначали domestифицированных животных (*ызых мал* – ‘священный скот’) – коней / лошадей, быков (коров), баранов, посвященных в качестве живой жертвы различным сверхъестественным существам: божествам, духам различных категорий и т.д. По традиционным представлениям, *ызых'и* своей сакральной силой защищали людей и их хозяйства от несчастий, отвращали болезни, способствовали увеличению приплода, охраняли стадо от хищных зверей и воров. *Ызых'и* были абсолютно табуированы для посторонних людей. Их даже запрещалось использовать в хозяйственной деятельности. Исключение составляли лишь коровы, которых дозволялось доить.

В хозяйстве хакасов *ызых'ов* могло быть несколько: отдельно для лошадей, крупного рогатого скота и овец. «Коровьи» и «овечьи» *ызых'и* в большей степени были распространены в притаежной части Хакасии у сагайцев и кызыльцев. Если посвященной была корова, то ухаживать за ней и доить ее (причем только после третьего теленка) могли только незамужние женщины (Хайтун, 1959: 120; Бутанаев, 2003: 143). В хвост бурого «коровьего» *ызых'а* вплетались ритуальные ленты красного цвета. Наиболее распространенной мастью данной категории *ызых'ов* являлась бурая и черная (Островских, 1895: 338; Катанов, 1907: 290). В то же время, по сообщению В. Я. Бутанаева, «в редких случаях встречались волы “ызыхи” другого окраса. Так, например, у сеока “аара” коровьим “ызыхом” был вол черной масти, у сеока “ичеге” – белый бык с красными ушами, у сеока “том” – мухортый бык, у сеока “сайын” – чубарый вол» (2003: 143). У качинцев священной была черная корова (Хайтун, 1959: 119).

В традиционной культуре хакасов образ быка – ярко выраженного мужского символа плодородия и мощи не ограничивался лишь восприятием его, как бескровно жертвуемого животного – *ызых'а*. В ритуальной практике народа были распространены и кровавые жертвы быков, адресованные высшей силе. При помощи этого действия осуществлялся дарообмен, благодаря которому, как полагали, непрерывно обновлялось и продлевалось существование всего живого в мироздании. И в данной ситуации души или жизненные силы жертвуемых животных выполняли своего рода посредническую функцию между мирами сакральным и профанным. Они воссоединяли их и обеспечивали устойчивую связь между ними. В результате чего, священный акт принесения быка в жертву путем лишения жизни был призван обеспечить благополучие жизни людей и их хозяйства.

У хакасов широко практиковались индивидуальные шаманские обряды, сопровождающиеся закланием быков (волово, телят). Они производились ситуативно, по мере возникновения проблемы в жизни людей, например, при расстройстве здоровья и всевозможных неудачах, в том числе и хозяйственной деятельности. Вместе с тем, были повсеместно распространены и коллективные обряды жертвоприношений. Они носили систематический и регулярный характер и были направлены на сплочение рода или территориальной общины с целью получения благодати свыше и дальнейшего развития общества. Среди последних следует отметить, такие, как *таг тайыг* – жертвоприношение духу горы и *суг тайыг* – приношение духу воды.

На севере Хакасии духам священных родовых гор обычно жертвовали черных и бурых быков / волово с мухортой мордой, а на юге – резали теленка и пр. (Бутанаев, 2006: 133–135). При этом, как отмечал А. А. Кропоткин: «Животные, приносимые в жертву, колются шаманами; шаманы, собственноручно распарывая им живот, у полуживого еще животного вынимают часть кишок и, отрезав куски мяса, бросают их в огонь, льют туда же вино и произносят в это время молитвы» (1895: 36).

Духу воды – *суг ээзи* подносили в жертву синего или черного трехлетнего быка / вола (Катанов, 1907: 566; Бутанаев, 2003: 188–191). Ритуальная практика в отношении *суг ээзи* кроме обеспечения плодородия и благосостояния людей и животных, должна была оградить их от всевозможных опасностей, исходящих от воды. Как полагают отдельные исследователи, использование быка / вола в качестве жертвенного животного исходило из его отождествления

с данной стихией. В этой связи совершенно уместной является хакасская народная поговорка: «Хайда суг, анда чурт» – ‘Где вода (река), там и жизнь (жилище, стойбище)’ (Мудрое слово, 1976: 97). М. И. Боргояков совершенно справедливо отмечал, что «в сознании древнего человека образ быка связывался с источником воды, дающим жизнь. В отдельных случаях понятия “бык” и “река” совмещались в представлении древних – бык обитал в воде, в реке. Отзвуки этого представления можно обнаружить в хакасском эпосе. В поэме “Хан-Кичегей” одноименный богатырь борется с быком-чудовищем, обитавшим в большой реке» (Боргояков, 1976: 58). Очевидно, не случайно и то, что оросительные каналы в Хакасии нередко называются еще и как «*пуга чолы*» – ‘дорога быка’ (Бутанаев, 2003: 191).

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов особенное место отводилось образу быка. В хакасском фольклоре широкое распространение получил образ *Кёк пуга* – *Синего быка*. В мифопоэтической традиции народа указанное рогатое животное воплощало собой средоточие жизненных сил и плодородия домашнего скота. Подобное религиозно-магическое отношение распространялось и на каменное изваяние, олицетворявшего его. Вместе с тем, культовая практика хакасов, направленная на развитие скотоводства, не ограничивалась лишь почитанием священного каменного быка.

В мировоззрении и обрядности хакасов получили распространение и иные традиционные методы, ориентированные на обеспечение благополучия хозяйственной деятельности людей, умножения поголовья скота и его защиту. Среди них следует выделить сакральные действия, связанные с тестикулами самцов, и различные приемы удержания и обеспечения счастья скота, в том числе вырывания кусочков шерсти с определенных мест животного, посвящения *ызых’ов* и кровавые жертвоприношения различным духам-покровителям и божествам. Во всех обозначенных обрядовых практиках большая роль отводилась крупному рогатому скоту и, в частности быку / волу – символу мужского начала и силы, плодородия и благополучного продолжения жизни рода.

Список литературы

- Боргояков М. И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. – 1976. – № 3. – С. 55–59.
- Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Чирим тамырлары. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1982. – 234 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хоорай чоның төреллери (Хакассские родословные). – Абакан: УПП «Хакасия», 1996. – 164 с.
- Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. – 260 с.
- Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. – 253 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. – 376 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. – Абакан: ООО «Кооператив Журналист», 2010. – 240 с.
- Доможаков В. И. Хакассские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. 2. – Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1951. – С. 60–84.
- Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.
- Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. – СПб.; М.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1895. – Т. 12. ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. – С. 19–50.
- Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Тип. Енис. губ. упр-я, 1898. – 298 с.
- Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб.: Типо-Лит-я В. А. Тиханова, 1892. – 467 с.
- Майногашева В. Е. Некоторые сюжеты сивого (синего) и черного быков в фольклоре Саяно-алтайских тюркоязычных народов // Алтайский фольклор и литература. – Горно-Алтайск: [б.и.], 1982. – С. 137–148.
- Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. – 128 с.
- Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – 1895. – Вып. 3–4. – С. 297–348.

Трояков П. А. Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 210 с.

Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. – 312 с.

Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у хакасов // Труды Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина. 1959. – Т. 27: Сер. истор. наук. – Вып. 1. – С. 111–124.

Хакас чонның кип-чоохтары, нымахтары (Хакасские народные легенды и сказки). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1960. – 234 с.

Хакас чонның кип-чоохтары (Хакасские народные легенды). – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1990. – 234 с.

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Список источников

Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера) (в тексте – АМАЭ РАН). – Ф. 5. – Оп. 6. – Д. 20. «Н. С. Тенешев Хакасские легенды». – С. 50–55.

Бурнаков В. А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 630090.

Старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований.

Новосибирский государственный университет.

Ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 18.11.2017 г.

Burnakov B. A.

BULL AS A SYMBOL OF FERTILITY IN THE TRADITIONAL KHAKAS CULTURE (THE END XIX – MID XX CENTURIES)

The aim of the work is to reveal the connection of the image of a bull with the idea of fertility in the culture of the Khakas. Proceeding from the goal, the following tasks were set: to analyze the folklore of this people and to introduce into scientific circulation new archival materials on the designated topic; to explore the semantic links of the image of this animal with the religious-mythological views about the life forces and fertility of domestic animals.

The chronological scope of the work covers the late XIX – mid XX centuries. The choice of such time limits is caused, first of all, by the state of the source database on the research topic. The work is based on complex, system-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods – scientific description, concrete historical analysis, structural-semantic and relict.

As a result of the analysis, the following conclusions can be drawn: 1) in the Khakas culture the most important place is assigned to cattle. In the Khakas folklore, the image of Kok pula – the Blue Bull became widespread. In the mythopoetic tradition of the people, this horned animal embodied the center of vitality and fertility of livestock. Such a religious-magical attitude extended to the stone statue that personified it. At the same time, the cult practice of the Khakas, aimed at the development of cattle breeding, was not limited to honoring the sacred stone bull.

In the world outlook and ritual of the Khakas, other traditional methods aimed at ensuring the well-being of people's economic activities, multiplying the livestock and protecting them, also spread. Among them, one should single out the sacred actions associated with the testicles of males, and various methods of retaining and ensuring the happiness of cattle, including tearing out pieces of wool from certain places of the animal, dedicating yzyh and blood sacrifices to various patron spirits and deities. In all the designated ritual practices, a large role was assigned to cattle and, in particular, bull/ox, a symbol of the masculine principle and strength, fertility, and the successful continuation of the life of the genus.

Key words: *culture of Khakas, bull, Kok pula, cattle breeding, fertility, symbol, myth, rite.*

References

- Borgoyakov M. I. Gunnsko-tyurkskii syuzhet o praroditele-olene (byke) [Hun-Turkic plot of the progenitor-reindeer (bull)]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. – 1976. – Vol. 3. – P. 55–59. (in Russian)
- Burnakov V. A. Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The spirits of the Middle world in the traditional worldview of the Khakas people]. – Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2006. – 197 p. (in Russian)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. Chirim tamylary [The roots of the earth]. – Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1982. – 234 p. (in Khakas.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. Khoorai chonnyn toreleri (Khakass pedigrees) [Khakass pedigrees]. – Abakan: Khakassiya Publ., 1996. – 164 p. (in Khakas.)
- Butanaev V. Ya. Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. – Abakan: KhGU Publ., 2003. – 260 p. (in Russian)
- Butanaev V. Ya. Traditsionnyi shamanizm Khongoraya [Traditional shamanism Hongoray]. – Abakan: KhGU Publ., 2006. – 254 p. (in Russian)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [World of Khongor (Khakass) folklore]. – Abakan: KhGU Publ., 2008. – 376 p. (in Russian)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. My rodov iz Khongoraya. Khakasskie mify, legendy i predaniya [We come from Hongorai. Khakass myths, legends and traditions]. – Abakan: Kooperativ "Zhurnalists" Publ., 2010. – 240 p. (in Russian)
- Domozhakov V. I. Khakasskie zagadki [Khakass riddles]. *Zapiski Khakasskogo nauchno issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Notes of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History]. – Abakan: Khakas the regional. State. Book. Publ., 1951. – Vol. 2. – P. 60–84. (in Khakas., in Russian)
- Katanov N. F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. – S-Peterburg, 1907. – Vol. 9. – 640 p. (in Russian)
- Kropotkin A. A. Sayanskii khrebet i Minusinskii okrug [Sayan Range and Minusinsk District]. *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashi v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii*. – T. 12. "Vostochnye okrainy Rossii". – Ch. 1 "Vostochnaya Sibir'" [Picturesque Russia. Our fatherland is in its land, historical, tribal, economic and everyday importance. – T. 12. "Eastern suburbs of Russia". – Part 1. "Eastern Siberia"]. – S-Peterburg; M.: M. V. Vol'f Publ., 1895. – P. 19–50 (in Russian)
- Kuznetsova A. A., Kulakov P. E. Minusinskie i Achinskii inorodtsy [Minusinsk and Achinsk natives]. – Krasnoyarsk, 1898. – P. 298. (in Russian)
- Latkin N. V. Eniseiskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee [The Yenisei province, its past and present]. – S-Peterburg: V. A. Tikhonov Publ., 1892. – 467 p. (in Russian)
- Mainogasheva V. E. Nekotorye syuzhety sivogo (sinogo) i chernogo bykov v fol'klore Sayano-altaiskikh tyurkoyazychnykh narodov [Some plots of blue and black bulls in the folklore of the Sayano-Altai Turkic-speaking peoples]. *Altaiskii fol'klor i literanura* [Altai folklore and literature]. – Gorno-Altai, 1982. – P. 137–148. (in Russian)
- Mudroe slovo. Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits, pogovorok i zagadok [Wise Word. Collection of Khakass folk proverbs, sayings and riddles]. – Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1976. – 128 p. (in Russian, in Khakas.)
- Ostrovskikh P. E. Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraia [Ethnographic Notes about the Turks Minusinsk Territory] // *Zhivaya starina* [Living antiquity]. – 1895. – Vol. 3–4. – P. 297–348. (in Russian)
- Troyakov P. A. Mify i legendy khakasov [Myths and legends of Khakassians]. – Abakan: Khakass Book. Publ., 2006. – 210 p. (in Russian)
- Ungvitakaya M. A., Mainogasheva V. E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorчество [Khakas folk poetry]. – Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1972. – 312 p. (in Russian)
- Khaitun D. E. Perezhitki totemozma u khakasov [The remains of totemism among the Khakasses] // *Trudy Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Lenina* [Works of the Tajik state university of V. I. Lenin]. – 1959. – Vol. 27, № 1. – P. 111–124. (in Russian)
- Khakas chonnyn kip-chokhtaty, nymakhtary (Khakasskie narodnye legendy i skazki) [Khakass folk legends and fairy tales]. – Abakan: Khakass Book. Publ., 1960. – 234 p. (in Khakas.)
- Khakas chonnyn kip-chokhtaty (Khakasskie narodnye legendy) [Khakass folk legends]. – Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1990. – 234 p. (in Khakas.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1114 p. (in Khakas., in Russian)

Sources

Arkhip Muzeya antropologii i etnografii im. Petra velikogo Rossiiskoi akademii nauk (Kunstkamera) (in the text – AMAE RAN) [The archive of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter The Great Russian Academy of Sciences (Kunstkamera) (in the text – AMAE RAS)]. – F. 5. – Op. 6. – D. 20 «N. S. Teneshchev Khakasskie legendy» [Fund 5. Inventory 6. Notebook 20 «N. S. Teneshchev. Khakass legends»]. – P. 50–55. (In Russian, in Khakas).

Burnakov V. A., kandidat Nauk in History, Senior Researcher, Ph.D. in History.

Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

Av. Ak. Lavrentiev, Novosibirsk, Russia, 630090.

Senior Researcher Humanities Research.

Novosibirsk State University.

Ul. Pirogov, 2, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru

Коломиец О. П., Нувано В. Н.

ЧУКОТСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать один из важнейших этапов развития оленеводства на Чукотке. Хронологические рамки исследования датируются концом XIX – первой половиной XX в. Этот период вызывает особый исследовательский интерес в связи с тем, что на рубеже XIX – XX вв. и вплоть до первой трети XX в. чукотское оленеводство развивалось на традиционной основе. Затем под влиянием политических и экономических изменений происходит ломка традиционного хозяйствования в среде коренных жителей Северо-Востока. В работе приводятся статистические данные о численности оленьих стад в разные годы, описания мест кочевания отдельных групп оленеводов, информация о процессе перевода кочевого населения на оседлость. Со сменой хозяйственного уклада в первую очередь стали изменяться общественные отношения в среде оленеводов. При этом новые принципы районирования и организации оленеводческих хозяйств, как правило, не увязывали с традиционной системой природопользования и семейно-родственных связей. Такое серьезное вмешательство в сложившуюся веками культуру привело к существенным изменениям образа жизни чукотских оленеводов, смене системы ценностей, значительным социокультурным сдвигам, которые привели к регрессирующим результатам. Авторы рассматривают один из драматичных эпизодов в истории страны – коллективизацию, особенности ее проведения и последствия для оленеводческого населения Чукотки. В работе используется широкий круг источников и литературы – архивные материалы, устные свидетельства (воспоминания коренных жителей Чукотки), полевые заметки, отчеты и труды партийных работников, землеустроителей, историков, этнографов, и других ученых.

Ключевые слова: *коренные народы Чукотки, чукчи, традиционное оленеводство, кочевые маршруты, кочевая культура, коллективизация, создание колхозной системы.*

В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать один из важнейших этапов развития оленеводства на Чукотке. Хронологические рамки исследования ограничены концом XIX – первой половиной XX в. Этот период вызывает особый исследовательский интерес в связи с тем, что на рубеже XIX – XX вв. и вплоть до первой трети XX в. чукотское оленеводство развивалось на традиционной основе, а затем под влиянием политических и экономических изменений происходит резкая трансформация и ломка традиционного хозяйствования в среде коренных жителей Северо-Востока. Такое серьезное вмешательство в сложившуюся веками систему природопользования привело к существенным изменениям образа жизни чукотских оленеводов, смене системы ценностей, значительным социальным последствиям.

Для подготовки данной работы были использованы несколько групп источников. Литературные источники – опубликованные работы дореволюционных исследователей и путешественников, в которых дается описание традиционного хозяйственного уклада аборигенов Чукотки – А. А. Ресина, А. В. Олсуфьева, В. Г. Богораз-Тана и др. (Ресин, 1888: 46–57; Олсуфьев, 1896: 120–125; Богораз-Тан, 1931: 142–154), материалы комплексных экспедиций биологов, географов, землеустроителей (Орловский, 1928; Материалы... 1938; Обручев, 1974; Васильев, 1936; Друри, 1936, 1989; Устинов, 1956, 1969), а также труды советских и российских историков и этнографов (Архинчеев, 1957; Кузнецова, 1957; Вдовин, 1962; Леонтьев, 1969; Гарусов, 1967; Гарусов, 1981; Вольфсон, 1991; Нувано. 2004; Хаховская, 2011, 2014).

Вторую группу источников составляют воспоминания коренных жителей Чукотки, записанные учеными-этнографами в разные годы (Крупник, Вахтин, 1996; Омрытхэут, 1997, 2008; Нувано, 2008), а также опубликованные материалы участников коллективизации (Андронов, 2008; Задорин, 2008; Шарыпова, 2017).

Третья группа источников – массив документов, хранящихся в фондах Государственного архива Чукотского автономного округа. Документальный корпус представлен полевыми производственными дневниками, отчетами и очерками о полевом обследовании оленьих пастбищ, годовыми планами и отчетами колхозов и совхозов на территории Чукотки (ГА ЧАО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 6).

Чукотское хозяйство имело комплексный характер с выделением групп, ориентированных преимущественно на оленеводство, на добычу диких оленей или на морской зверобойный промысел (тюленей, китов, моржей). Вспомогательную роль играли собирательство, рыболовство, охота на дичь и диких животных (горных баранов, лосей, медведей, росомах, волков, лисиц, песцов). Комплексная хозяйственная деятельность и возможность при необходимости переходить от кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, в зависимости от конкретной экологической и социальной обстановки, делали чукчей весьма устойчивыми и приспособляемыми по отношению к внешним неблагоприятным воздействиям (Зуев, 2009: 28).

В науке сложилось мнение, что наиболее вероятным местом приручения северного оленя было Саяно-Алтайское нагорье (Помишин, 1990: 24). Транспортное мелкостадное оленеводство распространялось с юга (с Саяно-Алтайского центра доместикации) самодийцами, когда как чукчи и коряки переняли оленеводство несколькими веками позже через древних тунгусов (Крупник, 1989: 146). Однако некоторые исследователи опровергали тунгусское влияние и придерживались теории самостоятельности одомашнивания северных оленей на северо-востоке Евразии. Многие ученые-североведы начала – середины XX в. (В. Г. Богораз, И. С. Вдовин, Н. Н. Диков, Ю. Б. Симченко) – сторонники гипотезы самостоятельного становления чукотско-корякского оленеводства (Вольфсон, 1991: 60). Так, В. Г. Богораз ссылаясь на фольклор чукчей, отмечал, что древнейшим видом чукотского хозяйства является комплекс оленеводства и морзверобойного промысла (Тан-Богораз, 1930: 69). А. Г. Вольфсон поддерживал теорию самостоятельного центра доместикации северного оленя на Чукотке. Он считал, что предки чукчей и коряков были пионерами одомашнивания оленей на Северо-Востоке (Вольфсон, 1991: 20). В легендах, записанных В. Н. Нувано в с. Ваеги Анадырского района имеются подтверждения древних корней чукотского оленеводства: «Сын Тынантомгына (Творца) Пичвучьын, прогуливаясь по берегу моря, пнул прибрежную гальку, и камни превратились в диких оленей (*ылвет*). Увидев их, Тынантомгын сказал сыну, что таких красивых быстроногих оленей не смогут содержать люди и из гладколистой ивы (*лыгумкуум*) создал домашних оленей (*лыгэкаат*). С тех пор хозяином «дикарей» остается Пичвучьын, а домашних оленей содержат люди» (ПМА). О древности чукотского оленеводства говорит терминология современных чукотских оленеводов. Например, чукотское слово *к'ончен'кор* обозначает оленя – манщика для охоты на диких оленей (ПМА). Для дикого оленя в чукотском языке существует другое название – *ылвылю* (основа *ылв* – «дикий олень»). Теленок – самка домашнего оленя – *ычв-эк* – дословно переводится как «дикого оленя сын» (Куликова, 2016: 21).

Так же, свидетельством самостоятельности чукотско-корякской системы оленеводства может быть хозяйственный комплекс чукчей и коряков, значительно отличающийся от оленеводческого комплекса других народов. Один из важнейших элементов традиционного хозяйства – двуполозные сани – нарты. Например, у чукотско-корякских нарт особая конструкция: большинство соединений шарнирного типа, скрепленных с помощью сыромятных ремней, а сочленения нарт других оленеводческих народов жесткого типа, при котором штырь копыла плотно входит в паз полоза. Чукотская нарта приспособлена к пересеченной местности, так как практически вся территория Чукотки и Камчатки является среднегорной страной. На нарте имеется даже специальный тормоз (*явъаренан'*) для спуска упряжки с крутого склона. Кроме того, оленеводы, придерживающиеся чукотско-корякской системы, не использовали оленегонных собак, и даже когда в 1950-е гг. они были завезены на Чукотку, использовали их ограниченно.

До XVII в. оленеводство на Чукотском полуострове было распространено лишь у незначительной части чукчей и напоминало нганасанский тип транспортного оленеводства. Оно обеспечивало промысловое хозяйство охотников на диких оленей (Сыроечковский, 1986: 62). Чукчи были расселены в границах современных Чукотского, Провиденского и Шмидтовского районов Чукотского автономного округа. А. Г. Вольфсон предполагал, что в силу климатических факторов, эпизоотий, роста численности диких оленей, эпидемий среди населения, периоды бурного роста оленеводства и следующие за ними спады неоднократно возникали то в одной, то в другой части обширной территории Северо-Востока на протяжении всей истории оленеводства (Вольфсон, 1991: 62).

В середине XVIII в. наступил благоприятный цикл для чукчей-олeneводоов. В XIX в. кочевки оленных чукчей расширились, достигли севера Камчатки. На западе они заняли Восточно-Колымскую тундру, вплоть до реки Колыма и продвинулись к южным границам Гижигинского округа. В конце XIX в. чукчи перешли Колыму и кочевали в междуречье Алазеи и Индигирки (История, 1987: 57). Уже к концу XIX в. оленеводство на Чукотке приобрело черты товарной отрасли, оленину стали вывозить на Аляску.

Типы оленеводческих хозяйств. До установления Советской власти на Чукотке, существовало три основных типа оленеводческих хозяйств:

Первый тип – беднейшие группы оленеводов, во главе которых стоял бедняк. Стада такого стойбища составляли несколько десятков оленей. Обычно доход от оленеводства в таких хозяйствах составлял 30–40%, от пушного промысла – 40–50%. Так же существовало две формы собственности на землю и оленей. При этом земля являлась их коллективной собственностью. Олени были в частной собственности отдельных хозяев стойбища, продукция и приплод принадлежали только их владельцам. Эти беднейшие группы оленеводов были независимы и самостоятельны, при этом представляли собой своеобразный резерв рабочей силы, регулярно используемый крупными оленеводами (Гарусов, 1981: 10). Так как маленькие стада значительно труднее пасти, обычно несколько бедных семей соединялись на лето и образовывали большое стадо с достаточным количеством пастухов. (Богораз, 1991: 20–21).

Второй тип хозяйств состоял из среднемощных групп оленеводов. Стада этих стойбищ достигали 300–400 голов оленей. В таких хозяйствах оленеводство давало семьям основной доход. Существовало две формы собственности, аналогичных с хозяйствами первого типа. Такие стойбища сами применяли чужую рабочую силу и передавали её в хозяйства крупного оленевода.

Третий тип – хозяйство крупного оленевода. Во главе стоял владелец крупного стада, использующий труд безоленных и бедных оленеводов из стойбищ первого и второго типов. В таких хозяйствах имелось 3–4 тысячи голов оленей. В структуре доходов основная часть (около 80%) приходилась на оленеводство (Гарусов, 1981: 11). Богатые оленеводы были не в состоянии пасти своих многочисленных оленей силами своей семьи и поэтому нуждались в помощниках из числа малооленных и безоленных групп (Богораз, 2011: 142). Многие бедные семьи, особенно из тех, которые желали обзавестись самостоятельным стадом, поступали в услужение к одному из богатых соседей на несколько лет (Богораз, 1991: 20–21).

Оленеводческие хозяйства таких типов, занимающие различные по экологическим условиям территории, обеспечивали равномерное распределение на экосистему пастбищ, что позволяло содержать на территории Чукотки в 20-е гг. XX в. до 556,9 тыс. голов домашних оленей (История... 1989: 211).

По мнению В. Г. Богораза до установления Советской власти на Чукотке определенных прав на пастбища у оленных чукчей не существовало. Они имели свободу и возможность перекочевывать со своим стадом на большие расстояния (Богораз, 1931: 152). Советские исследователи подтверждали этот факт. Все авторы единодушно отмечали, что оленеводы на лето отгоняли свои стада к морю или к высоким горным хребтам, т.е. на обдуваемые, более прохладные места, а к зиме стремились в континентальную часть, не подверженную гололедице,

на тихие безветренные места (Орловский, 1928; Васильев, 1936; Друри, 1936; Вдовин, 1962; Материалы по землеустройству Крайнего Севера, 1938).

Коллективизация и ее особенности. В 1930-х гг. на Чукотке началась коллективизация, завершившаяся в начале 1950-х гг. Этот этап в истории региона и страны в целом был сложным и болезненным.

В порядке подготовки к коллективизации чукчей Чаунского района, Комитет Севера в 1933 г. поручил И. С. Архинчееву исследовать социально-экономические отношения чаунских чукчей и разработать конкретные методы социальной реконструкции этих отношений. И. С. Архинчеев пробыл у чаунских чукчей около трех лет, и собрал обширный материал по социальному строю, материальной и духовной культуре этой этно-территориальной группы. Особый интерес вызвали у исследователя крупные многолюдные хозяйства типа большой семьи и стойбищные объединения, сочетавшие и многооленные и малооленные хозяйства (Сергеев, 1957: 39).

И. С. Архинчеев описал типичное стойбище крупного оленевода Вуатагина, который в молодости был бедняком, но благодаря своему усердию и мастерству стал обладателем большого стада. Со временем сыновья Вуатагина обзавелись семьями, отделились с частями общесемейного стада и с помощью «товарищей по стойбищу» образовали самостоятельные хозяйства-стойбища. К советской власти Вуатагин относился в высшей степени лояльно, но был лишен избирательных прав, так как формально был крупным оленеводом, эксплуатирующим бедняков. Однако основными работниками при его стаде была его семья из 10 человек, из которых работоспособных 5 человек, и лишь один 19-летний юноша из чужой семьи активно помогал в выпасе стада. При этом 22 человека фактически находились на иждивении. И. С. Архинчеев и секретарь Ичуньского туземного совета И. С. Вдовин отмечали, что по действующему чукотскому обычаю владелец стада должен содержать все семьи бедняков соседей. Например, Вуатагин вместо 3 оленей, которых он должен по договору забивать для бедняка Истылякая (отец 19-летнего пастуха), забивал каждый месяц 6 оленей, т.е. по одному оленю на каждого члена семьи. По заключению И. С. Архинчеева, развитие хозяйства оленевода Вуатагина представлял собой классический пример эволюции чукотского оленеводства (Архинчеев, 1957: 64–67).

Кооперирование в оленеводческой среде шло очень неравномерно и с большими трудностями. И. С. Вдовин писал: «Медленнее и значительно сложнее шло создание коллективных хозяйств у оленеводов, у которых существовало резкое имущественное неравенство. Многие бедняки – оленеводы на первых порах не решались оторваться от богатых стадовладельцев, от которых они зависели материально. Сказывалась и известная настороженность, и недоверие к новым формам организации хозяйства, к ломке привычного, веками сложившегося уклада жизни. Известную роль в этом отношении играла агитация богатых стадовладельцев, настроенных против коллективизации» (История и культура, 1987: 162).

На начальном этапе коллективизации в организуемые артели вступали главным образом экономически маломощные хозяйства: их привлекала возможность получать помощь государства. Такие хозяйства, созданные ради потребления, а не ради производства, существовали формально, легко распадались (Хаховская, 2011: 113). Первый оленеводческий совхоз фактически лишь в 1932 г. вышел из стадии организации, и в том же году возникли первые оленеводческие колхозы (Друри, 1936: 105).

И. В. Друри в числе других специалистов стоял у истоков организации первых оленеводческих хозяйств. В своих воспоминаниях он писал, что основные трудности были связаны с покупкой живых оленей. В 1928 г. из запланированных 10 тысяч голов «путем обещаний обмена на крайне дефицитные в то время медные котлы и чайники, нарезное оружие, патроны, бинокли, на табак, чай и другие товары два богатых оленевода Танатхиргин и Тыменпеляу согласились продать по 100 важенков каждый, рассчитывая с помощью такой сделки удачно

торговать приобретенными товарами с дальними кочевниками». Все усилия по закупке животных оказывались безуспешными. Обычно отказ мотивировался просто: «это грех, чаам». Руководство Акционерного Камчатского общества обязывало приобрести до 40 тыс. оленей, а И. В. Друри с коллегами к зиме 1932 г. располагали только стадом в 236 важенков с приплодом за 1930–1931 гг. (Друри, 1989: 7–9).

На 1 апреля 1932 г. на Чукотке было образовано всего 9 оленеводческих товариществ. В 1933 г. было 10 оленеводческих колхозов, имевших всего 16 680 оленей. Материальное положение в них было хуже, чем в единоличных оленеводческих хозяйствах. Крупные оленеводы отказывались продавать животных, откочевывали в труднодоступные районы, угоняя стада. Одной из форм сопротивления коллективизации стал массовый забой оленей. Поголовье оленей значительно сократилось (556,9 тыс. голов – 1926–1927 гг., 427,4 тыс. голов – 1934 г.) (История Чукотки, 1989: 175, 211).

В этот период вводились «твердые задания» единоличным хозяйствам оленеводов, рыболовов и охотников по продаже живых оленей и пушнины, по транспортным работам и т.д., что привело к подрыву основных отраслей северного хозяйства. И. С. Архинчеев писал: «Все “твердосдатчики” чукчи-олeneводцы обязаны сдать оленсырье, но в каких несообразных размерах. Чукча-олeneвод Амруш был твердо обязан сдать разных оленьих меховых шкур 873 штуки, имея всего 369 голов оленей разных возрастов, т.е. более двух шкур с каждого оленя» (Архинчеев, 1957: 84). В Марковском районе по настоянию уполномоченного райисполкома, никто не имел право иметь личных оленей, все поголовье было объявлено колхозным (Гарусов, 1981: 80).

В 1934 г. окружком ВКП (б) признал необоснованной и преждевременной проводимую политику раскулачивания. Был принят Устав сельхозартелей, целью которого провозглашалось сочетание общественных интересов и личных потребностей членов артелей. Но в 1939 г. вновь возобновилась политика раскулачивания (История Чукотки, 1989: 212–215).

По сравнению с другими оленеводческими районами страны, темпы социалистических преобразований оленеводческого хозяйства на Чукотке были невысокими. Так, в 1938 г. в оленеводстве Чукотки было занято 1629 чел. Из них колхозники составляли 359 чел., которые имели в общем хозяйстве и в личной собственности 41 тыс. оленей, а у 1270 единоличников было почти 323 тыс. оленей (Гарусов, 1981: 100). К концу 1940 г. обобщественное стадо оленей в округе составляло лишь 8,7% от общего поголовья (в других районах – свыше 50%). Общая численность оленей в округе с 1933 по 1940 г. выросла лишь на 2,16% (по всему СССР на 32,4%) (История... 1987: 168). Такие результаты объясняются низкой культурой ведения хозяйства, слабостью организации колхозного уклада, невозможностью в столь сжатые сроки резко изменить отношение оленеводов и приспособиться к новым формам труда. Изменившийся характер труда пастухов привел к тому, что многие колхозники не вырабатывали необходимый минимум трудодней, и, соответственно, оставались без заработной платы. Так, в образованном в 1940 г. колхозе «Полярная звезда» Марковского района оплата пастухам была начислена только в 1946 г. в сумме 2870 руб., тогда как доплата председателю ежегодно составляла от 2 400 до 3 780 руб. В 1949 г. пастухам было начислено 5 600 руб., однако денежные средства были выплачены специалистам по строительству. По трудодням было определено к выдаче колхозникам в 1947 г. – 193 316,54 руб., в 1948 – 165 940,54 руб., 1949 г. – 196 750,47 руб. (ГА ЧАО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 6.). По воспоминаниям Т. В. Кейнеут (умерла в 2000 г.), контора колхоза таинственным образом сгорела, и, соответственно, сгорели данные по трудодням (ПМА).

Борьба с кулачеством. Политика партии по отношению к крупным оленеводам была такой же, как и к кулакам Дальнего Востока, Сибири и европейской деревни: изоляция, ограждение, вытеснение и полная ликвидация на основе сплошной коллективизации (Гарусов, 1967: 57). Раскулачивания и изгнание из колхозов кулаков имели крайне негативные последствия на развитие колхозного движения. Так, к числу кулаков и подкулачников было отнесено

и лишено права голоса 37% населения Восточно-Тундровского района Чукотки. Подобный процесс охватил и другие районы Чукотки. В результате оленеводы вновь стали выходить из товариществ (История... 1987: 215). Значительная часть кочевников по-прежнему скрывалась в тундре от Советской власти. Представитель районных властей В. М. Балдаев писал: «В богатых кормами и дичью местах на границе Марковского района Чукотского национального округа и Корякии издавна кочевала вилюнейская группа чукчей-олeneводо-в. Среди них было немало крупных стадовладельцев, а значит, по социальной терминологии того времени числились они кулаками. До войны они удачно уходили от коллективизации: только нащупают их эмиссары со стороны Чукотки, они уйдут года на два в Корякию. Там начинают прижимать – снова на Чукотку. Этаким своеобразный, правда, вполне мирный партизанский прием» (Шарыпова, 2017: 81).

Жители села Ваеги – очевидцы драматичных событий, связанных с коллективизацией и раскулачиванием на Чукотке, вспоминали, что в 1940 г. был арестован и вывезен в поселок Анадырь крупный оленевод ваежско-хатырской тундры вилюнейский чукча Гемавье, где он покончил с собой. В последующем его трех сыновей убили, а их стада были изъяты и переданы в колхозы (Омрытхэут, 2008: 92; Нувано, 2008: 87). Процесс коллективизации на Чукотке был сложен и противоречив, в основном из-за ошибок и так называемых «перегибов», вызванных бездумным перенесением политики классовой борьбы на Чукотку, из-за невнимания к специфике уклада жизни оленеводов.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. партийные и советские органы округа и области поставили задачу полностью завершить коллективизацию на Чукотке. У последних единоличников Осиновской, Мухоморненской, Амгуэмской и Канчаланской тундр было изъято оленепоголовье и передано в колхозы, а их хозяева были арестованы (Андронов, 2008: 102–103).

Нежелание вступать в колхоз, а порой активное сопротивление происходили не только по инициативе зажиточных оленеводов, но и по вине партийных работников и руководителей колхозов. В 1940-х гг., по воспоминаниям старожилов, в колхозе «Полярная звезда» Марковского района запрещался забой личных оленей на питание. Население голодало. При этом начальство из всех сил пыталось поддерживать самые высокие показатели. Председателем колхоза был Александр Алин (чукчи называли его *Санькайнын* «большой Санька»), которого характеризовали как человека грубого, малообразованного, не обладающего организаторскими способностями (Задорин, 2011: 21). По воспоминаниям С. В. Кутына (умер в 2008 г.), председатель снаряжал целые экспедиции, приказным порядком брал молодых оленеводов, которые из с. Березово несли туши оленей в с. Марково для его родственников. Из-за тяжелой жизни были случаи массовых самоубийств (ПМА).

В Чаунском районе есть речка с названием *Рычван* (в переводе с чук. «личинка овода»). Название реке было дано по имени стадовладельца Рычвана, который не сумел приспособиться к новой жизни, когда у него и у его брата забрали оленей. Они посчитали, что у них не осталось смысла жить дальше и убили себя (ПМА).

В 1949 г. в с. Березово вспыхнул мятеж. Он был вызван тем, что оленеводам не выплачивалась зарплата, не начислялись трудовни, люди голодали. После его подавления все участники были арестованы. Многие умерли, некоторые вернулись из тюрем и ссылок только в 1960-х гг., жили в с. Марково, Чуванское (Омрытхэут, 2008; Нувано, 2008). Об этих событиях упоминал И. С. Гарусов (Гарусов, 1981: 131). Историк писал о проблеме раскулачивания в духе своего времени, участники событий были представлены врагами народа, саботажниками и преступниками.

Изменения технологии выпаса домашних оленей. Оленеводы были хорошо приспособлены к природным условиям Чукотки. До коллективизации большинство оленеводов зимой оставляли побережье и со своими стадами откочевывали в континентальную часть на границу с лесом, менее подверженную гололедам. Летовья стад были более или менее постоянны и

привязаны к морю или хребтам, где постоянные ветры и поздно тающие снега создают благоприятные условия летовки в отношении меньшего распространения комара, мошки и оводов (Друри, 1936: 107).

Однако, первые землеустроительные экспедиции на Чукотке усмотрели недостатки в традиционной системе оленеводства. В материалах Землеустроительной экспедиции Наркомзема 1932 г. указано, что «пастбища использовались бессистемно, при маршрутах кочевания в то время являлись нарушителями правил землепользования, совершали стихийные самозахваты земли. Но для чукотских оленеводов земля была их коллективной собственностью. При этом, они довольно строго придерживались маршрутов движения своих стад в соответствии с родовыми территориями. В исключительных случаях оленеводы могли оказаться на любой другой территории, регулируя отношения обычным правом.

При проведении первоначального землеустройства ставилась задача ликвидировать бессистемность и нерациональное использование угодий, сократить пути кочевания, приблизив население к культурным и экономическим центрам, отвести пастбищные угодья на расстояние не более 100–150 км от жилья, создав предпосылки перехода кочевых колхозов на оседлый образ жизни, путем устройства их около водных путей сообщения (Материалы... 1938).

Работы по землеустройству оленьих пастбищ фактически упразднили традиционные кочевые маршруты оленеводов. В 1950-х гг. были выделены несколько природно-производственных комплексов (ППК): Восточно-Тундровский, Марковский, Чаунский, Анадырский, Чукотский. При этом, природно-производственное районирование еще не стало жесткой системой. На стыках границ, где у оленеводов были общие интересы, имелись переходные зоны. Подобное использование соседних пастбищ оленеводами различных хозяйств традиционно практиковалось и до коллективизации (Комоедов, 1983: 35).

Модернизация оленеводства. В 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (История... 1989: 302). По сути, это постановление дало толчок к дальнейшей модернизации оленеводческой отрасли. За гибель оленей от стихийных бедствий через систему Госстраха стали выплачивать компенсации. Началось масштабное техническое переоснащение колхозов (в бригадах появились тракторы, вездеходы, дизельные установки и т.п.). Но широкое применение в оленеводстве техники при сохранении традиционных методов ведения хозяйства сделало эту отрасль очень дорогой.

В округе была проведена работа по качественному улучшению оленьего стада, его сохранности и увеличению делового выхода телят. Была начата племенная работа в оленеводстве и в хозяйствах округа было организовано 16 племенных стад.

В колхозы стали привлекать для работы квалифицированных специалистов – ветеринаров, зоотехников, экономистов. В конце 1950-х гг. осталась одна нерешенная до конца задача – перевод некоторой части кочевого населения на оседлость, переориентация его на занятие животноводством и земледелием.

В то же время, в конце 1950-х гг. каждое оленеводческое хозяйство было наделено своими границами землепользования, которое юридически и фактически исключали возможность нарушения границ соседних хозяйств даже в тех случаях, когда возникали чрезвычайные обстоятельства. Например, с выделением Беринговского района из состава Анадырского района в 1957 г. оленеводческие хозяйства Анадырского района были не вправе переходить границы района с выходом на морское побережье летом, и наоборот, оленеводы Беринговского района во время гололеда оставались на морском побережье (Комоедов, 1983: 35).

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сказать: в конце XIX в. оленеводство на Чукотке было товарным и крупностадным, при этом в полной мере сохраняя свои традиционные черты (в стойбищах жили полные семьи до четырех поколений, гендерное разделение труда в семье, комплексность и полная автономия хозяйства, уникальный чукотский

хозяйственный оленеводческий цикл, соблюдение оленеводческих обрядов и праздников обязательно для всех членов семьи).

Данные первой Приполярной переписи показали, что чукотское оленеводство в 20-х гг. XX в. держалось на достаточно высоком уровне. Численность оленепоголовья в те годы составляла 559 тыс. голов. На первоначальном этапе коллективизации был взят курс на бездумное изъятие оленей у населения, что привело к значительному уменьшению поголовья до 334 тыс. голов в 1934 г. В последующие годы коллективизации и раскулачивания развитие оленеводства как отрасли народного хозяйства было не значительным.

И только в 1950-х гг. начался подъем показателей в оленеводстве: улучшилось снабжение бригад продуктами питания, стали применять тяжелую технику для перекочевов, улучшилась учетная и селекционная работа. К концу 1958 г. поголовье оленей в округе составляло 384,5 тыс. голов (331,1 тыс. в колхозах и совхозах, 53,4 тыс. – в личной собственности).

В конце 1950-х гг. завершилась сплошная коллективизация в северных регионах России, в ходе которой большая часть частного поголовья домашних оленей коренных народов вместе с пастбищными угодьями была обращена в ранг коллективной, а по существу, государственной собственности. И все же, эти новшества вначале не оказывали существенного влияния на национальное самосознание коренных народов. Чукчи продолжали считать колхозные стада своими личными, в некоторых случаях бригадами становились бывшие владельцы оленьих стад, и весь уклад жизни оставался таким, каким был сотни лет до этого (Задорин, 2008: 127).

Так, в дневниках этнографа В. Г. Кузнецовой есть запись о семейной группе Тымнэнэнтына (описан период с 1948 по 1951 г.). Тымнэнэнтын был председателем первого в Чукотском районе колхоза «Тундровик». По словам Е. А. Михайловой он счастливо сочетал свой продвинутый социальный статус с традиционными ценностями: «Сам старик Тымнэнэнтын является большим приверженцем старины, соблюдения правил и обрядов старины, и в яранге строго поддерживается всякая обрядность, а отступление от нее считается нетерпимым пренебрежительным отношением к чукотским обычаям и пресекаются» (Михайлова, 2015: 29–35). Видимо, до коллективизации Тымнэнэнтын и его братья были владельцами собственных стад и хозяевами стойбищ.

Несмотря на серьезные социальные и политические преобразования на Чукотке, духовная жизнь оленеводов в течение нескольких десятилетий оставалась прежней: «если проследить жизнь оленных чукчей в течение года в том виде, в каком она существовала в прошлом, то оказывается, что не было сезона, в который не справлялся бы тот или иной праздник или обряд» (Кузнецова, 1957: 264). Но в отдаленной перспективе последствия оказались весьма значительными, а порой и необратимыми. Большая часть кочевого населения стала жить в поселках, была переведена на оседлость, традиционный хозяйственный и семейный уклад оленеводов был подорван.

Список литературы

- Андронов Б. М. Коллективизация по-чукотски. 1951–1952 годы // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 102–126.
- Архинчеев И. С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. XXXV. – Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – С. 43–98.
- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Богораз В. Г. Чукчи: Социальная организация. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2011. – 216 с.
- Богораз-Тан В. Г. Классовое расслоение у чукок оленеводов // Советская этнография. – 1931. – № 1-2. – С. 93–116.
- Васильев В. Н. Олени пастбища Анадырского края // Труды Арктического института. – Л., 1936. – Т. LXII. – С. 9–14.
- Вдовин И. С. Ваегские чукчи // Сибирский этнографический сборник. – Т. IV. – Изд-во АН СССР, 1962. – С. 153–164.
- Вольфсон А. Г. Происхождение чукотско-корякской культуры оленеводства. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. – 109 с.

- Государственный архив Чукотского автономного округа. – Ф. Р-3. – Оп. 1. Д. 3. – Л. 1, 2, 6.
- Гарусов И. С. О социальной принадлежности крупного оленевода Северо-Востока накануне коллективизации // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан; 1967. – Вып. IV. – С. 52–57.
- Гарусов И. С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки 1917–1952 гг. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1981. – 190 с.
- Друри И. В. Как был создан первый оленесовхоз на Чукотке // Краеведческие записки. – Вып. XVI. – Магадан, 1989. – С. 3–14.
- Друри И. В. Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукок Анадырского района // Труды Арктического института. – Л., 1936. – Т. LXII. – С. 105–123.
- Задорин В. И. Из истории похода чукчей в коммунизм и обратно // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 127–130.
- Задорин В. И. Коллективизация по-чукотски // Мир Севера. – 2011. – № 1. – С. 20–27.
- Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII века). – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009. – 444 с.
- История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1987. – 287 с.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М.: Мысль, 1989. – 492 с.
- Комоедов А. И. О пространственной организации оленеводства Чукотского автономного округа // Магаданский оленевод. – 1983. – Вып. 35. – С. 34–36.
- Крупник И. И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.
- Крупник И. И., Вахтин Н. Б. Научный отчет по теме «Экологические изменения и народные знания в Сибири и на Аляске (Раздел «Чукотка»». – СПб., 1996. – 53 с.
- Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. XXXV. – Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – С. 263–326.
- Олень – в языке, в жизни и в душе чукчей. – СПб.: Издательство «Лемма», 2016. – 214 с.
- Леонтьев В. В. Особенности культурно-хозяйственного развития народностей Чукотки на современном этапе (1958–1967 гг.). Окончательный отчет. – Магадан, 1969. – 300 с. Архив лаборатории истории и экономики (г. Анадырь) СВКНИИ ДВО РАН. Инв. № 838.
- Материалы по землеустройству Крайнего Севера. – Т. II. – Марковский и Анадырский районы Чукотского Округа. – М.: Полиграфкнига, 1938. – 211 с.
- Михайлова Е. А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. – СПб., 2015. – 190 с.
- Нувано В. Н. Трагедия в селах Березово и Ваеги. 1940, 1949 // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 85–90.
- Нувано В. Н. Традиционные маршруты кочевания оленеводов Восточной и Центральной Чукотки // Ориентиры развития Берингии в XXI в. Труды ЧФ СВКНИИ. – Магадан: ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – Вып. 8. – С. 180–190.
- Обручев С. В. По горам и тундрам Чукотки. Экспедиция 1934–1935 гг. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1974. – 239 с.
- Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 245 с.
- Омрытхэут З. Г. Восстание чукотских оленеводов // Литературная Россия. – 1997. – № 30. – С. 11.
- Омрытхэут З. Г. Эхо Березовского восстания. Очевидцы о событиях 1940 и 1949 гг. // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 91–94.
- ПМА – Полевые материалы авторов.
- Помишин С. Б. Происхождение оленеводства и domestikация северного оленя. – М.: Наука, 1990. – 141 с.
- Орловский П. Н. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия. – 1928. – № 2. – С. 61–70.
- Ресин А. А. Очерк инородцев Русского побережья Тихого Океана. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. – 78 с.
- Сергеев М. А. О статье И. С. Архинчеева «Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства» // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. XXXV, № II. – Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – С. 38–43.
- Сыроечковский Е. Е. Северный олень. – М.: Агропромиздат, 1986. – 256 с.
- Тан-Богораз В. Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север. – 1930. – № 6. – С. 63–79.
- Устинов В. И. Оленеводство Магаданской области. Состояние и перспективы развития. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1969. – 128 с.
- Устинов В. И. Оленеводство на Чукотке. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1956. – 160 с.

Хаховская Л. Н. Оленеводческие хозяйства Чукотки в 1930-х гг.: социальные и этнокультурные трансформации // VIII Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию образования Магаданской области / отв. ред. А. И. Лебединцев. – Магадан: ООО «Типография», 2014. – С. 40–46.

Хаховская Л. Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 112–127.

Шарыпова А. Н. Чукотка – судьба моя. – СПб.: Издательство «Лемма», 2017. – 348 с.

Коломиец О. П., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН.
Ул. Портовая, 16, Магадан, Россия, 685000.

Е
m

Нувано В. Н., научный сотрудник.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН.
Ул. Портовая, 16, Магадан, Россия, 685000.

Е
У
m
P
E
R
L
V
N
K
U
a
n
P
U
Y
a
a
a
b
k
H
o
p
k
k
k
b
p
o
P
m
a

Материал поступил в редакцию 05.10.2017 г.

Kolomiets O. P., Nuvano V. N.

THE CHUKCHI REINDEER BREEDING IN THE LATE XIX – THE FIRST HALF OF THE XX CENTURIES

This article describes one of the most important stages in the development of the reindeer breeding in Chukotka. The chronological scope of the study dates back to the late XIX – the first half of the XX centuries. This period is of special research interest due to the fact that at the turn of XIX–XX centuries and up to the first third of the XX century the Chukchi reindeer breeding developed on a traditional basis. Then under the influence of the political and economic changes breaking of the traditional management in the environment of the indigenous peoples of the North-East occurred. The paper presents statistical data on the number of deer herds in different years, the descriptions of reindeer herders' roaming places, information about their adoption to the settled way of living. With the economic structure changes social relations in the herders' environment began to change. At the same time the new principles of zoning and organization of deer farms were not linked to the traditional environmental management system and family relationships. A serious interference in the centuries-old culture had led to the significant changes in the Chukchi reindeer herders' lifestyle, changes in the system of values, significant socio-cultural changes that led to the results of regressing. The authors consider one of the dramatic episodes in the history of the country – the period of collectivization, its specific and consequences for the reindeer population of Chukotka. We use a wide range of sources and literature – archival materials, oral evidences (memory of the indigenous people of Chukotka), field notes, records and proceedings of party workers, land managers, historians, anthropologists and other scientists.

Key words: *The indigenous peoples of Chukotka, Chukchi, A traditional reindeer herding, Nomadic routes, Nomadic culture, Collectivization, The creation of the collective farm system.*

References

- Andronov B. M. Kollektivizacija po-chukotski. 1951–1952 gody. [The period of collectivization in Chukotka. 1951–1952] // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoras' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 102–126. (in Russian)
- Arhincheev I. S. Materialy dlja harakteristiki social'nyh otnoshenij chukchej v svjazi s socialisticheskoy rekonstrukciej hozjajstva. [The Materials for the characteristics of the Chukchi social relations in connection with the socialist reconstruction of the economy] // Trudy instituta etnografii: Novaya seriya. Sibirskii etnograficheskii sbornik. [The Proceedings of the Institute of Ethnography: New series. The Siberian ethnographic collection]. – T. XXXV. – № II. – M.; L., 1957. – P. 43–98. (in Russian)
- Bogoraz V. G. Material'naja kul'tura chukchej. [Material culture Chukchi]. – M.: Nauka, 1991. – 224 p. (in Russian)

- Bogoraz V. G. Chukchi: Social'naja organizacija [The Chukchi. Social organization]. – M.: Knizhnyj dom "LIBRIKOM", 2011. – 216 p. (in Russian)
- Bogoraz-Tan V. G. Klassovoe rassloenie u chukoch olenevodov. [Class stratification at chukoch reindeer breeders] // Sovetskaya etnografiya. [Soviet ethnography]. – 1931. – № 1-2. – P. 93–116. (in Russian)
- Vasil'ev V. N. Olen'i pastbishha Anadyrskogo kraja [Deer grazing in the Anadyr Region] // Trudy Arkticheskogo instituta. [The Proceedings of the Arctic Institute]. – T. LXII. – L., 1936. – P. 9–14. (in Russian)
- Vdovin I. S. Vaegskie chukchi. [The Vaegskie Chukchi] // Trudy instituta etnografii. Sibirskii etnograficheskii sbornik [The Proceedings of the Institute of Ethnography. The Siberian ethnographic collection]. – T. IV. – 1962. – P. 153–164. (in Russian)
- Vol'fon A. G. Proishozhdenie chukotsko-korjakskej kul'tury olenevodstva. [The origin of the Chukchi-Koryak reindeer herding culture]. – Vladivostok: DVO AN SSSR, 1991. – 109 p. (in Russian)
- Gosudarstvennyj arhiv Chukotskogo avtonomnogo okruga. [The State Archive of the Chukotka Autonomous District.]. – The P-3 Fund. – Op. 1. – D.3. – L. 1, 2, 6. (in Russian)
- Garusov I. S. O social'noj prinadlezhnosti krupnogo olenevoda Severo-Vostoka nakanune kollektivizacii. [On the social status of a North East Reindeer on the eve of collectivization] // Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya. [Notes of the Chukchi museum]. – Magadan, 1967. – № IV. – P. 52–57. (in Russian)
- Garusov I. S. Socialisticheskoe pereustrojstvo sel'skogo i promyslovogo hozjajstva Chukotki 1917–1952 gg. [The socialist reorganization of agriculture and fishing economy of Chukotka]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. – 190 p. (in Russian)
- Druri I. V. Kak byl sozdan pervyj olenesovhoz na Chukotke. [As the first was created olenesovkhoz on Chukotka] // Kraevedcheskie zapiski. [Local history notes]. – Magadan, 1989. – № XVI. – P. 3–14. (in Russian)
- Druri I. V. Pastbishnoe hozjajstvo i vypas oleney u chukoch Anadyrskogo rajona. [The Pasture management and deer grazing in the Chukchi Anadyr region]. // [The Proceedings of the Arctic Institute]. – T. LXII. – L., 1936. – P. 105–123. (in Russian)
- Zadorin V. I. Iz istorii pohoda chukchej v kommunizm i obratno. [From the history of the campaign in the Chukchi communism and back] // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoras' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 127–130. (in Russian)
- Zadorin V. I. Kollektivizacija po-chukotski. [Collectivization in Chukchi] // Mir Severa [World of the North]. – 2011. – № 1. – P. 20–27 (in Russian)
- Zuev A. S. Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraja polovina XVII – XVIII vek). [The Joining of Chukotka to Russia (the second half of the XVII-XVIII centuries)]. – Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2009. – 444 p. (in Russian)
- Istorija i kul'tura chukchej. Istoriko-jetnograficheskie ocherki. [The History and culture of the Chukchi. Historical and ethnographic essays]. – L.: Nauka, 1987. – 287 p. (in Russian)
- Istorija Chukotki s drevnejshih vremen do nashih dnei. [The Chukotka history from the ancient times to the present day]. – M.: Mysl', 1989. – 492 p. (in Russian)
- Komoedov A. I. O prostranstvennoj organizacii olenevodstva Chukotskogo avtonomnogo okruga. [About the spatial organization of reindeer breeding of Chukotka Autonomous Area] // Magadanskii olenevod [Magadan reindeer breeder]. – 1983. – № 35. – P. 34–36. (in Russian)
- Krupnik I. I. Arkticheskaja jetnojekologija. [Arctic ethnoecology]. – M.: Nauka, 1989. – 272 p. (in Russian).
- Krupnik I. I., Vahtin N. B. Nauchnyj otchet po teme «Jekologicheskie izmenenija i narodnye znanija v Sibiri i na Aljaske (Razdel «Chukotka»). [The Scientific report on "The Environmental changes and people's knowledge in Siberia and Alaska (The Section "Chukotka").]. – Saint-Petersburg, 1996. – 53 p. (in Russian).
- Kuznecova V. G. Materialy po prazdnikam i obrjadam amgugemskih olen'nyh chukchej. [The Materials on holidays and rites of the Amguema deer Chukchi]. // Trudy instituta etnografii: Novaya seriya. Sibirskii etnograficheskii sbornik. [The Proceedings of the Institute of Ethnography: New series. The Siberian ethnographic collection]. – T. XXXV. – № II. – M.; L., 1957. – P. 263–326. (in Russian)
- Kulikova I. V. Olen' – v jazyke, v zhizni i v dushe chukchej. [Deer – in language, in life and in soul the Chukchi]. – Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "Lemma", 2016. – 214 p. (in Russian)
- Leont'ev V. V. Osobennosti kul'turno-hozjajstvennogo razvitija narodnostej Chukotki na sovremennom jetape (1958–1967 gg.). Okonchatel'nyj otchet (Arhiv laboratorii istorii i jekonomiki (g. Anadyr) SVKNII DVO RAN. Inv. № 838). [The Specifics of the cultural and economic development of the peoples of Chukotka at the present stage (in 1958–1967 gg.). The final report). The Archives of the laboratory of history and economy (Anadyr) NEISRI FEB RAS. Inv. № 838)]. – Magadan, 1969. – 300 p. (in Russian)

- Materialy po zemleustroystvu Krajnego Severa. – T. II. Markovskij i Anadyrskij rajony Chukotskogo Okruga. [The Materials on the Land Management in the Far North. – T. II. The Markowski and Anadyrski District areas of the Chukotian District]. – M.: Poligrafkniga, 1938. – 211 p. (in Russian)
- Mihajlova E. A. Skitanija Varvary Kuznecovoj. Chukotskaja jekspedicija Varvary Grigor'evny Kuznecovoj. 1948–1951 gg. [The Wanderings of Varvara Kuznetsova. The Chukotka expedition of Varvara Grigorjevna Kuznetsova. 1948–1951]. – Saint-Petersburg, 2015. – 190 p. (in Russian)
- Nuvano V. N. Tragedija v selah Berezovo i Vaegi. 1940, 1949. [The tragedy in the villages Beryozovo and Vaegi. 1940, 1949] // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoras' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 85–90. (in Russian)
- Nuvano V. N. Tradicionnye marshruty kochevanija olenevodov Vostochnoj i Central'noj Chukotki. [The Traditional nomadic routes of the reindeer herders of the East and Central Chukotka] // Orientiry razvitiya Beringii v XXI v. Trudy ChF SVKNII. [The Landmarks of Beringia development in the XXI century. The Proceedings of the Chf NEISRI]. – Magadan: Chf SVKNII DVO RAN, 2004. – № 8. – P. 180–190. (in Russian)
- Obruchev S. V. Po goram i tundram Chukotki. Jekspedicija 1934–1935 gg. [On the mountains and tundra of Chukotka. The Expedition of 1934–1935. Magadan]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. – 239 p. (in Russian)
- Olsuf'ev A. V. Obshhij ocherk Anadyrskoj okrug, ee jekonomicheskogo sostojanija i byta naselenija. [A general outline of the Anadyr district, its economic status and living conditions of the population]. – Saint-Petersburg: tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1896. – 245 p. (in Russian)
- Omrythjeut Z. G. Vosstanie chukotskih olenevodov. [Revolt of the Chukchi reindeer breeders] // Literaturnaya Rossiya. [Literary Russia]. – 1997. – № 30. – P. 11. (in Russian)
- Omrythjeut Z. G. Jeho Berezovskogo vosstanija. Ochevidcy o sobytijah 1940 i 1949 gg. [The Echo of the Berezovsky uprising. Eyewitnesses of the events in 1940 and 1949 gg.]. // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoras' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 91–94. (in Russian)
- Polevye materialy avtorov. [The field materials of the authors]. (in Russian)
- Pomishin S. B. Proishozhdenie olenevodstva i domestikacija severnogo olenja. [Proiskhozhdeniye of reindeer breeding and reindeer domestication]. – M.: Nauka, 1990. – 141 p. (in Russian)
- Orlovskij P. N. God anadyrsko-chukotskogo olenevoda. [The Year of the Anadyr-Chukchi reindeer herder] // Severnaya Aziya. [The Northern Asia]. – 1928. – № 2. – P. 61–70. (in Russian)
- Resin A. A. Ocherk inorodcev Russkogo poberezh'ja Tihago Okeana. [The essay of the foreigners of the Russian coast of the Pacific Ocean]. – Saint-Petersburg: Tipografija A. S. Suvorina, 1888. – 78 p. (in Russian)
- Sergeev M. A. O stat'e I. S. Arhincheeva «Materialy dlja harakteristiki social'nyh otnoshenij chukchej v svjazi s socialistscheskoj rekonstrukciej hozjajstva». [About article I.S. Arkhincheeva "Materials for the characteristic of the social relations the Chukchi in connection with socialist reconstruction of economy"] // Trudy instituta etnografii: Novaya seriya. Sibirskii etnograficheskii sbornik. [The Proceedings of the Institute of Ethnography: New series. The Siberian ethnographic collection]. – T. XXXV. – № II. – M.; L., 1957. – P. 38–43. (in Russian)
- Syroechkovskij E. E. Severnyj olen'. [Reindeer]. – M.: Agropromizdat, 1986. – 256 p. (in Russian)
- Tan-Bogoraz V. G. Chukotskij obshhestvennyj stroj po dannym fol'klora. [The Chukchi social order according to folklore] // Sovetskii Sever. [The Soviet North]. – 1930. – № 6. – P. 63–79. (in Russian)
- Ustinov V. I. Olenevodstvo Magadanskoj oblasti. Sostojanie i perspektivy razvitiya. [The reindeer herding of the Magadan region. The state and development prospects]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. – 128 p. (in Russian)
- Ustinov V. I. Olenevodstvo na Chukotke. [The Reindeer herding in Chukotka. Magadan]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 160 p. (in Russian)
- Hahovskaja L. N. Olenevodcheskie hozjajstva Chukotki v 1930-h gg.: social'nye i jetnokul'turnye transformacii. [Reindeer-breeding farms of Chukotka in the 1930th: social and ethnocultural transformations] // VIII Dikovskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiju obrazovaniya Magadanskoj oblasti / otv. red. A. I. Lebedintsev. [VIII Dikovsky readings: Materials of the scientific and practical conference devoted to the 60 anniversary of formation of the Magadan region / otv. edition A. I. Lebedintsev]. – Magadan: OOO «Tipografija», 2014. – P. 40–46. (in Russian)
- Hahovskaja L. N. Sovetskaja modernizacija olenevodstva v otdalennyh severnyh regionah (na primere Anadyrskogo rajona Chukotki). [The Soviet modernization of reindeer breeding in the remote northern regions (on the example of the Anadyr region of Chukotka)] // Etnograficheskoe obozrenie. [The Ethnographic review] – 2011. – № 6. – P. 112–127. (in Russian)
- Sharypova A. N. Chukotka – sud'ba moja. [Chukotka – my destiny]. – Saint-Petersburg: izdatel'stvo Lemma, 2017. – 348 p. (in Russian)

Kolomiets O. P., PhD (History), leading researcher.

**North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch,
Russian Academy of Sciences.**

Ul. Portovaja, 16, Magadan, Russia, 685000.

E-mail: okkolo@mail.ru

Nuvano V. N., research associate.

**North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch,
Russian Academy of Sciences.**

Ul. Portovaja, 16, Magadan, Russia, 685000.

E-mail: vlad_nuvano@mail.ru

Попова С. А.

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО УРАЛА ПО МИФАМ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

Статья посвящена проблеме освоения Северного Урала, как территории расселения в прошлом предков северной группы манси. Предметом исследования являются этнографические, археологические сведения, отражающие этапы освоения данной части Урала и мифологические тексты, иллюстрирующие эти сведения. На фоне неравномерного заселения выявляется формирование разного актуального уровня и социального развития мифологических персонажей: богатыри песенной поры; объединения «хозяев» Урала; племена древних охотников; братские коллективы воинов, как автохтонов, так и пришлых. Материал статьи, в том числе и мансийская терминология, ориентирован на группу носителей северного наречия мансийского языка. Цель исследования – восполнить пробел в малоизученной теме по раннему заселению Урала и его первых поселенцах с привлечением мифологии.

Ключевые слова: Северный Урал, манси, мифологические эпохи, древние насельники, войны, расселение.

Современные археологические данные свидетельствуют о заселении Урала 200–250 тыс. лет назад (Культовые памятники... 2004: 3; Головнёв и др., 2015: 251). Огромная территория Западной Сибири, Урала, Приуралья была прародиной уральских народов, где жили племена общего происхождения и сходной культуры – уральцы (Соколова, 1979: 57). Распад угорской общности, т.е. начало обско-угорского времени относится к рубежу II и I тыс. до н.э. (Хайду, 1985: 196). Принято считать, что начало формирования группы северных манси можно отнести ко второй половине XV–XVI вв. (Попова, 2013: 41). Археологи отмечают колебание переселенческих волн и смену их длительными интервалами, в течение которых север Уральского региона не был заселён человеком. Превращение территорий в обитаемые включает несколько этапов: проникновение, освоение, заселение (Головнёв и др., 2015: 251).

В мифологии манси «отражены представления о существовании нескольких эпох: 1) самая древняя эра, время первотворения (*мā унтнэ йис*); 2) «богатырская эпоха»; 3) «эпоха мансийского человека»» (Лукина, 1990: 33). Этим эпохам соответствует жанровая классификация фольклорных текстов: мифологические, героические, бытовые и по народной терминологии: 1) *мā унтнэ йис* ‘эпоха, когда устанавливалась (букв. садилась) земля’ и *Эрыг йис нōра* ‘песенное древнее время’. Это время отражено в священных сказаниях (манс. *ялпыу мōйт*), где речь идёт о деяниях высших богов, о потопе, переселениях. 2) *нāй-ōтыр’ыт нōра* ‘эпоха героинь-богатырей’ или *тэрныу Эрыг нōра* ‘песенных сражений эпоха’, т.е. героические сказания о богатырях и богатыршах (великанах). 3) *мōйтыу нōра* ‘сказочное время’.

К самому раннему мифологическому времени относится появление Уральских гор – от брошенного *Нуми Тōрум’ом* ‘Верховный бог’ на землю его украшенного камнями пояса. Затем Урал предстаёт местом, «где обитают и откуда приходят к людям некоторые духи, богатыри-предки» (Культовые памятники... 2004: 235). Мифологические фигуры (духи, божества) часто выступают в образе богатырей (манс. *ōтыр’ы*). Богатыри-предки *Эрыгōтыр’ыт* ‘богатыри песенной поры’, воспетые в мансийских старинных песнях-сказаниях (*нēs йис Эрыг-потыр*) представляют *йис пора* ‘древнее время’. Сказания, в которых оно находит отражение, манси называют священными сказками (*ялпыу мōйт*), исполняются они, как правило, в песенной форме, поэтому их называют ещё и священными песнями (*ялпыу Эрыг*). Множество песенно-сказочных сюжетов о богатырях были записаны Н. Л. Гондатти в период пребывания у манси (1888). «Богатыри – *похатур* или *отыр*, великаны. Прежде жили на небе и прислуживали богам; они были долговечны, их жизнь продолжалась до 300–400 лет. Кем они созданы – свиде-

тельств нет. Затем, когда их стало много, они были спущены на землю. Здесь они стали бороться и драться между собой – главным образом из-за женщин и довели дело до того, что *Нуми Торум* устроил Потоп, во время которого они все и погибли. Их обожествили, но почитаются только те, которые умерли своей смертью, а не погибли от потопа или не окаменели: поскольку некоторые из них были превращены в камень за своё безбожие и за дерзостное намерение напасть на богов» (Гондатти, 1888: 36–37, 46). По поводу превращения первых насельников земли в *пупыг* ‘духов’, например, В. Н. Чернецов пишет: «Сначала были богатыри *эрыг отырыт*, которые так же жили в *макол* ‘землянках’. Находимые черепки глиняной посуды принадлежат им. Они всё время воевали. Почти все были перебиты, а кто из них остался в живых, стали *пупыг*» (Источники... 1987: 150). Продолжением истории с «богатырями песенной поры» могут послужить мифы об огненном и водном потоке *Ялпын Сякв* ‘Священное Молоко’. Потоп же, якобы, случился из-за того, что богатыри всё время воевали друг с другом. Верховному божеству манси *Нуми Тõрум*’у надоели их распри, и он решил их уничтожить. Сначала наслал на них *Исум вит канай* букв.: горячий поток воды, но вода была не просто горячей, а огненной, поскольку сожгла всё на своём пути: «Кончика дерева не осталось, человека не осталось» (Ромбандеева, 1999: 4). Последствием этого катаклизма манси считают встречающийся в слоях обвалившихся берегов рек красный песок, почитают его как кострище древних людей. Например, в д. Менквя, около священного дома (манс. *яныг кол*) имеется «кострище», угол которого из красного песка. К нему не подходят, чтобы не нарушить святость. За нарушение запрета всегда ожидает наказание. Люди заметили: если корова или другое копытное животное, наступит на этот песок, то у него удлинится копыто (Попова, 2003: 35). Во время огненного потопа многие великаны попрятались в землянках (манс. *м̄акол*), и он их не настиг, тогда *Нуми Тõрум* устремил на них *яныг вит канай* ‘огромный поток воды’, и они все погибли.

В других вариантах об этих же событиях говорится, что какой-то части богатырей-великанов всё же удалось выжить, они спаслись благодаря тому, что были предупреждены и успели сделать семислойные листовенничные (из осины) плоты: «*Ань молал Ялпын Щакв вара ламет сатпис ханка ййв тосыглым Эква-дйка тытты*. При прошедшем потоке сделанных семислойных осиновых трухлявых [плотах] мужчина и женщина вот они». (Ромбандеева, 1999: 4). Плоты были привязаны к дереву при помощи веревки (каната), сплетённой из корня тальника (*тип ййв* ‘дуба-тальника’), но не все верёвки выдержали, и часть населения была унесена водой. Например, жителей, оказавшихся в верховьях Уральских рек, унесло на плотках вниз по течению, и они очутились в низовьях реки Сосьвы и на р. Сыгве (*Сакв-я*=Ляпин), а проживавших здесь, в свою очередь, унесло далеко на Обь. Они действительно считаются между собой кровнородственными людьми [по духу-покровителю] и называют друг друга «брат» и «сестра» (Ромбандеева, 1993: 44). Таким образом, родственные половинки оказались по одну и другую сторону Урала, и этот факт в будущем сыграет ключевую роль в заселении уже болотисто-лесистой части Западно-Сибирской низменности.

Оставшуюся часть бывших обитателей низовий гигантская вода (манс. *вит канай*) подняла вместе с плотами вверх, а сама опустилась, поскольку пребывала недолго, всего на время *акв н̄ут пайтнэ сыс хулиг̄алыс* ‘на время варки одного котла оставалась’. Реки, которые поднимали свои воды, манси называют *Лапум-я* = (*н̄ох*) *Лапум-я*, букв.: (по направлению вверх) карабкающаяся река. На территории проживания северной группы их три – Лепля (*Л̄эл-я*), Лобыня (*Л̄апын-я*), *Сакв-я* (Сыгва=Ляпин) (Попова, 2017: 18; Попова, 2008: 55). Все они имеют горные истоки, и потому следует понимать, что плоты прибило к выступающим из воды вершинам Урала.

На новой территории великаны вновь принялись воевать и к тому же оказались не очень дружелюбными в отношении обитавших здесь жителей (не великанов). Кем были эти жители, не известно, о них лишь имеются отрывочные сведения, которые можно позаимствовать из

преданий, касающихся топонимов и оронимов Урала. Отдельные исследователи мансийской топонимии связывают с Потопом появление названий некоторых горных массивов, где на вершинах удалось спастись какой-то части автохтонного населения, которое уже тогда здесь обитало (Матвеев, 1976: 20; Слинкина, 2011: 18–19). О пребывании на Урале богатырей песенной поры, исследователь мансийской топонимии А. К. Матвеев даёт следующие сведения: «В верхне-сосвинской топонимии с *эрыг дтырыт* (хумит) связан целый ряд наименований: *эрыг дтырыт*, *эрыг хумит нёл*, *эрыг хумит ур*, *эрыг хумит ўс ёр*, *эрыг хумит я*. Особенно притягателен мыс *эрыг хумит нёл*, на котором, по преданию, собирались богатыри, ставшие после смерти духами-покровителями, и пели те же героические песни, которые и сейчас исполняют манси» (Матвеев, 2011: 237). Следовательно, по мифологическим представлениям манси, Урал первоначально «обживался» духовно: «Они [богатыри «песенной поры»] стали первыми духами-покровителями, сами научили людей делать изображения *пупыг* ‘духа’, и наказали делать их впредь, в память о минувших временах. Наказы до людей донесли боги, которые строго смотрят за их исполнением» (Гондатти, 1888: 37).

В священных сказках (*ялтың мбйт*) за эпохой богатырей песенной поры идёт время, в котором «живут» уже не боги и духи, а *йис порат мэхум* ‘древнего времени народ’. Речь в них идёт о женских коллективах великанш, они представляются первыми обитателями и хозяевами Урала, но со временем исчезают. Одно из таких объединений *Торум щир* (*сир*) букв. ‘по-божески’, от слов *Торум* ‘бог, небо, верх’ и *щир* (*сир*) ‘по’ послелог (но не «племя» как его обычно переводят). *Торум щир* – это ассоциативное мифологическое название обитателей гор, которые подобно богу (по-божески) живут высоко, вверху. Они представляют население верхней (небесной) территории, и их называют верховными, небесными, как параллель мифологическому странству низменной болотисто-лесной зоны, которое населяют низовые, земные жители.

Известно, что в образование *Торум щир* входили коллективы *Порнэ* ‘женщина Пор’ и *Мбщнэ* ‘женщина Мбщ’. Оба коллектива считаются женскими, в мифах и преданиях говорится об их детях – дочерях, сыновьях (даже взрослых), но никогда о мужьях. Этих персонажей не следует путать с земными *Порнэ* и *Мбщнэ*, они различаются по времени существования (раннее и позднее) и по росту (великанши и среднего роста). Уральскую *Порнэ*, в отличие от *Порнэ* земной, называют «умной женщиной» и «мудрой хозяйкой гор», она принимает равное с *Торум* участие в создании условий для проживания людей, когда наступит время «долгой человеческой жизни, вечной человеческой жизни». Когда *Нуми Торум* ‘Верхний бог’ создавал земные блага для человека, верховная *Порнэ* перечила многим его благим намерениям. Например, он хотел, чтобы в реках вдоль одного берега вода текла вниз, а вдоль другого – вверх, тогда людям будет проще ездить. *Порнэ* возмутилась и сказала, что человеку слишком выгодно будет жить, без трудностей он станет ленивым и вымрет. *Нуми Торум* согласился с ней, и реки потекли в одном направлении. Другой пример, когда *Порнэ* на эту же тему спорит с *Мбщнэ*, события же происходят во времена, когда люди были бессмертными. «*Порнэ* озабочена тем, что размножившимся людям будет недоставать пищи; *Мбщнэ* предлагает сделать реки масляными, а *Порнэ* видит выход в том, чтобы люди стали смертными. Концовка звучит так: «*Порнэ* хоть и злая, но умная, а *Мбщнэ* глупая, хоть и добрая». Нужно заметить, что здесь выражена оппозиция *мбщ – пор*, обратная общепринятой у обских угров: «*Мбщнэ* – очень умная и хитрая женщина, а *Порнэ* глупее» (Лукина, 1990: 45).

Пребывание хозяйки гор *Порнэ*, следовательно, и её коллектива, заканчивается с появлением нового мифологического персонажа *Сорни Най* ‘Золотая Богиня’. В предании не говорится, откуда она пришла, но: «Золотая Богиня пытается перейти через горы. На её пути встаёт *Порнэ* ‘женщина Пор’, которая считает себя хозяйкой гор. В противостоянии силы оказываются неравными, и Золотая богиня превращает *Порнэ* в гору. Так она наказала хозяйку гор за то, что та осмелилась её задержать» (Слинкина, 2011: 213). Пришлый коллектив тоже женский, но возможно с более передовыми технологиями, поскольку в мифах «золотой, серебряный,

блестящий» обычно употребляется в отношении одежды и вооружения воинов. Свидетельством событий может рассматриваться гора, которая имеет название «Бубен», но манси обращают внимание на то, что если на неё посмотреть с другого ракурса, то она приобретает силуэт лежащей на спине женщины – это и есть хозяйка гор *Порнэ*. О пребывании в горах *Сорни Нэй* больше ничего не известно, далее она фигурирует в низменной таёжной части.

Другой уральский женский коллектив – *Мёцнэ*, какое-то время ещё пребывал на Урале, но со временем разделился на мелкие группы *Ёрн кол урнэ мэхум* и *Лусхал Эква мэхум*, которые известны в восточной таёжной части предгорий. Эти две мелкие группы и в настоящее время представляют верхнесосьвинскую часть северных манси.

В период, когда существовали коллективы *Порнэ* и *Мёцнэ*, стали появляться на Среднем Урале племена великанов: *мёукв’ов*, *ўтицит*. Они представляются уже человеческими коллективами древних охотников, например, в сюжете космогонического мифа «О погоне и добыче шестиногого лося» говорится, что «женщина видела, как *мёукв* шестиногого лося гнал». О первых поселенцах Урала как охотниках на крупных стадных копытных, передвигавшихся вслед за стадами лося по путям их сезонных миграций, высказываются и учёные археологи (Культовые памятники... 2004: 78, 130; Павлов, 2015: 59). Неизвестно, какие это были этносы, неизвестен и их язык, в мифах и *мёукв’ы* и *ўтици* общаются посредством свиста. Значительные человеческие объединения манси называют *султмил*. Выражение образное, в его основе лежит символическое название мужчины *султум* ‘искра’, а *султмил* – нечто большое, образовавшееся из сложенных частичек искр (мужчин) (ПМА).

Наиболее часто упоминаются *силум мёукв султмил* ‘силачей *мёукв’ов* *султмил*’. В данном контексте лексема *силум* от глагола *силаянукве* означает ‘рассечь, разрезать одним взмахом’, т.е. это показатель силы. Объединение *мёукв’ов*, представляет группу уральских *пор*. В. Н. Чернецов объясняет отношение *мёукв’ов* к *пор* так: «тотемы *пор*: кедр, лиственница и съедобное растение *порыг*. В *порыг* превращается *мёукв* и от него же, по-видимому, происходит само название фратрии» (Чернецов, 1939: 30). Мы ведём речь о *мёукв’ах* насельниках Урала, они *пор* – племя (группа, коллектив) бродячих охотников и собирателей. Пока ещё не фратрии, которые будут позже, когда *мёукв’ы* окажутся на восточной части низменности, и, согласно преданию, медведица съест куст этого самого растения *порыг*, после чего у неё родятся два сына-медвежонка и «дочь», которая и станет родоначальницей фратрии земной *пор*. О долгом пребывании *мёукв’ов* на Урале свидетельствуют многочисленные названия горных местностей: «*Мёукв ахвас*, *мёукв месыг*, *мёукв’ыт ур*, *Мёукв пёварам нильтау* ‘обрыв с которого свалился *мёукв* на р. Тапсуй (Матвеев, 2011: 238). Большие пещеры или провалы в горах манси называют *мёукв колың сяхл* ‘жилище *мёукв’ов*’; *ахвас кол ёлнэ ур* ‘возвышенность, где находится каменное жилище’ (Слинкина, 2011: 129). Названий очень много, все перечислить в этой статье нет возможности. В мифе «Как создали человека» сказано, что *мёукв’ы* – это первые люди, первые семь человеческих фигур, вырубленных из лиственницы и канувшие в неизвестность от дуновения *Тёрум’а* (Мифы... 1990: 299). Дерево лиственница – символ *мёукв’ов* (живут в домах из их огромных стволов, имеют лиственничные посохи, носят обувь из коры лиственницы). В мифах они предстают как огромные люди в одеждах из шкур; социальная организация – братья, но между собой не дружны.

Мёукв’ы будут фигурировать и в следующих этапах, но уже в других ролях: как отважные воины; воспитатели юношей-охотников; в наши дни как охранники священных мест. Информанты рассказывают, что их можно и сейчас встретить, или, в крайнем случае, почувствовать. Например, по р. Висум есть очень высокая белая скала, около неё нельзя свистеть. Если кто отважится на это, то в него летят деревья, вырванные с корнем. Другой пример: однажды шаман взял в руки бубен, стуча по нему начал на эту скалу подниматься, но поднявшись до первого выступа, полетел вниз, как от удара неведомой силы. Интересно, что с ним ничего не случилось, кроме испуга (ПМА).

Наравне с *мёукв'*ами в качестве представителей древних уральцев *пор* выступают – *силум ўтицит султмил* ‘силачей *ўтици султмил*’, буквально: общество «свистунов» от звука *уц/уч* «свист». Они, как и *мёукв'*ы носили одежду из шкур; язык их общения – свист; жили небольшими группами; имели ту же заботу – найти, что поесть; по силе и росту равные; проживают в домах из лиственниц. Их главное отличие в том, что *ўтици* «имели от чудных украшений [татуировок] слишком безобразные лица, руки, ноги» (Шешкин, рукопись). Возможно, потому в фольклоре они представляются в образе недобрых персонажей *кирп нёп ѓва-ойка*. Современный перевод *кирп нёп ѓва-ойка* ‘имеющие корку на носу женщина-мужчина’, от *кирп* ‘гной, корка’ и *нёп* ‘нос’. Но, с точки зрения автора, более точным следует считать перевод *нёлит* «имеющие корки от ран [татуировок] женщина-мужчина» (*polit* см.: Чернецов, Чернецова, 1936: 85). *Ўтици* встречаются в текстах медвежьих песен, где отмечается и такая их особенность, как умение превращаться в росомуху, волка, медведя. Несмотря на общую с *мёукв'*ами принадлежность к *пор*, проживали от них отдельно. *Ўтици* приходили на Урал с мифологической низменной земли *самсай м̄а* ‘за глазами земля’, т. е. невидимая, оставленная. Но они не оставались здесь постоянно, переходили на западную сторону Уральских гор, а затем, когда там наступал период глубоких снегов, возвращались обратно на свои земли. В последующих этапах истории манси они проявятся как часть уральских воинов, а в низменной лесной зоне в образе «*пуныу сампа ур ўтици* ‘волосатоглазый лесной *ўтици*’» (см. Карьялайнен, 1995: 174–175).

В период освоения Урала мифологические перемещения отмечаются на фоне постоянных конфликтов и войн, где на первый план выступают мужские, братские коллективы воинов: местные, уральские – *мёукв'*ы, *ўтицит*, *Тўлям Урыу Ойка* с братьями *Кёр Кёнтыу Сāt Отыр*’ыт и пришлые *Мōицхум* с братом *Кёр Хоура Хум* и товарищами.

*Мёукв'*ы в этот период перевоплощаются в бесстрашных воинов в «блестящей одежде из серебра и золота» (очевидно доспехи), внушающих страх даже сыновьям Верховного бога. Например, идёт *мёукв* войной на город, где охранителем является средний сын Нуми *Тōрум’а – Тāгт Котиль Ойк’и*, а герой, боится *мёукв’а*. Отец спрашивает: «Чего ты напугался?» – «А как не испугаться, когда он блестит как золото (а у него одежда была золотая), и когда он так многих побил» (Гондатти, 1888: 23).

Воинами становятся и *ўтицит*, как они воевали, не говорится, так как они всегда выступают в единении с *мёукв'*ами. У войска *мёукв’ов* и *ўтицит* один предводитель – *Тўлям Урыу Ойка* ‘Мужчина Охранитель Хребтов’, если точнее, то *тўля* ‘пальцы’, т.е. охранитель выступов горных хребтов, похожих на пальцы. Он тоже великан, «имеет силу тридцати мужчин», отважный воин. В мифах и его призывной песне не рассказывается, с кем он воевал, только то, что он защищал вверенный ему народ, который в случае опасности «хвтался за луки». За совершённые подвиги был причислен к сонму героев-богатырей (манс. *нāй-ōтыр’ы*) и «посажен» духом-покровителем (манс. *пупыг*) селения *Няхцам вōль пāвыл* (с. Няксимволь). Его братья *Кёр Кёнтыу Сāt Отыр* ‘[в] Железных Шапках Семь Богатырей’, не уступали ему ни в силе, ни в росте, и так же, как он, за совершённые подвиги были «посажены» духами-покровителями на территории *Хулюм Я сунт* (д. Хулимсунт) (ПМА).

Пока уральцы сражались в междоусобных войнах, на Северный Урал проникли новые, чужие воины, которых привёл *Мōицхум* ‘Мужчина *Мōиц*’. В одном из сюжетов космогонического мифа «О погоне и добыче шестиногого лося» говорится, что *Моицхум* выскочил из своей колыбели и пустился вдогонку за *мёукв’ом*, который гнал лося (Источники... 1987; Мифы... 1990: 297). Герой мифа начинает преследовать лося с южной части Урала (манс. *ур алы ḡвыл* ‘начальные/южные горы’) и заканчивает погоню уже на северной его части (манс. *ур лўйи ḡвыл* ‘конечные/северные горы’), здесь *Мōицхум* настигает усталого зверя и саблей отрубает ему две задние конечности. Его дорога имеет отражение на звёздном небе, например, созвездие Млечный путь

манси называют лыжнёй *Мѵцхум’а* (*Мѵцхум ёсаң лѵх*) и говорят, что лыжи они научились делать, глядя на эту лыжню. В походе вместе с ним принимает участие его брат по матери *Кѵр Хоура Хум* ‘Мужчина [с] Железными Подколенниками’ (Источники... 1987: 29, 268). Очевидно, что, догнав лося, *Мѵцхум* догнал и *мѵкв’а* и, имея явное преимущество в вооружении (сабли, подколенники) и тактическую мобильность (на лыжах), ему удалось оттеснить *мѵкв’ов* (народ с луками) и поселиться здесь самому. Об этом в мифе далее говорится, что: «когда *Мѵцхум* со своими товарищами настиг лося, то они жили здесь семь лет, пока всего его не съели» (там же, с. 269). Мифологические «семь лет» в истории человечества, могут исчисляться не одной сотней, а то и тысячей лет. В мифах не показаны какие-либо военные действия с пришлым *Мѵцхум’ом*, но говорится о двух разных враждебных объединениях – *пор*, к которым относятся *мѵкв’ы*, *ѵтици* и их предводитель *Тѵлям Урыу Ойка* и *мѵц* во главе с *Мѵцхум’ом*. Народ *мѵц* с духом-предком в образе богини *Калтац* сакральным символом которой являются берёста, и само дерево берёза. А *мѵкв’ы* ничего так не боятся, как лица, прикрытого берестяной маской (манс. *сас нѵл*). Увидев маску, *мѵкв’ы* в беспамятстве убегают, натываются на палки, сучья, протыкают глаза, живот, и падают замертво (там же, с. 157).

Уральцы *пор* в итоге оказываются на низменной болотисто-таёжной территории. Как принято у завоевателей, *мѵц* *мѵхум*, насаждая своих богов и героев на отвоёванной территории, делают всё возможное, чтобы уничтожить и придать забвению прежде почитаемых кумиров. С этой целью, воинов *мѵкв’ов* и *ѵтици* превращают в глупых существ и людоедов, т.е. это негативные сверхъестественные существа. В то же время, отступая с гор, *мѵкв’ы* оттесняли народы, с уже обжитых территорий, поэтому особо страшными людоедами они представляются в сказках соседних с манси народами. В сказках же группы северных манси, *мѵкв’ы* оказываются в роли добрых дедушек, помогающие мальчикам приобретать навыки охотников, например, диалог бабушки с вернувшимся из леса внуком: «Ну, каких ты хороших дедушек [*мѵкв’ы*] имеешь. Я думала, что дедушки тебя съедят». – «Нет, дедушки меня очень жалеют» (Тягт ос Сакв... 2001: 57). И, если следовать информации Л. Н. Гондатти, полученной им от манси на Северной Сосьве, где речь идёт о появлении мансийского языка после Потопа (Гондтти, 1888: 36), то, по мнению автора в период *мѵкв’ов* его уже можно обозначить т.к. название *мѵкв* в древне-мансийском языке означало *мон-кав* ‘мать-отец’. В языке соответствует слову *щѵнь-ац* ‘родители’ букв. мать-отец. В настоящее время манси к этому слову относятся с пренебрежением (это тоже один из факторов, который даёт негативное отношение к сказочным персонажам *мѵкв’ам*), поскольку древнее название родителей в наше время являются словами из ненормативной лексики (инвектива) (ПМА).

Отступив в таёжно-равнинную часть, *мѵкв’ы* объединились с подобным себе – высоким, сильным и выносливым, но с положительной характеристикой лесным народом *мис* (*мис* *мѵхум*) (Попова, 2016: 108).

Из вышеизложенного материала следует, что Урал и его предгорья были заселены в мифологическом времени, с которого идёт отсчёт эпохам (эрам). Самая ранняя эпоха в народной памяти осталась как время творений верховных богов и духов и созданных ими «богатырей песенной поры», которых они спустили вниз, а затем наказали. После Потопа, уцелевшая часть вновь оказались вверху, и это уже следующая эра. В то же время, на Урале обитали семейно-женские племена великанш и между ними тоже случались войны, но и они постепенно исчезли. На смену пришли мужские коллективы древних охотников великанов, а затем и мужские братские воинские объединения. Из всех мифологических персонажей выделяются *мѵкв’ы*, о которых на основе лексического анализа можно сделать вывод, что они являются исконно мансийским компонентом.

Список литературы

- Головнёв А. В., Павлов П. Ю., Широков В. Н. Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук [Отделение историко-филологических наук РАН, Институт этнологии и антропологии РАН; отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков]. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2015. – 620 с.
- Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Типография Е. Г. Потапова. 1888. – 59 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 284 с.
- Каръялайнен К. Ф. Религия югорских народов. – Т. 2.: Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.
- Культовые памятники горно-лесного Урала / Коллектив авторов. – Екатеринбург, УрО РАН, 2004. – 431 с.
- Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. – М.: Наука. Глав. редакция восточной литературы, 1990. – С. 5–58.
- Матвеев А. К. Нёройки караулят Урал. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1976. – 213 с.
- Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимии и горной части Северного Урала / А. К. Матвеев; отв. ред. Т. Н. Дмитриева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та, 2011. – 260 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. – М.: Наука. Глав. редакция восточной литературы, 1990. – 568 с.
- Павлов П. Ю. О первоначальном заселении Урала // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 50–59.
- Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
- Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 138 с.
- Попова С. А. Этническая история и мифологическая картина манси. – Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2013. – 86 с.
- Попова С. А. Миграции манси и фольклорные мотивы: к проблеме фольклора как исторического источника (на примере северной группы манси) // Вестник угроведения. – 2016. – № 4 (27): Научно-теоретический и методический журнал. – Ханты-Мансийск, 2016. – С. 101–114.
- Попова С. А. Медвежий праздник на Северном Урале. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. – 76 с. перераб., добавл.
- Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). – Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское книжное изд-во, 1993. – 208 с.
- Ромбандеева С. М. *Mǎgǵy tǒrmǵy sǒsxatǵylam ǵryǵ* Песня как земля с неба перелилась / Луима сэрипос =газета. – Ханты-Мансийск, 1999. – № 9–10. 16 марта. – С. 4.
- Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2011. – 484 с.
- Соколова З. П. К происхождению современных манси // СЭ. – 1979. – № 6. – С. 46–58.
- Тăгт ос Сакв мǎхум потраныл-мǎйтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. – Вып. 1: Сǎлы урнэ ѓйка мǎйт. Сказки оленевода / перевод с мансийского, составление, предисловие, примечания С. А. Поповой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 108 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. – 430 с.
- Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20–40.
- Чернецов В. Я., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.: Гос. уч-пед. изд-во, 1936. – 116 с.

Источники

ПМА, БФ ОУИПИИР (1994–1999).
Шешкин П. Е. Тетради // Фонд ХМФ – 1143.

Попова С. А., кандидат исторических наук.

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.

Ул. Мира, 14, Ханты-Мансийск, 628011.

E-mail: Rusina-popova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15.10.2017 г.

Popova S. A.

THE ANCIENT POPULATION OF THE NORTHERN URALS ACCORDING TO THE MYTHS OF THE NORTHERN MANSI

The article is devoted to the development of the Northern Urals as the territory of the settlement of the ancestors of the Northern group of the Mansi people in the past. The subjects of the research are ethnographic and archaeological data reflecting the stages of development of this part of the Urals as well as mythological texts which illustrate these data. Against the background of unequal settlement the formation of different actual level and social development of mythological characters revealed: the epic heroes of the song times; unions of the "owners" of the Urals; the tribes of ancient hunters; fraternal groups of soldiers both the autochthons and the aliens. The material of the article, including Mansi terminology, focuses on a group of native speakers of the Northern dialect of Mansi language. The purpose of the study is filling a gap in the insufficiently studied theme about the early colonization of the Urals and its first settlers on the materials of mythology.

Key words: *Northern Ural, Mansi, mythological epochs, ancient population, wars, resettlement.*

References

- Golovnjov A. V., Pavlov P. Ju., Shirokov V. N. Istoki i tradicii ural'skih kul'tur: prostranstvenno-vremennaja dinamika [The origins and traditions of the Ural cultures: spatial-temporal dynamics]. Tradicii i innovacii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk [Traditions and innovations in history and culture: a program of basic research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]. – M.: In-t jetnologii i antropologii RAN Publ., 2015. – 620 p. (in Russian)
- Gondatti N. L. Sledy jazychestva u inorodcev Severo-Zapadnoj Sibiri [Vestiges of paganism among the allogeneous people of the North of Western Siberia]. – M.: Tipografija E. G. Potapova Publ., 1888. – 59 p. (in Russian)
- Istochniki po jetnografii Zapadnoj Sibiri [Sources on Ethnography of Western Siberia]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1987. – 284 p. (in Russian)
- Karjalajnen K. F. Religija jugorskih narodov. – T. 2. – Perevod s nemeckogo i publikacija d-ra ist. nauk N.V. Lukinoj [The religion of the peoples of Yugra. Vol. 2. Translated from the German and published by N.V. Lukina]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1995. – 284 p. (in Russian)
- Kul'tovye pamjatniki gorno-lesnogo Urala [Cultic monuments of the mountain-forest Urals]. – Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. – 431 p. (in Russian)
- Matveev A. K. Njorjoki karauljat Ural [Njorjoka's guard the Urals]. – Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1976. – 213 p. (in Russian)
- Matveev A. K. Materialy po mansijskoj toponimii i gornoj chasti Severnogo Urala [Materials on Mansi toponymy and mountainous part of the Northern Urals]. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. In-ta Publ., 2011. – 260 p. (in Russian)
- Lukina N. V. Preface. Mify, predanija, skazki hantov i mansi [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi]. – M.: Nauka. Glav. redakcija vostochnoj literatury Publ., 1990. – 568 p. (in Russian)
- Mify, predanija, skazki hantov i mansi [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi]. – M.: Nauka. Glav. redakcija vostochnoj literatury Publ., 1990. – P. 5–58. (in Russian)
- Pavlov P. Ju. O pervonachal'nom zaselenii Urala [About the original settlement of the Urals] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural historical bulletin]. – 2015. – № 2 (47). – P. 50–59. (in Russian)
- Popova S. A. Obrjady perehoda v tradicionnoj kul'ture mansi [Rites of transition in the traditional culture of the Mansi people]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. – 180 p. (in Russian)
- Popova S. A. Mansijskie kalendarnye prazdniki i obrjady [Mansi calendar holidays and rites]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2008. – 138 p. (in Russian)
- Popova S. A. Jetnicheskaja istorija i mifologicheskaja kartina mansi [Ethnic history and mythological picture of the world of the Mansi people]. – Khanty-Mansiysk: Izd-vo Jugrafika Publ., 2013. – 86 p. (in Russian)
- Popova S. A. Migracii mansi i fol'klornye motivy: k probleme fol'klora kak istoricheskogo istochnika (na primere severnoj gruppy mansi) [Migrations of the Mansi people and folklore motifs: to the problem of folklore as a historical source (on the example of the Northern group of the Mansi)] // Vestnik ugrovedenija [Bulletin of Ugrian studies]. – 2016. – № 4 (27). – P. 101–114. (in Russian)

- Popova S. A. Medvezhij prazdnik na Severnom Urale [The Bear's Holiday in the Northern Urals]. – Khanty-Mansiysk: OOO «Pechatnyj mir g. Hanty-Mansiysk» Publ., 2017. – 76 p. (in Russian)
- Rombandeeva E. I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura (po dannym fol'klora i obrjadov) [The history of the people of the Mansi (Voguls) and their spiritual culture (on the data of folklore and traditions)]. – Surgut: AIK «Severnyj dom» i Severo-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1993. – 208 p. (in Russian)
- Rombandeeva S. M. Mägyg törmüg soshatyglam eryg Pesnja kak zemlja s neba perelilas' [Mägyg törmüg soshatyglam eryg Song how the earth from the sky poured] // Luima sjeripos = gazeta [Luima seripos = newspaper]. – 1999. – № 9, 10. – March 16. – P. 4. (in Russian)
- Slinkina T. D. Mansijskie oronimy Urala [Mansi oronyms of the Urals]. – Khanty-Mansiysk: OAO Izdatel'skij dom «Novosti Jugry» Publ., 2011. – 484 p. (in Russian)
- Sokolova Z. P. K proishozhdeniju sovremennyh mansi [To the origin of the modern Mansi people] // SJe [SE]. – 1979. № 6. – P. 46–58.
- Tägt os Sakv mähum potranly-möjtanyl. Rasskazy-skazki naroda Sos'vy-Sygy. Vyp. 1. Säly urnje öjka möjtyt. Skazki olenevoda [Tägt os Sakv mähum potranly-möjtanyl = Stories-tales of the people of Sosva-Sigva. Iss. 1. Säly urnje öjka möjtyt = Tales of the reindeer]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. – 108 p. (in Russian)
- Hajdu P. Ural'skie jazyki i narody [Uralic languages and peoples]. – M.: Progress Publ., 1985. – 430 p. (in Russian)
- Chernecov V. N. Fratrial'noe ustrojstvo obsko-jugorskogo obshhestva [Phraternal system of the Ob-Ugric society] // SJe [SE]. – 1939. – № 2. – P. 20–40.
- Cherecov V. Ja., Chernecova I. Ja. Kratkij mansijsko-russkij slovar'. S prilozheniem grammaticheskogo ocherka [Brief Mansi-Russian dictionary. With the application of the grammar essay]. – M.: Gos. uch-ped. izd-vo Publ., 1936. – 116 p. (in Russian)

Sources

- PMA [Field materials of the author], HMF OUIPlIR (1994–1999) [Khanty-Mansiysk folklore archive of OUIARD (1994–1999)].
- Sheshkin P. E. Tetradi [Workbooks]. Fond HMF 1143 [The fund of Khanty-Mansiysk folklore archive 1143].

Popova S. A., Candidate of Science in History.

Ob-Ugric Institute for Applied Studies and Designs.

Ul. Mira, 14, Khanty-Mansiysk, 628011.

E-mail: Rusina-popova@yandex.ru

Рудковский И. В.

СИММЕТРИЧЕСКИЙ «COPYRIGHT» ОРНАМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО-XIV, ИЛИ $1 + 1 = 1$

Статья посвящена могильнику Фирсово-XIV (Алтайский край), уникальному по своим размерам, составу и сохранности. Данный могильник исследовался сплошными раскопами дважды: 1987–1996 и 2010–2011 гг. С керамических сосудов, выявленных в каждый из этих периодов полевых исследований, была проведена симметрометрия орнаментальных комплексов эпохи бронзы. Несмотря на значительную разницу между двумя массивами орнаментальных текстов (555 бордюров против 216), сходство форм, полученных симметрограмм, оказалось близким к максимальному. Результаты исследования, с одной стороны, подтвердили правило минимальной выборки, превышение которой не влияет на статистику, но, с другой – оставили в прежнем нерешённом состоянии проблему необъяснимой устойчивости комбинаторики типов симметрии в орнаментальных комплексах археологических культур. Кроме этого, симметрический «copyright» Фирсова-XIV весьма необычен для фёдоровской культуры, к которой формально принадлежит данный комплекс.

Ключевые слова: эпоха бронзы, фёдоровская культура, орнаментальный комплекс, симметрометрия, «copyright» культуры.

За последние семь лет автором было проанализировано 42 орнаментальных комплекса методом археологической симметрометрии, и значительная часть результатов этих исследований опубликована (Рудковский, 2010, 2013, 2015, 2016). Большая часть из них (34) относится к комплексам андроновской культурно-исторической общности (АКИО). Интересные результаты получены по синташтинским и по раннесредневековым комплексам. Можно утверждать, что орнаментальные культуры древних человеческих сообществ использовали присущие только им комбинаторики бордюрных симметрий. Однако, в некоторых редких случаях, наблюдаются нестандартные сбои в формировании комбинации симметрий, что придаёт таким орнаментальным комплексам необычное «звучание». Именно к такого рода комплексам относится, безусловно, орнаментальная коллекция могильника Фирсово-XIV.

Работа с обозначенным комплексом имеет некоторую историю. Впервые с ним удалось поработать в 2003 г. с любезного разрешения А. Б. Шамшина. Имеется в виду коллекция, полученная из раскопок 1987–1996 гг., которая до сих пор, к сожалению, не опубликованная. Результат симметрометрии оказался достаточно неожиданным: геометрия симметрограммы (два ярко выраженных пика по четвёртому и шестому типам бордюрной симметрии) никак не ассоциировалась с фёдоровскими симметрограммами (что ожидалось), но ничем не отличалась от алакульских. Тем не менее, эта информация оказалась вполне в контексте проблемы происхождения андроновского населения восточных областей АКИО (Солодовников, 2003). Имеется в виду уже некоторая сумма признаков с отчётливой алакульской «окраской»: показания симметрометрии орнамента, обилие металла в погребальной практике, антропологические данные.

На первом этапе при симметрометрии использовался пакет из семи типов бордюрной симметрии, предложенный А. В. Шубниковым и считающийся во всех профильных публикациях незыблемым (Шубников, Копчик, 1972). Однако, легитимация восьмого типа (выделенного самим же А. В. Шубниковым) (Рудковский, 2010: 214) потребовала пересчёта всех ранее обработанных орнаментальных комплексов, в том числе и Фирсово-XIV.

На втором этапе, учитывая новый классифицирующий тип симметрии, была проведена коррекция андроновских симметрограмм. Изменилась нумерация типов, что важно при сравне-

нии симметрометрий первого этапа с последующими. Однако, несмотря на определённые опасения, общая исходная геометрия «ревизуемых» симметрограмм принципиально не изменилась. Не изменился и «алакульский» характер симметрограммы Фирсово-XIV (табл. 1 и 2, № 1).

Таблица 1

Проценты содержания типов бордюрной симметрии в орнаментальном комплексе могильника Фирсово-XIV по годам раскопок и в сумме

Номер серии Фирсово-XIV	Кол. сосудов	Кол. бордюров	Типы бордюрной симметрии							
			1	2	3	4	5	6	7	8
			Процент содержания типов в сериях							
№ 1 (1987–1996)	135	555	34,2	17,7	2,7	3,6	13,5	7,5	19,8	1,0
№ 2 (2010–2011)	51	216	36,0	23,3	2,5	1,0	14,5	5,4	16,7	0,6
№ 3 (1987–2011)	186	771	35,1	20,5	2,6	2,3	14,0	6,5	18,9	0,8

Публикация материалов могильника из раскопок 2010–2011 гг. (Кирюшин и др., 2015) предоставила возможность продолжить работу с орнаментальным комплексом этого памятника. Предметом третьего этапа исследования стал вопрос однородности. Такие огромные некрополи, по всей видимости, формировались в течение достаточно продолжительного времени и, казалось бы, логично предположить какие-то изменения в строе орнамента на погребальной посуде. Для выяснения какой-либо динамики в области орнаментики требуются некоторые условия. Во-первых, комплекс должен быть не просто репрезентативен (более 30 сосудов), но должен, при необходимости, быть разделён на несколько репрезентативных групп (хотя бы на две группы, каждая числом более 30). Во-вторых, выделенные группы должны представлять собой сплошные выборки (ни в коем случае не «надёрганные», или «наиболее характерные») по ходу сплошных раскопок. При кажущейся простоте представленные условия в подобном сочетании обнаружить не так просто. Большинство публикаций керамических комплексов представляют собой либо минимальные разовые выборки, либо достаточно крупные коллекции, но легендированные не настолько хорошо, чтобы разделить их в нужном порядке. Фирсово-XIV, в этом плане, тот самый удачный случай, когда раскоп 2010–2011 гг. органично продолжил более ранние раскопки А. Б. Шамшина и, соответственно, предоставил вторую репрезентативную серию орнаментов, пригодную для сравнительного анализа.

Таблица 2

Симметрограммы орнаментального комплекса мог. Фирсово-XIV 1987–1996 (тонкая линия) и 2010–2011 гг.

В результате стандартной процедуры вычисления была построена симметрограмма для второй серии орнаментов рассматриваемого могильника (табл. 1 и 2, № 2). Сходство с первой серией, как по отдельным параметрам, так и по общей конфигурации, оказалось, если не абсолютным, то почти приближенным к таковому. Какие выводы и рассуждения уместны в связи с полученными наблюдениями?

Во-первых, это касается непосредственно Фирсова-XIV. Необычность симметрограммы этого андроновского могильника не случайная флюктуация: это подтверждалось трижды и итоговую симметрограмму этого комплекса (табл. 3) можно считать окончательной.

Во-вторых, не случайным можно считать, что наряду с Фирсово-XIV сходие по конфигурации симметрограммы дали географически близкие ему могильники Подтурино и Кытманово (Рудковский, 2010: рис. 1). Эту группу памятников, возможно, следует рассматривать как маркер территории очень важной в плане генезиса андроновских культур к востоку от Иртыша.

В-третьих, появился новый нюанс в вопросе типологии андроновских симметрограмм. До недавнего времени уверенно можно было говорить о двух типах: алакульском и фёдоровском. Первый выделялся специфическим сочетанием показателей по пятому, sixthому и седьмому типам бордюрной симметрии, придающим симметрограмме вид «двугорбой» кривой. Фёдоровские же симметрограммы выделялись тем, что упомянутые параметры визуально вычерчивали один разнопологий холм с акцентом на пятый, шестой, или седьмой типы. Кроме того, в «фёдорове», в среднем, более высокий показатель по второму типу (именно он серьезно нарушает «алакульский» облик симметрограммы Фирсово-XIV). В целом легитимность этих двух типов остаётся в силе, однако, выделение группы алтайских комплексов (Фирсово-XIV, Кытманово и Подтурино) с необычной комбинаторикой типов симметрии даёт веское основание полагать, что оригинальные симметрические «copyrights» могут маркировать не только археологические культуры, но и относительно небольшие субкультурные образования и, возможно, даже отдельные памятники.

Таблица 3

Итоговая симметрограмма орнаментального комплекса мог. Фирсово-XIV (1987–2011 гг.)

В-четвёртых, наблюдается интересный эффект, когда симметрометрия одного, двух или более репрезентативных орнаментальных групп одного памятника даёт один и тот же результат. Точно тот же результат мы получаем и суммируя эти показатели (как если бы сумма слагаемых равнялась каждому из слагаемых). В этом смысл части заголовка статьи: $1+1=1$.

В заключение, уже не в первый раз, констатируем, что природу и сам механизм формирования таких удивительно устойчивых комбинаций симметрий в археологических орнаментах понять пока невозможно. Основная сложность в поиске решения этой проблемы в том, что огромные связанные тексты орнаментальных комплексов на погребальной керамике формируются на протяжении очень длительного времени, разными людьми и, чаще всего, «оказательно». Иначе говоря, смерти, и связанные с ними ритуальные действия, редко планируются заранее, и крайне сложно предположить, что каждая последующая смерть становилась частью заранее запланированной композиции в ряду предыдущих и последующих обрядов, в целом, и в построении орнамента на погребальной посуде, в частности.

Список литературы

- Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Тур С. С., Пилипенко А. С., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. – Барнаул, 2015. – 208 с.
- Рудковский И. В. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики: дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2003. – 169 с.
- Рудковский И. В. Комбинаторика бордюрных симметрий в андроновских орнаментальных комплексах // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2010. – Вып. 4/1 (68/1). – С. 213–222.
- Рудковский И. В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы, 2013. – 192 с.
- Рудковский И. В. Симметрометрия синташтинских орнаментов // Древний Торгай и Великая Степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина. – Костанай; Алматы, 2015. – С. 424–431.
- Рудковский И. В. Орнаментальные комплексы на керамике раннего средневековья из могильников Томского Приобья (Опыт симметрометрии) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. – Томск, 2016. – Вып. 4(14). – С. 74–85.
- Солодовников К. Н. Антропологические данные о формировании населения Верхнего Приобья в эпоху ранней и поздней бронзы // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Кн. 1. – Барнаул, 2003. – С. 172–178.
- Шубников А. В., Копцик В. А. Симметрия в науке и искусстве. – М., 1972. – 339 с.

Рудковский И. В., канд. ист. наук.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: lemke2@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25.10.2017 г.

Rudkovsky I. V.

SYMMETRIC "COPYRIGHT" OF THE ORNAMENTAL COMPLEX OF THE BURIAL GROUND FIRSOVO-XIV, OR 1 + 1 = 1

Unique in dimension, composition and preservation the burial ground Firsovo-XIV (Altai Krai) was studied twice by continuous excavations (1987–1996, 2010–2011). Were carry out the study referred to as *symmetriometria* of ornamental complexes of the bronze age from the ceramic vessels of each of these excavation periods. Despite the considerable difference between the two arrays of ornamental texts (555 borders against 216), the similarity of the forms of the symmetrogramms was close to maximum. Results of the research, on the one hand, confirmed the rule of the minimum selection, whose excess doesn't influence the statistics, but, on the other hand, the study left unresolved the problem of inexplicable stability of combinatorial order of types of symmetry in ornamental complexes of archaeological cultures. Besides, symmetric "copyright" Firsova-XIV is very unusual for a "Fyodorovsky culture" to which this complex formally belongs.

Key words: *the Bronze Age, Fyodorovsky culture, ornamental complex, symmetriometria, «copyright» of culture.*

References

- Kirjushin J. F., Papin D. V., Tur S. S., Pilipenko A. S., Fedoruk A. S., Fedoruk O. A., Frolov J. V. Pogrebal'niy obrjad drevnego naselenija Barnaul'skogo Priobja: materiali is raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV [Funeral ceremony of the ancient population of the Barnaul Priobye: materials from excavation of 2010–2011 of the soil grave-digger Firsovo-XIV]. – Barnaul, 2015. – 208 p. (in Russian)
- Rudkovsky I. V. Sistemoobrasujushie invarianty andronovskoy ornamentiki [Systembrushes invariants of Andronovo ornamentation]: dis. kand. ist. nauk. – Omsk, 2003. – 169 p. (in Russian)
- Rudkovsky I. V. Kombinatorika bordjurnih simmetry v andronovskih ornamental'nih kompleksah [Combinatorics of the curb symmetries in Andronovo ornamental complexes] // *Izvestija Altaiskogo gosuniversiteta* [News of Altai state University]. – Barnaul, 2010. – Vip. 4/1 (68/1). – P. 213–222. (in Russian)
- Rudkovsky I. V. Andronovskaja ornamentika v kontexte sistemoobrasujuschih invariantov. [Andronovo ornamentation in the context of systembrushes invariants]. – Almaty, 2013. – 192 p. (in Russian)
- Rudkovsky I. V. Simmetrometrija sintashtinskih ornamentov [Simmetrometria of the Sintashta ornaments] // *Drevniy Torgay i Velikaja Step: thast i zeloe. Sbornik nauthnih statey, posvjashenny 70-letnemu jubileyu Viktora Nikolaevitha Logvina.* [Ancient Torgau and the Great Steppe: the part and the whole. Collection of scientific papers dedicated to the 70th anniversary of Viktor Nikolayevich Logvin]. – Kostanay; Almati, 2015. – P. 424–431. (in Russian)
- Rudkovsky I. V. Ornamental'nie komplekсы na keramike rannego srednevekov'ja is mogilnikov Tomskogo Priobja (Opit simmetrometrii) [The ornamental complexes of ceramics of the early middle ages from the burial grounds of Tomsk Ob river area (The attempt of symmetrometria)] // *Tomsky Journal LING i ANTR.* – Tomsk, 2016. – № 4(14). – P. 74–86. (in Russian)
- Solodovnikov K. N. Antropologicheskie dannye o formirovanii naselenija Verhnego Priobja v epohu ranney i posdney bronsi [Anthropological data on formation of the population of the Top Priobye during an era of early and late bronze]. // *Istoriicheskiy opyt hosyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Sapadnoy Sibiri.* [Historical experience of economic and cultural development in Western Siberia] – Kn. 1. – Barnaul, 2003. – P. 172–178. (in Russian)
- Shubnikov A. V., Kopzik V. A. Simmetria v nauke i iskusstve. [Simmetria in science and art]. – M., 1972. – 339 p. (in Russian)

Rudkovsky I. V., Candidate historical sciences, Associate Professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: lemke2@yandex.ru

Тадышева Н. О.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ (АЛТАЙЦЕВ, ХАКАСОВ И ТУВИНЦЕВ): АРХАИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ И НОВАЦИИ

В статье определяются значение и роль архаических культов в настоящее время в традиционной культуре тюрков Саяно-Алтая. Проведенное исследование показывает, что в современной похоронно-поминальной обрядности тюрков Саяно-Алтая наблюдаются общие черты – сохранение значения культа предков, сакральность огня, ритуализированный характер поминальной трапезы, обряды перехода – обряд «ночевки», проводы души и другие. Интерес представляют и трансформации, характеризующие особую картину мира для алтайцев, тувинцев и хакасов. Формирование основных характерных признаков современной традиционной обрядности происходило в результате влияния разных государственных образований, религиозных учений и социокультурных изменений общества. Хотя общий мировоззренческий пласт, свойственный для народов Саяно-Алтая, был модифицирован, однако можно утверждать, что в определенном контексте они продолжают действовать и сейчас.

Ключевые слова: семейная обрядность, похоронно-поминальный обряд, устойчивость, изменчивость, Саяно-Алтай.

Современный похоронно-поминальный обрядовый комплекс тюркских этносов Саяно-Алтая – алтайцев, хакасов и тувинцев – является объединением ряда компонентов: традиционного тюркского обряда (сочетающего в себе как шаманские, бурханистские, так и архаические элементы), элементов общесоветской обрядности, внедрявшейся на протяжении нескольких десятилетий XX в., и элементов новых представлений и практик, возникших в ходе духовных поисков в постсоветский период, на которые повлияли, в том числе, и инокультурные контакты. В данной статье не ставится задача полного описания всего комплекса современного похоронно-поминального ритуала тюркских этносов, а обращается внимание на одинаковые сюжеты в представлениях о смерти и связанные с ними обряды у алтайцев, хакасов и тувинцев. Также исследуются особенности похоронно-поминальной обрядности, характерные для каждого из исследуемых тюркских этносов Саяно-Алтая.

Исследование трансформации семейных обрядов является актуальной задачей, и важнейшее значение таких исследований заключается в том, что прослеживаются одновременно как тенденции их сохранения, так и изменения, появившиеся в обрядовой практике.

Трансформации похоронного обряда, как наиболее консервативной составляющей семейной обрядности, отражают наиболее глубинные пласты процессов, происходящих в традиционной культуре. Поминальная обрядность – это мощный инструмент поддержания и активизации культурной памяти не только в масштабах семьи, но и всего общества (Соколова, 2013).

Схожие сюжеты. Употребление особого определенного языка – **иносказательность**: вместо слова «умер», у алтайцев говорят: «*кижи короды*», «*ол јерге атана берди*» – «на тот свет отправился», «*ада-ёбёкёнигјерине јуре берди*» – «ушел в мир предков», «*јада калды*», «*божой берди*» – «скончался» (Тадышева, 2011: 129). У тувинцев чаще всего употребляют следующие выражения: «*кызыл дустай берген*» – «отправился на тот свет», «*тываажаннай берген*» – «отправился в рай» (Ултургашева, 2013: 390), а у хакасов: вместо обычного «уреп парган» («умер») говорят: «*сын чирзер парыбыстыр*» – «ушел в истинную землю», «*тігі чирзер парыбыстыр*» – «ушел в иной мир», «*тозыл парган*» «скончался», «*тілаас пол партыр*» – «новость пришла», «*хомай пол партыр*» – «случилось плохое» (Бурнаков, 2009: 128).

По традиционным представлениям алтайцев со смертью заканчивается жизнь только в этом мире, но она продолжается в мире предков. Информанты называют его как «*ада-ёбёкёниг јери*» – «мир предков», «*айлу-күндү ол Алтай*» – «луно-солнечный тот Алтай», «*ол*

jer» – «та земля» (Тадышева, 2011: 130). Безусловно, на представления о мире предков сильное влияние оказывает **культ предков**. Существует мнение, что, когда умер человек, нельзя много плакать, сильно страдать. Считается, что умершему будет трудно «уйти на тот свет». Слезы, пролитые над ним, это лишние препятствия на его дороге. «*Ат өлбөскө алтын ба, эр өлбөскө мөнүн бе*» – «Лошадь не умирать – разве золото, человек не умирать – разве серебро» гласит алтайская пословица. У каждого своя судьба, у каждого свой путь. Пожилые алтайцы зачастую заранее готовятся, они говорят: «*јанар керек*» (букв. «домой возвращаться надо»). Считается, что смерть – это неизбежное явление для пожилых, проживших свою жизнь среди людей.

И в хакасской традиции смерть воспринималась как явление закономерное и неподвластное человеку. «*Ікі олім полбас, пірден ос полбассын*» – «Два раза не умирать, одной не избегать» (Бурнаков, 2009: 126).

Умершего готовят к жизни в «ином» мире, алтайцы кладут ему в гроб различные продукты (кроме молочных), *көжөгө* (свадебный занавес для женщины), посуду; если человек курил, то курительные принадлежности. Все эти предметы специально либо рвут, либо ломают. Намеренная порча вещей обусловлена верой в перевернутость иного мира. Люди верили, что в потустороннем мире жизнь устроена наоборот: разломанная вещь приобретёт целостность. В гроб не кладут предметы, изготовленные из кожи хищных, когтистых животных, колющие, режущие, а также золотые предметы.

Тувинцы и в наши дни продолжают снабжать умершего сопроводительным инвентарем. В гроб кладут головной убор, расческу, нитку, продукты. Кладут в гроб и иголку, хотя некоторыми и отмечается запрет на любые колющие предметы (Кисель, 2009: 75, 81).

У хакасов также в гроб кладется доля покойника – личные вещи, посуда, мешок с провизией и курительные принадлежности (если курил) (Бурнаков, 2009: 133). Исследователи объясняют это верой в то, что после смерти человек также нуждается в пище, одежде и в различных предметах домашнего обихода. Поэтому погребение человека есть не что иное, как снабжение его всем необходимым в дальнейшей жизни, прощание с ним и отправление в новый мир (Майнагашев, 1915: 278).

Распространен **обряд «ночевки»** покойного. В Туве в доме умершего всю ночь (иногда три ночи подряд) рядом с трупом сидят пожилые родственники. Они ведут тихие беседы на отвлеченные бытовые темы, играют в настольные игры (Кисель, 2009: 78).

Хакасы в течение всего срока до погребения покойника не оставляли одного дома. В двенадцать часов ночи накрывался стол для тех, кто будет находиться возле покойника. Эти люди должны были бодрствовать всю ночь до рассвета. По сообщению Н. Ф. Катанова, «если кто-нибудь заснет, то придет тень умершего человека и задушит его». На ночь покойника закрывают покрывалом (Бурнаков, 2009: 133).

В алтайской традиции пока умерший лежит в доме, он один не остается, в доме всегда должно находиться много людей. Каждого зашедшего приглашают за стол отведать угощения, чтобы умерший в «тот мир» отправлялся сытым. Спать ночью в доме, где лежит покойник, нельзя. Люди сидят, потихонечку разговаривают, пьют чай, мужчины играют в карты. Все направлено на то, чтобы родственники одни не оставались, чтобы ночью «черные силы», которых в эти дни собирается очень много, не причинили вреда родственникам покойного (Тадышева, 2011: 132).

Следующим важным обрядом является «**проводы души / поминальное подношение / кормление души**» как обряд перехода, отделение от прежней среды (бытия) и включение в новую среду (иногобытия) путем совершения действия. Как свидетельствуют полевые материалы в настоящее время алтайское население в соответствии с традицией во время поминок на 3-й, 7-й и 40-й день совершают так называемый обряд «*кижинин төгүзи*». В большинстве случаев обряд не называют вслух, поэтому во время траура говорят «*чачу*» или «*чачылга (чачылта)*» (букв. «кропление», здесь «кормление душ умерших»). Поминальное подношение

умершим «*tögü*» (букв. «*tögötöni*» – выливать) совершают в день похорон и во время поминок вечером. Специально для обряда закалывают овечку: берут мясо с сакральных частей туши овечки, нанизывают его на острые деревянные палки и опускают в казан с «*köçö*» (мясная похлебка из перловки). Варят мясо «*канын кайнада*» до полного вываривания крови.

При посещении дома умершего родственники, близкие, друзья, все кто приходят попрощаться, помянуть приносят с собой продукты – чай, хлебобулочные изделия, сладости, фрукты, водку или сок, но обязательно нечетное количество. Из продуктов, которые принесли, берется нечетное количество кусочков, которые с тыльной стороны ладони кладутся в отдельную посуду. Варят чай из новой пачки, без молока, готовят одну бутылку водки. Все виды еды должны быть нечетного количества. Молочные продукты не употребляются.

Вечером на закате солнца летом в 8–9 часов, зимой в 5–6 часов – «*кызыл энирде*» (букв. красный вечер, здесь сакральное время, считается, что в этот период открывается дверь в мир предков) близкие умершего, старшие в семье идут совершать обряд «*чачылга*», на который приглашают «*неме билер кижиги*» (букв. нечто знающие люди), «*кёсмёкчи*» (букв. ясновидящие). На обряд идут нечетное количество людей. Женщины и дети не участвуют в данном обряде.

Все продукты и посуду оставляют на месте обряда, домой с собой ничего не берут. После возвращения люди умывают лицо, руки, очищаются огнем. Садятся за стол, тихо разговаривая, кушают (Тадышева, 2015: 227).

В тувинской семейной обрядности в доме, где находился покойник, на специальном столике, ставили небольшие чашечки с ритуальным угощением и зажигали свечу, которая должна гореть 49 суток. Смысл этого обряда заключается в кормлении души покойного и освещении ему пути в царство Эрлик-хана. Основа кормления – запахи еды, от любого блюда необходимо положить небольшую ложечку еды рядом со свечой на блюде. Если приносились какие-либо продукты из магазина, надо было отщипнуть, отломить небольшие кусочки и тоже положить на столик. Со временем эта ритуальная еда могла зачерстветь, высохнуть, но ее нельзя было выбрасывать, а собирать в небольшой мешочек. Этот мешочек, с другими продуктами, которые готовились на поминальный обряд на 49 дней, сжигался на костре. У тувинцев костер разводят во время обряда кормления покойного, который проводится на 7-й и 49-й день поминовения (Ултургашева, 2013: 390).

В хакасской традиционной культуре для умершего накрывают отдельный стол. Каждый прибывший на похороны родственник кладет в чашу для покойного угощение и *хабах* (спиртные напитки). На стол обязательно ставится чай с молоком, кладутся кондитерские изделия, отваренные куски мяса, костный мозг, печень, почки, мясо курицы (для женщины) или петуха (мужчины), иногда баранья голова. На похоронах забивали крупный рогатый скот. Животное, которое закалывали на похороны в честь умершего, называли «*тёоги*». В качестве *тёоги* для мужчин выступал бык, а для женщин – корова. При разделке туши кости рубить запрещалось, расчленяли по суставам. Сохранение целостности костяка несло в себе семантику возрождения и непрерывного воспроизводства скота, а в некоторых случаях *тёоги* выступал еще и в качестве ездового животного в загробный мир (Бурнаков, 2009: 133).

В похоронно-поминальной обрядности тюрков Саяно-Алтая значительное место играет **культ огня**. Возжигание огня после смерти человека обычай свойственный многим народам. У тувинцев сохраняется и в настоящее время обычай – держать в доме покойного зажженный светильник, его роль играет буддийская лампада – бронзовая или латунная чашка на высокой ножке, в которую налито масло и плавает хлопковый фитиль, тувинцы называют ее *чула* (Кисель, 2009: 76).

Очистительные функции огня представлены в действиях тюрков Саяно-Алтая при контакте с умершим: люди, которые мыли покойника, очищаются водой и огнем. Вернувшись с кладбища, люди умывались, очищались дымом от костра из сухой травы (Тадышева, 2011: 133).

Хакасы, вернувшись с похорон, умывались, окуривались дымом ирбена (богородская трава, чабрец), что символизировало очищение после контакта с миром мертвых (Бурнаков, 2009: 135).

По возвращении с кладбища тувинцы окуривают себя тлеющими ветками можжевельника и совершают очистительное омовение рук и лица водой, смешанной с молоком и раскрошенным сухим можжевельником (Кисель, 2009: 90).

Через огонь устанавливается и связь с миром предков. Огонь рассматривается, как способ отправки жертвоприношений в иной мир и имеет корни в индоиранских культурах. Так, чтобы умерший мог воспользоваться своими вещами в том мире, передача происходит через сжигание. Обряд сожжения – обряд иранского происхождения. Видимо, здесь прослеживаются иранские религиозные представления, по которым огонь был самой чистой сферой, через которую бог принимал от людей жертвы.

После проведения похорон и поминальных обрядов *контакты с иным миром ограничивались*, соблюдаются ритуалы, ограждающие живых людей от его влияния.

Хакасы, возвращаясь с кладбища, не оглядывались, так как считалось, что за ними может последовать *сюне* (душа) умершего (Бурнаков, 2009: 135).

Тувинцы в старые времена не посещали могилу. Если кто-либо посетит могилу, черти мертвеца сразу же «поймают» душу того посетителя. Затем тот человек без души заболевает и умрет. На могиле бывают только черти, которые отобрали душу того покойника, который там лежит (Кенин-Лопсан, 2002: 81).

Алтайцы, возвращаясь с кладбища, не оглядываются назад, считается, что «черные силы» пойдут за процессией (Тадышева, 2011: 133).

С. Д. Майнагашев писал: «На последних поминках через год после смерти человека с ним прощаются, с тем, чтобы больше не иметь никаких сношений. После этого теряется всякая связь между живыми и умершими. Последний становится на общее положение душ умерших и носит название “юзют”» (Майнагашев, 1915: 278).

Называть новорожденного в честь умершего родственника также нельзя. Пожилые алтайцы объяснили это так: когда именем умершего называют ребенка, то родственник с таким именем в мире предков будет постоянно беспокоиться, ведь его «зовут» в солнечном мире (Тадышева, 2011: 100).

Также по старинному обычаю тувинцев нельзя называть громко имя того, кто «ушел за красной солью» (умершего). Кто громко произносит имя того, кто «ушел за красной солью», того ждет беда или он отделяется от жизни (Кенин-Лопсан, 2002: 81).

Четкая регламентация и обязательное соблюдение ритуала в современной похоронно-поминальной обрядности говорит о его сакральности. Не теряет своего значения представление, что, если по поводу смерти не были выполнены похоронные обряды, умерший обречен на жалкое существование – он не может проникнуть ни в мир мертвых и включиться в сообщество, которое там сложилось, ни остаться в мире живых. Чтобы умерший был включен в мир предков, проводятся обряды перехода – отделения и включения, с целью сохранения преемственности поколений. Не включенный становится *көрмөсөм* черной силой, который может приносить беспокойство и несчастья, и чтобы защитить, оградить семью, себя необходимо проводить обрядовые действия без нарушения общепринятых норм и правил поведения.

Отличительные моменты. В тувинской похоронно-поминальной обрядности заметно *влияние буддизма*. Так, тувинцы, в настоящее время заказывают в *хурээ* в буддийском храме поминальную молитву, которая совершалась либо ежедневно, либо через каждые 7 суток, пока не наступили завершающие 49-е сутки (Ултургашева, 2013: 390).

В настоящее время в Туве на похороны обязательно приглашают ламу. До выноса тела лама совершал специальную молитву, направленную на то, чтобы обеспечить душе покойного максимально благоприятное перерождение, желательно снова в человеческом теле (Ултургашева, 2013: 390).

На прощание с покойным или для общения с его «душой» жители г. Кызыла часто приглашают поочередно шамана или ламу. Конкретный час выноса трупа, время похорон и место погребения (при наличии нескольких кладбищ) нередко определяются ламой, шаманом или авторитетными пожилыми родственниками. Как считают исследователи, данная ситуация не отражает стирания между шаманским и буддийскими установками, а демонстрирует двоеверие (Кисель, 2009: 76–77).

Практически по всей Туве распространен русский похоронный обычай одевать умершего в новый или мало поношенный костюм. Но в некоторых поселках Население продолжает следовать буддийскому ритуалу и покойника хоронят без одежды, завернув в полотнище белой ткани – саван. На юго-западе Тувы используют саван белого или окрашенный в цвет соответствующего года рождения по буддийским представлениям. В северо-восточном районе расцветка савана зависит от пола – мужчинам синий, голубой, женщинам белый, светло-розовый (Кисель, 2009: 77).

Христианизация и многовековой опыт межэтнического взаимодействия повлияли на трансформацию семейной обрядности тюрков Саяно-Алтая. С началом христианизации, как у алтайцев, так и у хакасов, а позже, и у тувинцев новации проникли в похоронные обряды: появление подземных захоронений на специальных кладбищах, соблюдение поминальных дней. Вероятно, это связано с неразработанностью этих сюжетов и сохранением табуированности этой темы в традиционных верованиях. Отсюда поиски объяснения в христианстве, которое дает понятия «греха», «ада», разработанное представление о посмертном существовании.

Также необходимо отметить, что и в Хакасии, и на Алтае православная культура для части коренного населения со временем стала восприниматься как традиция. Исследование свидетельствует о разной глубине проникновения православия и о разном по интенсивности его воздействии на этносы Саяно-Алтая, что объясняется более ранним проникновением православия в их среду и тесными соседскими, бытовыми и родственными связями с русскими.

Под влиянием православия в традиционной обрядности алтайцев произошли серьезные изменения (Тадышева, 2011: 142–143). К примеру, на Алтае примерно с 1980-х гг. начались посещения кладбищ и уход за могилами умерших, особенно людьми среднего возраста. Происходит это в дни поминок или в день «*өлгөндөрдүн байрамы*», т. е. «праздник умерших». Так называют алтайцы «день поминовения усопших» по христианскому календарю. Интересно отметить, что раньше в алтайских селах этот день никогда не отмечали. Но в конце XX в. *обычай «өлгөндөрдүн байрамы»*, едва появившись в некоторых селах, начал затухать (Клешев, 2005: 117–119.). В данном обряде прослеживается влияние русской культуры, связанные с бытовыми контактами. Христианские традиции, принадлежность к христианской вере привели к изменению многих элементов в традиционной похоронной обрядности.

Мифо-ритуальный комплекс хакасов содержит заимствования из христианства – молитвы, перекрещивание и многое другое, что способствовало по народным представлениям, «облегчению участи усопшего» (Бурнаков, 2009: 135).

В Туве умершей девушке или молодой женщине вместе с сопроводительным инвентарем могут положить губную помаду, бутылку красного вина, мужчине – бритвенный станок, одеколон, бутылку водки, пачку сигарет. Бутылки со спиртным и пачки сигарет должны быть открытыми. Как считают исследователи, включение в состав сопроводительного инвентаря алкогольных напитков, видимо, заимствовано из русскоязычной среды (Кисель, 2009: 82).

Интерес представляет и разнообразие сроков проведения поминальных дней, на данный момент в этнографической литературе нет однозначного ответа относительно выбора именно этих дней. Очевидно, здесь также прослеживается влияние и буддизма, и православия.

Одни исследователи объясняют, что поминки алтайцы проводили на 3-й, 7-й, 40-й дни и через один год. На 3-й день душа умершего «входит» в свой аил и ищет то, что забыли положить с умершим. На 7-й день она впервые осознает себя умершей, когда в виде птички садится

на траву и видит, что та не сгибается под ее тяжестью. На 40-й день после смерти душа покойного отправлялась в подземную страну Эрлика. В последний раз душу умершего «кормили на годовых поминках. У других отмечается, что поминки проводят на 3-й, 7-й, 40-й дни. Душа человека в течение трех дней находится рядом с семьей, домом. Затем в течение сорока дней она проходит свою жизнь заново: от начала до конца. На 40-й день душа становится воробьем, сев на траву и увидев, что она не сгибается, понимает, что умер. Спустя год поминальный обряд не проводят. Пожилые люди объясняют это тем, что раньше годовые поминки не проводили совсем, что это заимствовано от православного русского населения.

Есть информация, согласно которой на 3-й день душа выходит из тела умершего. В течение семи дней она проходит 7 ступеней мира предков, в это время она угощает 7 дочерей Эрлика. На 40-й день «*кижи кебине чыгын јат*» (букв. «выходит из своего прежнего состояния»). Так и на 40-й день новорожденный «*кебине кирип јат*» (букв. «входит в свое тело, состояние»), именно поэтому до этого срока родители чужим ребенка не показывают (Тадышева, 2011: 135–136).

У тувинцев, когда умирает кто-либо, его душа живет в течение трех лет, посещает его бывшие стоянки и близких родственников. Когда исполнится первая или третья годовщина со дня смерти человека, приглашают сильного шамана, он устраивает свидание души покойного с его родственниками. Когда пройдет третья годовщина со дня смерти человека, душа умершего больше не вернется (Кенин-Лопсан, 2002: 79).

В течение года хакасы поминали умершего, выходя на кладбище, четыре раза: на 7-й, 40-й, 100-й дни (ныне – и полгода) и на годовщину. Самым знаменательным днем поминок считается 40-й (*хырыгы*), в этот день душа покойного предстала перед судом загробного мира. Третьи поминки совершали на 100-й день, но сейчас проводятся полгода. Исследователи объясняют это влиянием русских соседей. Последние поминки совершались через год (Бутанаев, 2014: 117, 145). Есть и другое мнение, что обряды поминок у хакасов устраивались на 7-й, 20-й, 40-й день, полгода и годовщину со дня смерти (Ултургашева, 2013: 390).

Влияние бурханизма. Отметим отличительные черты в алтайской похоронно-поминальной обрядности, на которые видимо, оказал влияние бурханизм, возникший и распространившийся в Горном Алтае в начале XX в. Во время поминальных обрядов не проводятся ритуалы, посвященные «*јайык*» – покровителю семьи, который защищает «*курчап јат*» (букв. ставит преграду), он является охраной «*корычыл*». В пантеоне алтайского шаманизма «*јайык*» представлен как дух посредник, охранявший человека от всех несчастий и бед, именно через него приходили души всего живого, но его главная роль заключалась в посредничестве между человеком и верхними божествами. С возникновением бурханизма значение *јайык* 'а актуализировалось и со временем он трансформировался в самостоятельное семейное божество. Тем самым ограничивается контакт божества мира живых с миром предков, миром умерших (Тадышева, 2013: 169).

Также существует запрет использования в традиционной похоронно-поминальной обрядности алтайцев молока и молочных продуктов, можно объяснить тем, что в ритуальной практике бурханистов на первый план вышли молоко и молочные продукты. Необходимо отметить, алтайцы, приверженцы бурханизма называли свою веру «*ак јанг, сүт јанг*» – «белой верой, молочной верой».

Хотя *арчын* и несет в алтайской культуре функцию очищения, он, в первую очередь, является чистым и по представлениям алтайцев применение в похоронной обрядности влечет его осквернение. Для бурханизма характерна особо выраженная сакрализация *арчын* 'а (Шерстова, 2010: 209–211).

В современной семейной обрядности отражены и социокультурные изменения общества в связи с внедрением в традиционную обрядность **элементов общегражданского способа захоронения**. Эволюция похоронно-поминальной обрядности обусловливается государствен-

ными нормами – медицинское освидетельствование, фиксация факта смерти в правоохранительных органах и т.д., экономическими преобразованиями, урбанизацией – в городских условиях проводят поминальный обед в столовых, кафе, ресторанах. Но после поминального обеда дома у умершего все равно проводится «ночевка». Мы видим, как традиция вступает во взаимодействие с этой новой нормой. Безусловно, оказывает влияние и повышение образовательного уровня населения, и снижение роли традиционных способов трансляции культурного опыта.

Сегодня наблюдается деконфессионализация современного типа захоронения. Организация намогильного памятника в настоящее время в большинстве определяется современными тенденциями и вкусами. Гроб наряду с искусственными цветами и венками, является неотъемлемым атрибутом при похоронах. Изменения в погребально-поминальной обрядности можно охарактеризовать как видоизменение традиций; в некоторой части обрядности идет вымывание архаических представлений, прослеживаются заимствования и установление новых элементов в современных условиях.

Одинаковые сюжеты в мировоззрении тюрков Саяно-Алтая: алтайцев, тувинцев и хакасов свидетельствуют о древней этнокультурной общности. Мировоззренческие универсалии определяются природным и историческим опытом народов, который позволяет переживать, оценивать и осмысливать мир одинаково, но каждый этнос формирует собственный образ мира, выражающий присущую только ему картину мира. Представленный материал показывает, что в традиционной картине мира и у алтайцев, и у тувинцев, и у хакасов, представления о видимой и невидимой форме жизни едины. А проведение обрядов перехода – отделения и включения, чтобы умерший был отделен от этого мира и включен в мир предков, трансформируется под влиянием разных религиозных учений и социально-экономических условий жизни населения.

Список литературы

- Бурнаков В. А. К вопросу о похоронной обрядности у хакасов // Сибирский сборник. – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – Кн. 2: [сборник результатов научных исследований, изложенных на VII Сибирских чтениях, посвященных памяти Г. Н. Грачевой, прошедших 23–24 октября 2007 г. в МАЭ РАН / отв. ред. к.и.н. Л. Р. Павлинская]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – С. 126–136.
- Бутанаев В. Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. – Абакан: ООО «Журналист», Б.г. – 316 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Мифы тувинских шаманов. – Кызыл: Новости Тувы, 2002. – 544 с.
- Кисель В. А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII – XXI в. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 142 с.
- Клешев В. А. Традиционная похоронная обрядность алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Вып. 6 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2005. – С. 117–119.
- Майнагашев С. Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. – 1915. – № 2, вып. 2/3. – С. 277–292.
- Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. – 176 с.
- Тадышева Н. О. Культ жайык в традиционных представлениях алтайцев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 169–171.
- Тадышева Н. О. Обряд *чачылга*: современная похоронно-поминальная обрядность в алтайской традиционной культуре // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). – Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – С. 226–228.
- Соколова А. Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI веке: на материалах Владимирской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013 // Электрон. текст. дан. Библиотека диссертаций, 2013. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/transformacii-pohoronnoj-obriadnosti-u-russkih-v-xx-xxi-veke-na-materialah.html> (дата обращения: 10.10.2015).

Ултургашева Н. Т., Ултургашева И. Г. Обряды защиты жизни в традиционной культуре тюрков Сибири в современный период (на примере похоронно-поминальной обрядности) // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42). – С. 389–391.

Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии / отв. ред. В.П. Зиновьев. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 228 с.

Тадышева Н. О., кандидат исторических наук, заместитель директора.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова.

Ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, Россия, 649000.

E-mail: tadisheva@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18.07.2017 г.

Tadyheva N. O.

MODERN FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE TURKS OF THE SAYAN-ALTAI MOUNTAINS: ARCHAIC CULTS AND INNOVATIONS

The present day significance and role of archaic cults are defined in the traditional culture of the Turks of the Sayan-Altai. The study shows that in the modern funeral and memorial rites of the Turks of the Sayan-Altai there are common features such as the preservation of the values of the cult of the ancestors, the sacredness of fire, the ritualized character of a memorial meal, the rites of transition – the “overnight” ritual, farewell to the soul ceremony and others. The transformations characterizing a special worldview for the Altai, Tuva and Khakas people are also of interest. The formation of the main characteristic features of modern traditional rituals occurred as a result of the impact of various State formations, religious teachings and social and cultural changes of society. Although the general world outlook layer peculiar to the peoples of the Sayan-Altai has been modified, in a certain context they continue to operate and now.

Key words: *family rituals, burial-memorial rite, stability, variability, the Sayan-Altai.*

References

- Burnakov V. A. K voprosu o pokhoronnoj obryadnosti u khakasov // Sibirskij sbornik. – 1. Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorij. – Kn. 2: [sbornik rezul'tatov nauchnykh issledovanij, izlozhennykh na VII Sibirskikh chteniyakh, posvyashchennykh pamyati G. N. Grachevoj, proshedshikh 23–24 oktyabrya 2007 g. v MAEH RAN / отв. ред. k.i.n. L. R. Pavlinskaya]. – Sankt-Peterburg: MAEH RAN, 2009. – P. 126–136. [To the question of the funeral rites of Khakassia // Siberian collection. – 1. Funeral rites of the peoples of Siberia and adjacent territories. – Kn. 2: [a collection of research results, presented at the VII Siberian readings dedicated to the memory of G. N. Grachev, held on 23–24 October 2007 at the Kunstkamera / ed. ed. by K. I. B. L. R. Pavlinskaya]. – Saint Petersburg: MAE ran, 2009. – P. 126–136.] (in Russian)
- Butanaev V. Y. Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya. – Abakan: Zhurnalist. – 316 s. [Weekdays and holidays of the Khongoraya Turks. Abakan: Journalist. 316 sec.] (in Russian)
- Kenin-Lopsan M. B. Mify tuvinskiikh shamanov. – Kyzyl: Novosti Tuvy, 2002. – 544 s [Myths of Tuvian shamans. Kyzyl: Tuva News, 2002. 544 p.] (in Russian)
- Kisel' V. A. Poezdka za krasnoj sol'yu. Pogrebal'nye obryady Tuvy. XVIII–XXI v. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2009. – 142 s. [Trip for the red salt. The funeral rites of Tuva. XVIII–XXI century. – St. Petersburg: Nauka, 2009. – 142 p.] (in Russian)
- Kleshev V. A. Traditsionnaya pokhoronnaya obryadnost' altajsev // Ehtnografiya Altaya i sopredel'nykh territorij: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Vyp. 6 / pod red. M. A. Demina, T. K. Shcheglovoj. – Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gos. ped. un-ta, 2005. – P. 117–119. [Traditional funeral ritual of the Altai people // Ethnography of the Altai and adjacent territories: materials of Intern. scientific.-pract. Conf. Vol. 6 / under the editorship of M. A. Demina, T. K. Shcheglova. – Barnaul: publishing house of Barnaul state PED. University press, 2005. – P. 117–119.] (in Russian)
- Majnagashev S. D. Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyam turetskikh plemen Minusinskogo kraja // Zhivaya starina. – 1915. – № 2, vyp. 2/3. – P. 277–292. [Afterlife according to the beliefs of the Turkish tribes of the Minusinsk region // Living antiquity. – 1915. – No. 2, vol. 2/3. – P. 277–292.] (in Russian)

Sherstova L. I. Burkhanizm: istoki ehtnosa i religii / otv. red. V. P. Zinov'ev. – Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2010. – 228 s [Burkhanism: the origins of the ethnos and religion / ed. edited by V. Zinoviev. – Tomsk: Tomsk state University, 2010. – 228 p.] (in Russian)

Sokolova A. D. Transformatsii pokhoronnoj obryadnosti u russkikh v XX–XXI veke: na materialakh Vladimirskej oblasti. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013 // Elektron. tekst. dan. Biblioteka dissertatsij, 2013. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/transformacii-pokhoronnoj-obryadnosti-u-russkikh-v-xx-xxi-veke-na-materialah.html> (data obrashheniya: 10.10.2015). [The transformation of funeral rites in Russian XX–XXI century: on materials of the Vladimir region. Abstract. – Dis. kand. ist. n. M., 2013. // Electron. text. Dan. Library of theses and dissertations, 2013. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/transformacii-pokhoronnoj-obryadnosti-u-russkikh-v-xx-xxi-veke-na-materialah.html> (reference date: 10.10.2015).] (in Russian)

Tadysheva N. O. Vliyanie khristianizatsii na semejnuyu obryadnost' korennoho naseleniya Gornogo Altaya. – Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskaya tipografiya», 2011. – 176 s. [The influence of Christianisation on family rituals of the indigenous population of Gorny Altai. – Gorno-Altajsk: Gorno-Altajsk printing house, 2011. – 176 p.] (in Russian)

Tadysheva N. O. Kul't jajyk v traditsionnykh predstavleniyakh altajtsev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2013. – № 3 (23). – S. 169–171. [The cult jajyk in the traditional beliefs of the Altaians // Vestnik of Tomsk state University. History. – 2013. – № 3 (23). – P. 169–171.] (in Russian)

Tadysheva N. O. Obryad *chachylga*: sovremennaya pokhoronno-pominal'naya obryadnost' v altajskoj traditsionnoj kul'ture // Ehtnografiya Altaya i sopredel'nykh territorij: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. 25-letiyu tsentra ustnoj istorii i ehtnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Barnaul, 28–30 oktyabrya 2015 g.). – Vyp. 9 / pod red. T. K. Shcheglovoj. – Barnaul: AltGPU, 2015. – P. 226–228 [Rite *cachilga*: the modern funeral rites in the Altai traditional culture // Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of International scientific conference commemorating the 25th anniversary of the centre for oral history and ethnography of the laboratory of historical regional study of Altai State Pedagogical University (Barnaul, October 28–30, 2015). – Vol. 9 / edited by T. K. Shcheglova. – Barnaul: Altgpa, 2015. – P. 226–228.] (in Russian)

Ulturgasheva N. T., Ulturgasheva I. G. Obryady zashhity zhizni v traditsionnoj kul'ture tyurkov Sibiri v sovremennyj period (na primere pokhoronno-pominal'noj obryadnosti) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2013. – № 5 (42). P. 389–391. [Rituals of life protection in the traditional culture of the Turkic peoples of Siberia in the modern period (for example, funeral rites) // World of science, culture, education. – 2013. – No. 5 (42). – P. 389–391.] (in Russian)

Tadysheva N. O., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director.

BNU RA “Scientific and Research Institute of Altaian Studies” n.a. S. S. Surazakov.

Ul. Sotsialisticheskaya, 6, Gorno-Altajsk, Republic of Altai, Russia, 646000.

E-mail: tadisheva@mail.ru

Таскаракова Н. Н., Чугунекова А. Н.

ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ХАКАССКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

Настоящая статья посвящена выявлению и анализу стандартных фраз, отражающих время в хакасских фольклорных текстах, в частности в текстах народных сказок и героических сказаний. Несмотря на то, что народные сказки и героические сказания относятся к разным жанрам фольклора, авторам статьи удалось выявить близкие по значению фразы, отражающие давнее время в фольклорных текстах. При анализе указанных фраз основное внимание авторов было обращено на частотность употребления стандартных фраз, парных наречий в фольклорных текстах, также на вариативное употребление некоторых конструкций. Основным результатом данной статьи является определение средств выражения категории времени в хакасских фольклорных текстах.

Ключевые слова: категория времени, хакасские фольклорные тексты, стандартные фразы, наречия.

Время относится к числу фундаментальных категорий, познанием которой занимаются представители многих научных дисциплин – философы, физики, культурологи, филологи и другие исследователи. В лингвистике, как правило, категория времени «опирается на представления о личной форме глагола, которая позволяет подразделять действие на прошлое, настоящее и будущее» (Кравчиньска, 2017: 3) и темпоральные наречия. В последнее время ученые-лингвисты стали уделять внимание изучению моделей времени, выявляемых в поэтических и художественных текстах. Так, например, свое видение вечных категорий времени и пространства в текстовом поле произведений Марины Цветаевой и Зинаиды Гиппиус мы находим в монографии Д. А. Салимовой и Ю. Ю. Даниловой (2009); в исследовании Ш. Ю. Кужугет рассматривается 'природное время', отраженное в прозе народного писателя Тувы К.-Э. К. Кудажы (2014). В одной из публикаций авторов данной статьи «Пространство и время в рассказах И. М. Костякова» (2017) объектом внимания стали слова, номинирующие «природное пространство» и «природное время», в рассказах хакасского писателя Ивана Мартыновича Костякова.

Изучение моделей времени, выявляемых в фольклорных текстах, также является одной из актуальных и перспективных задач в лингвистике. Среди работ, выполненных на материале русского языка, следует назвать публикацию М. Надель-Червинской (2011), в которой рассмотрены модели русской фольклорной сказки, и статью М. А. Кравчиньска (2017), посвященной темпоральным наречиям, используемым в фольклорном тексте русской сказки. На материале тюркских языков исследование, в котором на достаточно большом языковом материале были описаны стандартные фразы, отражающие время в текстах тувинских героических сказаний, было осуществлено М. В. Ондар (2017); язык хакасского героического эпоса «Алтын Арыҥ» подробно описала с точки зрения организации морфологического строя, словаря и синтаксиса О. В. Субракова (1978).

Известно, что язык фольклорных текстов значительно отличается от языка иных художественных произведений, он «...многими годами отшлифовывается, вырабатываются определенные устойчивые модели...» (Ондар, 2017: 158), которые выражают в том числе и значение времени. Данные устойчивые модели также известны как «стандартные формулы», «стандартные фразы», «формы», «клише» и др.

Стандартные фразы, отражающие время в хакасских фольклорных текстах сказок и героических сказаний, до настоящего времени не были объектом специального исследования, чем и определяется новизна данной статьи.

Материалом для данного исследования послужили тексты таких хакасских народных сказок и героических сказаний как «Алтын Арыҥ» и «Алтын Чюс», записанные от известного народного сказителя Хакасии С. П. Кадышева (1885–1977).

Следует отметить, что сказки, опубликованные в сборнике, по-хакасски называются «чазаг ныхмах», т.е. «пешие» сказки. Их рассказывают без музыкального сопровождения, тогда как эпические поэмы (по-хакасски – «алыптыг ныхмах») сопровождаются горловым пением и игрой на национальном инструменте – *чатхан*.

Итак, рассмотрим выявленные нами стандартные фразы, отражающие время в фольклорных текстах сказок и героических (богатырских, эпических) сказаний. Из представленных в сборнике «Хакас чонының ныхмахтары» 32-х текстах народных сказок, 10 из них начинаются с устойчивых выражений или наречий со значением времени.

Так, например, сказка «Сабаннаң сыххан оолах» («Мальчик, вышедший из бочки») начинается с изафетной конструкции *амдыгының алнында, пурунгының соонда*. Значение времени определяется лексическим значением составляющих эту конструкцию компонентов: *амдыгы* – «теперешний, нынешний», *пурунгы* – «древний, старый»: *Амдыгының алнында, пурунгының соонда, Хара тагның төзінде, Хара сугның хазында ўс палыхчы чуртаан полтырлар* (Хакас чонының ныхмахтары – далее ХЧН, 90) «Раньше нынешнего времени, позже прежнего времени у подножия Черной горы, около Черной реки жили три рыбака» [Перевод наш].

Ср. похожую фразу из художественной сказки известного хакасского писателя М. Е. Кильчичакова «Көйтүк түлгүденер ныхмах» («Сказка о хитрой лисе»), написанной в стихотворной форме. Эта сказка тоже начинается с устойчивого выражения: *амдыгы төлнің алнында, пурунгы төлнің соонда* «прежде нынешнего поколения, позже старого поколения». Как видно, в этой фразе появляется существительное *төл*, к которому переходит аффикс притяжательного падежа *-ның/-нің* (*төлнің*) субстантивированного прилагательного *амдыгының*, при этом смысл конструкции не изменяется:

*Амдыгы төлнің алнында,
Пурунгы төлнің соонда,
Ах чазының ортызында,
Кизек таллар аразында,
Тан тобырбас тымых чирде,
Чил кірбес чылыг чирде,
Хара пуруннаң чурт салынып,
Ала саасхан чуртаан полган.*
(М. Кильч, с. 23)

«Раньше нынешних времен,
Но позднее древних лет,
Там, где степь со всех сторон,
Как один большой букет,
Средь степных цветов росла
Роща одиноко.
Там гнездо свое свила
Пестрая сорока
[Перевод В. В. Семенова, с. 3]

«Прежде нынешнего времени,
Позже старого поколения,
Посреди голой степи,
Средь ивовой рощи
В безветренном месте,
Жила Пестрая Сорока»
[Перевод наш].

Судя по собранному языковому материалу, в зачине хакасской сказки, кроме специальных формул (устойчивых выражений), используются и «парные наречия»¹, которые также ориентируют слушателя во времени. Среди них *алында-пурунда* «давно, в старину, в давние времена» и *хачан-хачанох* «давным-давно», компоненты которых тесно связаны между собой по смыслу.

¹См. статью А. Н. Чугунекова, Н. Манчилаева. Парные наречия как средство выражения времени в хакасском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 г.) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2016. – С. 249–252.

Наречие *алында-пурунда* образовано путем сложения близких по смыслу, но разных по звуковому составу слов (*алында* ‘раньше, прежде’ и *пурун(да)* ‘раньше, прежде’). Например: *Алында-пурунда полтыр пу кирек* (ХЧН, 18) ‘Это было в давние времена’ [Перевод наш]; *Алында-пурунда апсах-иней чуртаан иргептірлер* (ХЧН, 22) ‘В давние времена жили старик со старухой’ [Перевод наш]; *Алында-пурунда палыхчы чуртаптыр* (ХЧН, 95) ‘В давние времена жил рыбак’ [Перевод наш].

Единичный случай, когда парное наречие *алында-пурунда* встречается не в зачине сказки, а в другом месте: *Алында-пурунда ал полбаан Абахай Пахтаны ам аларбын! – тінче Хайырғас...* (ХЧН, 21) ‘Ту, на которой мечтал я жениться в давние времена, теперь я женюсь! – говорит Хайырғас...’ [Перевод наш].

Компонентами наречия *хачан-хачанох* ‘давным-давно’ выступают одинаковые основы, второй компонент обычно выступает с утвердительной частицей *-ох*, который придает большее подтверждение данному значению (см. *хачанох* ‘давным-давно; издавна’ (ХРС, 2006: 829)). Например: *Хачан-хачанох, тың ўрде, пір хадарчы апсах чуртаптыр* (ХЧН, 32) ‘Давным-давно жил старик пастух’ [Перевод Б. И. Балтера, с. 87].

Некоторые хакасские народные сказки начинаются с наречия *хас-хачанох*, состоящий из сочетания усилительной препозитивной частицы *хас* и наречия *хачанох* ‘давно, давным-давно, издавна’: *Хас-хачанох пір абыс чуртаптыр* (ХЧН, 76) ‘Давным-давно жил поп’ [Перевод Б. И. Балтера, с. 93] и др. (ср. *хас пуруннаң* ‘испокон веков’, *хас пурунғы* ‘очень давний’).

Таким образом, рассмотренные выше стандартные фразы и парные наречия встречаются только в зачине сказки, в которых говорится о самом отдаленном времени, что соответствует русскому «давным-давно, в незапамятные времена». Компоненты стандартных формул и парных наречий имеют строго закреплённое место.

Также рассмотренные выше наречия (*хас-хачан* и *хачан-хачан*) имеют место в богатырских сказаниях. Но в отличие от текста сказок, в зачине сказания они не используются, а встречаются в других местах и, судя по языковому материалу, употребляются только в сочетании с глаголом *пол* ‘быть’ в условном наклонении (*пол=за*) в придаточной части сложноподчиненного предложения:

1. *Хас-хачан полза, ол пала ир ѓс парза...* ‘Когда-нибудь, когда тот ребенок станет мужчиной...’ [Перевод наш].

2. *Хас-хачан полза, мин ѓліп, мин чадып халзам...* ‘Когда-нибудь, когда я умру, когда я слягу...’ [Перевод наш].

3. *Че хачан-хачан полза, Улуг сидік көрчедерзер...* ‘Но когда-нибудь увидите большие трудности...’ [Перевод наш].

Следующая стандартная формула *ўр бе, ас па* ‘долго ли, коротко ли’, передает, на наш взгляд, «неопределенное», возможно, «растянутое по длительности» время. Компоненты этой пары обладают самостоятельным значением (*ўр* ‘долго, продолжительно’ и *ас* ‘мало, малое количество’). В нашем случае эта фраза встречается намного чаще, чем другие. Например, в одной сказке – по два, иногда и три раза. Нам встретилось данная фраза всего 20 раз.

Например: *Ўр бе, ас па полганда, орай частыг алып кізі, одыра тўзіп, Ирлік-Айнаны хол узына көдірібіскен* (ХЧН, 6) ‘Долго ли, коротко ли было, малолетний богатырь вскочив, поднял Ирлик-Айна над собой’ [Перевод наш]; *Ўр бе, ас па чуртааннар іди апсах-иней* (ХЧН, 23) ‘Долго ли коротко ли жили так старик со старухой’ [Перевод наш]; *Ўр бе, ас па полганда, хостигы аалда пір улуг пайның пір абдыра алтын ахказы чіт партыр* (ХЧН, 52) ‘Долго ли, мало ли было, в соседнем улусе у одного бая пропала шкатулка с золотыми деньгами’ [Перевод наш]; *Ўр бе, ас па полганда, абыс, пір пиш мўніп алып, чалаң чылгыларын көрерге парча* (ХЧН, 79) ‘Много ли, мало ли прошло с тех пор времени, поехал как-то поп верхом на кобыле табуны смотреть’ [Перевод наш]; *Ўр бе, ас па полганда, пу ікөлең удур-төдір көөленізібіскенер* (ХЧН, 81) ‘Много ли, мало ли времени прошло, юноша и девушка полюбили друг друга’

[Перевод Б. И. Балтера, с. 99]; *Ўр бе, ас па парганда*, [оолах] хан чуртаан аалга читти (ХЧН, 88) 'Долго ли, мало ли шел [мальчик], пришел он в улус хана' [Перевод наш] и др.

Судя по языковому материалу, компоненты данной конструкции могут меняться местами. Нами выявлено три случая: *Ас па, ўр бе полган...Тасхыл пастарына хара пулуттар одырглабысханнар* (ХЧН, 12) 'Мало ли, долго ли было...над скалами нависли черные тучи' [Перевод наш]; *Ас па, ўр бе парганда, киме тохти тўскен* (ХЧН, 63) 'Мало ли, долго ли ехали, лодка остановилась' [Перевод наш]; *Наа палалар ас па, ўр бе чуртап парилар* (ХЧН, 111) 'Мало ли, долго ли живут вместе молодые' [Перевод наш].

Данное клише имеет следующий вариант: *ўр парган, ас парган* 'долго ехал, мало ехал'.

Например: *Ўр парганнар, ас парганнар олар* (ХЧН, 4) 'Долго ехали, мало ехали они' [Перевод наш]; *Ўр парган, ас парган ол, пір сынны ас парганда, агаа ах пора аттыг апсах учурап парган* (ХЧН, 99) 'Долго ехал, мало ехал он, когда перевалил один хребет, ему встретился старик на светло-сером коне' [Перевод наш].

Компоненты данного варианта клише тоже могут меняться местами: *Ас парган, ўр парган* [оолах] *пір чулычахха учурап парып, ам чар хастап парир* (ХЧН, 84) 'Мало ехал, долго ехал [мальчик], попалась ему речка, и он направился вдоль нее по берегу' [Перевод наш].

Традиционно в фольклорных текстах описывается время, характеризующее разные части суток. Это утреннее, вечернее и ночное время.

Утреннее время в текстах сказки характеризуется:

1. Сочетанием имени *таң* 'заря' со служебным именем *алнында* 'впереди', т.е. *таң алнында* 'на рассвете', которое указывает на промежуток времени до восхода солнца: *Таг ээзі, тосханча азыранып алып, солдатха чоохтапча: – Таң алнында син столың наачылап тимнеп сал* (ХЧН, 59) 'Хозяин горы поел и приказал солдату: – К рассвету стол снова накрой' [Перевод наш].

2. Наречием *иртен* 'утром' и *иртенінде* 'наутро, назавтра': *Ікі харындас иртен турзалар, хуу көзөде күрең хусхун одырча* (ХЧН, 12) 'Когда два брата утром встали, то увидели, что на голом суку сидит ворон' [Перевод наш]; *Иртен, кресен усхунганда, абыс агаа чоохтапча: – Син минде пір чыл тогынарзың* (ХЧН, 78) 'Утром крестьянин проснулся, поп ему говорит: – Должен ты на меня год работать' [Перевод Б. И. Балтера, с. 95]; *Иртенінде, усхунып, Ир Тохчын ипчізіне чоохтапча: – Түзім полчаң ма, түлім полчаң ма?* (ХЧН, 30) 'Наутро Ир Тохчын, проснувшись, говорит своей жене: – То ли во сне было, то ли наяву?' [Перевод наш].

Вечернее время характеризуется:

1. Наречием *иирде* 'вечером': *Иирде, ибге айланып, очы хара атты, тыын хазаага кирип, аргазына алтон пуд хум артып, алын азахтарын тимір кізеннең кізенеп, постарының хасха хоор адының мойнына палгап салганар* (ХЧН, 29) 'Вечером вернулся Хара-Моол домой, завел коня в стойку, навалил ему на спину 60 пудов песка, передние ноги спутал железной цепью, чтобы не убежал, привязал коня к шее другой лошади, а дверь стойки запер' [Перевод Б. И. Балтера, с. 65]; *Иирде, кресен айлан килгенде, абыс пазох сыйлапча аны* (ХЧН, 80) 'Вечером, когда крестьянин вернулся, поп снова его стал угощать' [Перевод наш].

2. Сочетаниями слов, например, *иир хараазы* 'поздний вечер' (букв. вечер его ночи) или *иир сай* 'каждый вечер, где послелог сай вносит значение регулярной повторяемости действия': *Иир хараазы пол килгенде, ізіктегі тураның ізігі азыла тўскен* (ХЧН, 59) 'Поздним вечером (букв. когда наступил поздний вечер), открылась дверь передней комнаты' [Перевод наш]; *Иир сай Чатхан апсахсар пастухтар чыылыс сыхханнар апсахтың ўннендіре хахчат-ханын истерге* (ХЧН, 32) 'Каждый вечер к нему приходили послушать музыку пастухи' [Перевод Б. И. Балтера, с. 87].

В текстах героических сказаний вечернее время тоже выражается сочетанием слов, например, *иир тус* 'вечернее время': *Иир тус полза, иблеріне нанза...* (АА, 8) 'Когда наступит вечернее время, когда они вернутся домой...' [Перевод наш].

3. Существительным *харасхы* ‘1) темнота, тьма, мрак; 2) сумерки, сумрак’: *Ўс харындас тайгазар аңнап партырлар. Харасхы пол парган. Кӧрзелер ырах нимес от чарыпча* (ХЧН, 114) ‘Пошли три брата в тайгу на охоту. Наступила ночь [наш вариант перевода – **стемнело**], а костер нечем развести. Видят: неподалеку огонек светится’ [Перевод Б. И. Балтера, с. 73].

Ночное время характеризуется:

1. Наречием *хараа* ‘ночью’: *Хараа хасха хоор атнаң очы хара ат чоохтасчалар: – Синің ээң-күлиң Хара Моол хайдаг андаг кізі полчаң? – тінче очы хара. – Хасха пүүрні атып полбаан ачиінаң мині сохча* (ХЧН, 29) ‘Ночью лошади разговорились: – Что за человек твой хозяин – Хара-Моол? – сказал Малый конь. – Сам стрелять не умеет, меня по голове бьет’ [Перевод Б. И. Балтера, с. 65].

2. Свободными словосочетаниями *орты хараа* ‘полночь’ и *орай хараа* ‘глубокая ночь’: *Орты хараа тузында ікі аран-чула ат Моол ханының чирін тасты чӧрібіскеннер* (ХЧН, 30) ‘В полночь два богатырских коня-скакуна покинули землю Моол хана’ [Перевод наш]; *Орты хараа ирткендӧк, петух тапсады* (ХЧН, 78) ‘Сразу после полуночи запел петух’; – *Орай хараада, оолгым, ноо киректең чӧрзің алай ас чӧрзің ме? – апсах кізі сурча* (ХЧН, 114) – ‘Глубокой ночью, сын мой, по какому делу ходишь или заблудился? – спрашивает старик’ [Перевод наш].

Следует сказать, что данные слова, словосочетания характерны и для текстов художественных произведений.

Далее рассмотрим выявленные нами фразы, выражающих ночное время в эпических поэмах. Итак, судя по собранному языковому материалу, большинство событий, происходящих в эпических произведениях, приходится на ночное время. Нами выявлены четыре разные формы, характеризующие темное время суток.

Первая – *орты хараа тус* ‘полночь (букв. середина ночного времени)’. Как видим, отличается эта форма от вышеуказанной тем, что в текстах эпических произведений к ней прибавляется еще существительное *тус* ‘время’:

*Иди узуп полбин чадыпчатханда,
Орты хараа тусха чит чӧрібіскен...*
(букв. дошло до времени полуночи’).

[Алтын Арыҭ, с. 139]

‘Пока лежала и не могла уснуть,
Наступила полночь...

[Перевод наш].

Вторая - *ай хараазы* ‘лунная ночь’:

*Ай хараазы пол парган,
– Алтон чылтыс санал тур...*

[Алтын Арыҭ, с. 10]

‘Лунная ночь наступила?
Шестьдесят звезд насчитали...’.

[Перевод наш].

Следующая сочетание, характеризующее ночное время в эпическом произведении, это *түн хараазы* ‘темная ночь’. В данном случае мы видим сочетание двух синонимичных слов: *түн* ‘ночь’ и *хараа* ‘ночь’. В хакасском языке существительное *түн* в данном значении сохранилось только в фольклорных текстах:

*Түн хараазы пол парган,
Түбен чылтыс көрін тур*

[Алтын Арыҭ, с. 10]

‘Наступила темная ночь,
Видно бесчисленное количество звезд’.

[Перевод наш]

Или еще пример из «Хакасско-русского словаря»: «*Түн хараазын түнепчелер фольк.* Темную ночь подремали [богатыри]» (ХРС, 2006: 691).

Следующая конструкция, которая тоже выражает темное время суток в эпических поэмах – это *хараагы түнде* ‘глубокой ночью’, где мы видим те же компоненты, что и в предыдущей, но в обратной последовательности:

1. <i>Хараагы тўнде аалны аралы парирлар...</i>
[Алтын Арыҥ, с. 10]	‘Глубокой ночью идут среди деревни...’
[Перевод наш].
2. <i>Хайдаг ноо нимелер хараагы тўнде,</i>
<i>Минің ізімні ізіктеп турған...</i>
[Алтын Арыҥ, с. 11]	‘Кто же глубокой ночью,
Стучится в мою дверь...’
[Перевод наш].
3. <i>Алтын Сайзаң апсах ол чирдең</i>
<i>Хараагы тўнде хазып-тизіп чөрібіскен...</i>
[Алтын Арыҥ, с. 26]	‘Старик Алтын Сайзаң оттуда
Удрал глубокой ночью...’
[Перевод наш].
4. <i>Хараагы тўнде, алтын сарчын төзіне</i>
<i>Пас киліп көрібіссе,</i>
<i>Ах хар осхас ах ой ат</i>
[Алтын Чюс, 194]	Глубокой ночью увидел
У золотой коновязи,
Бело-сивого коня
[Перевод наш].

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующий вывод: 1) зачин текстов десяти сказок из тридцати двух начинается со стандартных фраз и парных наречий, отражающих давнее время; 2) зачин героических сказаний не начинается со стандартных фраз, как тексты сказок, отражающих время; 3) стандартные фразы, отражающие время в героических сказаниях, встречаются в других местах текста; 3) из фраз, характеризующих части суток в фольклорных текстах, достаточно ярко выделяются фразы, отражающие утреннее и ночное время.

Список литературы

- Кравчиньска М. А. Наречие как средство формирования временных отношений в фольклорном тексте сказки // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narechie-kak-sredstvo-formirovaniya-vremennyh-otnosheniy-v-folklornom-tekste-skazki>.
- Кужугет Ш. Ю. Лексико-семантическое поле «Природное время» в прозе К.-Э. К. Кудагы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 25 с.
- Надель-Червинская М. Структурно-семантические модели русской фольклорной сказки. – Тернополь: Крок, 2011. – 282 с.
- Ондар М. В. Стандарты, отражающие время, в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2 ч. – Ч. 2. – С. 157–163.
- Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М. И. Цветаевой и З. Н. Гиппиус): монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 312 с.
- Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. – 182 с.
- Таскаракова Н. Н., Чугунекова А. Н. Пространство и время в рассказах И. М. Костякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 138–140.
- Хакасско-русский словарь – Хакас-орыс сөстiк / Сост.: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Список источников иллюстративного материала

- Алтын Арыҥ: Богатырские сказания, записанные от С. П. Кадышева. Подготовка изд. Т. Г. Тачеевой. Илл. В. Тодыкова. – Абакан: Хак. издат., 1987. – 232 с.
- Кильчичаков М. Е. Сказка о хитрой лисе. На русском и хакасском языках. (Перевод на русский язык В. В. Семенова). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1993. – 40 с.
- Хакасские народные сказки. На хакасск. яз. (Сост. В. И. Доможаков). – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1986. – 144 с.
- Хакасские народные сказки. На русск. яз. Перевод, предисловие и примеч. Б. И. Балтера. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1986. – 144 с.

Таскаракова Н. Н., кандидат филологических наук, доцент.

**Институт филологии и межкультурной коммуникации,
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.**

Ул. Ленина, 94, Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017.

E-mail: n-tas@mail.ru

Чугунекова А. Н., доктор филологических наук, доцент.

**Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.**

Ул. Ленина, 94, Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017.

E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18.07.2017 г.

Taskarakova N. N., Chugunekowa A. N.

REFLECTION TIME IN THE KHAKASS FOLKLORE TEXTS

The present article is devoted to the identification and analysis of standard phrases that reflect the time in the Khakass folklore texts, in particular in the texts of folk tales and heroic tales. Despite the fact that folk tales and heroic sagas belong to different genres of folklore, the authors were able to identify similar meaning, reflect a long time in folk texts. In the analysis of these sentences the focus of the authors was drawn to the frequency of use of standard phrases, pairs of adverbs in the folklore texts, also for the variable use of certain structures. The main result of this article is to define the means of expressing the category of time in the Khakass folklore texts.

Key words: *category of time, Khakas folklore texts, standard phrases, adverbs.*

References

- Kravchinska M. A.* Narechie kak sredstvo formirovaniya vremennih otnoshenii v folklornom tekste skazki [Dialect as a form of temporal relations in text folk tales]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narechie-kak-sredstvo-formirovaniya-vremennyh-otnosheniy-v-folklornom-tekste-skazki>. (in Russian)
- Kujuget Sh. Yu.* Leksiko_semanticheskoe pole «Prirodnoe vremya» v proze K. E. K. Kudaji [Lexico-semantic field of "Natural time" in the prose of K. A. C., Kudzy]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2014. – 25 p. (in Russian)
- Nadel_Chervinskaya M.* Strukturno semanticheskie modeli russkoi folklornoj skazki [Structural-semantic models of Russian folk tales]. – Ternopol: Krok, 2011. – 282 p. (in Russian)
- Ondar M. V.* Standarti, otrajayuschie vremya, v tuvinskih geroicheskikh skazaniyah [Standards reflecting the time in the Tuvinian heroic legends] // Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2017. – № 1 (67): v 2 ch. – Ch. 2. – С. 157–163. (in Russian)
- Salimova D. A., Danilova Yu. Yu.* Vremya i prostranstvo kak kategorii teksta: teoriya i opit issledovaniya (na materiale poezii M. I. Cvetaevoi i Z. N. Gippius) [Time and space as categories of text: theory and experience of research (based on the poetry of M. I. Tsvetaeva and Z. N. Gippius)]: monografiya. – M.: Flinta; Nauka, 2009. – 312 p. (in Russian)
- Subrakova O. V.* Yazik hakasskogo geroicheskogo eposa [The language of the Khakas heroic epos]. – Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatelstvo, 2007. – 182 p. (in Russian)
- Taskarakova N. N., Chugunekova A. N.* Prostranstvo i vremya v rasskazah I. M. Kostyakova [Space and time in the stories of I. M. Kostyakov] // Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2017. – № 8 (74): v 2-h ch. – Ch. 1. – P. 138–140. (in Russian)
- Hakassko-russkij slovar' = Hakas-orys söstik* [Khakass-Russian dictionary] / O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgojakov, A. I. Inkizhekova-Grekul, D. F. Patachakova, O. V. Subrakova, P. E. Beloglazov, Z. E. Kaskarakova, A. S. Kyzlasov R. D. Sunchugashev, M. D. Chertykova. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1114 p. (in Russian)

Taskarakova N. N., Cand. of Philology, Associate Professor.

Khakass Philology of Institute of Philology and intercultural communication

Katanov Khakas State University.

Ul. Lenina, 94, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017.

E-mail: n-tas@mail.ru

Chugunekowa A. N., Doctor of Sciences (Philology), senior lecturer, Senior Fellow.

Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology,

Katanov Khakas State University).

Ul. Lenina, 94, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017.

E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Бурнаков В. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН
Пр. Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 634090
старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований
Новосибирский государственный университет
Ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Россия, 630090
E-mail: venariy@ngs.ru
- Галицына Е. Г. – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания УрФУ
Уральский федеральный университет
Пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Россия, 620000
E-mail: helen25-00@mail.ru
- Кашкин Е. В. – кандидат филологических наук
научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Ул. Волхонка, 18/2, Москва, Россия, 119019
старший научный сотрудник
Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: egorkashkin@rambler.ru
- Ким А. А. – доктор филологических наук, профессор
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: alexandrakim@hotmail.com
- Ковылин С. В. – младший научный сотрудник
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: kovylin.ser@yandex.ru
- Коломиец О. П. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН
Ул. Портовая, 16, Магадан, 685000
E-mail: okkolo@mail.ru
- Крюкова Е. А. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: elenakrjukova@tspu.edu.ru
- Нефёдов А. В. – PhD.
Университет Гамбурга. Институт финно-угристики/уралистики
Überseering 35, 22297 Hamburg, Germany
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050
E-mail: andrey.nefedov@gmail.com
- Нувано В. Н. – научный сотрудник
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН
Ул. Портовая, 16, Магадан, 685000
E-mail: vlad_nuvano@mail.ru
- Полякова Н. В. – доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com
- Попова С. А. – кандидат исторических наук
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ул. Чехова, 12, Ханты-Мансийск, 628011
E-mail: Rusina-porova@yandex.ru
- Рудковский И. В. – канд. ист. наук
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: lemke2@yandex.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: **tjla@tspu.edu.ru**. Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (docx/doc и pdf).

Для статей на русском языке:

- 1-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учёбы).

Для статей на английском языке:

- 1-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учёбы).

Для статей на немецком языке:

- 1-й файл (на немецком языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на русском языке или английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учёбы).

Текст статьи объемом не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон.

Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи по алфавиту (русскоязычные источники сопровождаются транслитерацией). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Найду, 1970: 136).

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION TO THE “TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS AND ANTHROPOLOGY”

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at **tjla@tspu.edu.ru**

For the submissions in Russian:

- the first file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.
- the second file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in English:

- the first file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.
- the second file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in German:

- the first file in German: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.
- the second file in Russian or English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

The volume of the submission generally should not exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14 pt, line spacing 1,5, all margins 2 cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams maybe in MS Excel format, all submitted as separate attached files.

Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are accompanied by transliteration). References in the text are to show in Parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).

- Тадышева Н. О. – кандидат исторических наук, заместитель директора
Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова
Ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, Россия, 649000
E-mail: tadisheva@mail.ru
- Таскаракова Н. Н. – кандидат филологических наук, доцент
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
Ул. Ленина, 94, Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017
E-mail: n-tas@mail.ru
- Чугунекова А. Н. – доктор филологических наук, доцент
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
Ул. Ленина, 94, Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

AUTHORS

- Burnakov V. A. – Kandidat Nauk in History, Senior Researcher, Ph.D. in History
Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Av. Ak. Lavrentiev, 17, Novosibirsk, Russia, 630090
Senior Researcher Humanities Research
Novosibirsk State University
Ul. Pirogov, 2, Novosibirsk, Russia, 630090
E-mail: venariy@ngs.ru
- Chugunekowa A. N. – Doctor of Sciences (Philology), senior lecturer, Senior Fellow
Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology,
Katanov Khakas State University
Ul. Lenina, 94, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru
- Galitsyna E. G. – PhD student, Chair of the Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University
Pr. Lenina, 51, Ekaterinburg, Russia, 620000
E-mail: helen25-00@mail.ru
- Kashkin E. V. – Researcher
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
Ul. Volkhonka, 18/2, Moscow, Russia, 119019
Senior Researcher
Tomsk State University
Av. Lenin, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: egorkashkin@rambler.ru
- Kim A. A. – Doctor filol. nauk, professor.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
National Research Tomsk State University.
Pr. Lenina, 36, Tomsk, 634050.
E-mail: alexandrakim@hotmail.com
- Kolomiets O. P. – PhD (History), leading researcher
North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch,
Russian Academy of Sciences
E-mail: okkolo@mail.ru
- Kovylin S. V. – Junior research fellow.
National Research Tomsk State University.
Pr. Lenina, 36, Tomsk, 634050.
E-mail: kovylin.ser@yandex.ru
- Kryukova E. A. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru
- Nefedov A. V. – University of Hamburg. Institute of Finno-Ugric and Ural Studies
Überseering 35, 22297 Hamburg, Germany
National Research Tomsk Polytechnic University
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: andrey.nefedov@gmail.com
- Nuvano V. N. – research associate of the History and Economics Laboratory (Anadyr)
North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch,
Russian Academy of Sciences
E-mail: vlad_nuvano@mail.ru
- Polyakova N. V. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com
- Popova S. A. – Candidate of Science in History
Ob-Ugric Institute for Applied Studies and Designs
Ul. Chekhova, 12, Khanty-Mansiysk, 628011
E-mail: Rusina-popova@yandex.ru
- Rudkovsky I. V. – Candidate historical sciences, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: lemke2@yandex.ru

- Tadysheva N. O.* – *Candidate of Historical Sciences, Deputy Director
BNU RA "Scientific and Research Institute of Altaian Studies" n.a. S. S. Surazakov
Ul. Sotsialisticheskaya, 6, Gorno-Altaysk, Republic of Altai, Russia, 646000
E-mail: tadisheva@mail.ru*
- Taskarakova N. N.* – *Cand. of Philology, Associate Professor
Khakass Philology of Institute of Philology and intercultural communication,
Katanov Khakas State University
Ul. Lenina, 94, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017
E-mail: n-tas@mail.ru*